

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

На правах рукописи

БЕЛЯЕВ АНДРЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ

**ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОХОДОВ
ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА**

Специальность 5.2.4. – Финансы

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, доцент
Кулаговская Татьяна Анатольевна

Ставрополь – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА И ФОРМИРОВАНИЯ ЕГО ДОХОДНОЙ ЧАСТИ	
1.1 Роль таможенно-тарифной политики в сбалансированном развитии федерального бюджета.....	14
1.2 Устойчивость федерального бюджета: основные детерминанты и инструменты обеспечения.....	29
1.3 Методы и модели повышения резистентности федерального бюджета к шоковым воздействиям.....	40
ГЛАВА 2. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ТАМОЖЕННО- ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОХОДОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА	59
2.1 Анализ влияния экзогенных и эндогенных шоков на динамику таможенных платежей в доходы федерального бюджета.....	59
2.2 Оценка структуры российского экспорта и ее воздействия на доходную часть федерального бюджета	76
2.3 Трансформация таможенно-тарифной политики в результате вступления России в ЕАЭС.....	90
ГЛАВА 3. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЙ ПОЛИТИКИ КАК БАЗОВОГО ИМПЕРАТИВА УКРЕПЛЕНИЯ ДОХОДНОЙ ЧАСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА.....	105
3.1 Моделирование фискальных свойств инструментов таможенно-тарифного регулирования.....	105
3.2 Оптимизация регулирующей функции таможенных пошлин в условиях внешнеэкономических интеграционных процессов	121
3.3 Перспективные направления повышения резистентности	

федерального бюджета посредством формирования адаптивной таможенно-тарифной политики.....	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	159
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Индекс сложности экспорта стран ЕАЭС.....	181
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Исходные данные для оценки фискальных свойств инструментов таможенно-тарифного регулирования.....	184
ПРИЛОЖЕНИЕ В. Регрессионные модели и оценка их качества.....	186
ПРИЛОЖЕНИЕ Г. Результаты моделирования влияния таможенных платежей на доходы бюджетной системы.....	190

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Обеспечение целевых ориентиров социально-экономического развития страны невозможно без формирования траекторий устойчивого роста доходов федерального бюджета и наличия адаптивной бюджетной политики, способной эффективно реагировать на современные вызовы. Важную роль в обеспечении сбалансированности финансовой системы государства играют таможенные пошлины и сборы, что предопределяет высокое влияние экзогенных шоков экономического и неэкономического характера на рост волатильности поступлений в федеральный бюджет и, как следствие, негативное воздействие на его устойчивое развитие.

Необходимо учитывать, что реализация стратегических приоритетов российской экономики, связанных со структурной модернизацией, требуют значительной финансовой поддержки со стороны государства, что в условиях ограниченности бюджетных ресурсов, связанных в том числе, с введением искусственных барьеров со стороны западных стран, делает российскую экономику более чувствительной к негативному воздействию экзогенных шоков. В силу этого обеспечение роста доходов федерального бюджета невозможно без формирования эффективной таможенно-тарифной политики, учитывающей не только динамику и структуру внешнеторговой деятельности, финансовых и инвестиционных потоков, но и существующий уровень различия в восприимчивости экономических агентов к шоковым импульсам.

Широкий спектр используемых инструментов таможенно-тарифного регулирования, многообразие целей, задач и механизмов их достижения, а также комплексный характер влияния внешнеэкономических отношений на доходы федерального бюджета, подчеркивает важность и актуальность выбранной темы исследования. Необходима разработка комплексного механизма повышения уровня резистентности бюджетной системы к

внешним шокам в условиях повышенной макроэкономической волатильности на основе использования инструментов таможенно-тарифного регулирования защитного и стимулирующего характера.

Степень научной разработанности проблемы. Фундаментальные положения теории государственных финансов и функционирования бюджетной системы заложены в работах П.В. Акинина, В.В. Гамукина, Л.С. Гринкевича, Н.А. Истомина, Е.А. Лойтера, И.В. Сугаровой, З.К. Тавбулатовой, А.А. Татуева, Т.Ш. Тиникашвили, Н.Х. Токаева. Специфика преодоления кризисных явлений в экономических системах изучалась западными исследователями такими как: Г. Броман, Н. Геммелл, М. Карлей, П. Кругман, Р. Масгрейв, Е. Хелпман, Дж. Элиот и др. Причины возникновения шоков и их влияние на доходы федерального бюджета рассмотрены в работах В.И. Авдийского, Е.А. Васильева, А.А. Песоцкого, В.К. Сенчагова.

Основные аспекты таможенного регулирования и подходы к его оптимизации исследовали такие авторы как: И.В. Гомон, А.В. Данильцев, И.И. Дюмулен, В.Е. Новиков, В.В. Орешкин, В.Ю. Пресняков, В.Г. Свинухов. Роль таможенно-тарифных инструментов в формировании долгосрочных траекторий развития федерального бюджета рассматривали в своих работах М.В. Аликаева, А.М. Либман, И.Е. Пелипась, А.А. Середа.

Данные исследования заложили теоретический и методологический фундамент для анализа процессов таможенно-тарифного регулирования и их роли в развитии системы государственных финансов. Однако резкий рост влияния экзогенных шоков на национальную экономику в последние годы показал, что существующие теории не позволяют в полной мере исследовать механизм их воздействия на доходы федерального бюджета и оценить эффективность использования инструментов таможенно-тарифного регулирования в решении данной проблемы.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальностей ВАК. Исследование проведено в рамках специальности

5.2.4. Финансы, п. 9 Паспорта специальности ВАК Министерства образования и науки РФ (экономические науки) – Государственные финансы. Бюджетная система и бюджетный процесс. Бюджетная политика. Инициативное бюджетирование, п. 11 Паспорта специальности ВАК Министерства образования и науки РФ (экономические науки) – Бюджетные доходы и расходы. Сбалансированность бюджетов. Оценка эффективности бюджетных расходов.

Цели и задачи исследования. Цель работы заключается в теоретическом анализе подходов и концепций устойчивого роста доходов федерального бюджета и разработке практических рекомендаций по использованию инструментов таможенно-тарифного регулирования нейтрализации негативных воздействия экзогенных шоков.

Необходимость достижения поставленной цели определила ряд взаимосвязанных задач, позволивших выстроить логику диссертации и ее структуру:

- исследовать и систематизировать инструменты таможенно-тарифного регулирования, стимулирующие адаптивные процессы повышения доходов федерального бюджета;
- определить специфику функционирования бюджета как открытой диссипативной системы, устойчивое развитие которой подразумевает необходимость формирования адаптивной государственной политики в ответ на негативное воздействие экзогенных шоков;
- оценить уровень волатильности таможенных поступлений в федеральный бюджет и ее резистентность к воздействию экзогенных и эндогенных шоков;
- разработать модель оценки фискальных свойств таможенно-тарифного регулирования и их роли в формировании адаптивной бюджетной политики;
- эмпирически обосновать стратегические приоритеты оптимизации бюджетной политики государства, максимизирующие эффекты от

реализации фискальной функции таможенных платежей;

- предложить концепцию повышения резистентности федерального бюджета к воздействию экзогенных шоков на основе использования адаптивных инструментов таможенно-тарифного регулирования.

Объектом исследования выступают инструменты таможенно-тарифной политики фискального и регулирующего характера.

Предметом исследования являются финансово-экономические отношения в сфере таможенно-тарифного регулирования, влияющие на формирование доходов федерального бюджета и обеспечивающие устойчивое развитие бюджетной системы.

Теоретической и методологической основой исследования являются фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области таможенно-тарифной и бюджетно-налоговой политики, позволившие систематизировать существующие и определить новые перспективные направления роста доходов федерального бюджета. В процессе работы использовались системный и компаративный анализ, экономико-статистические методы сбора и обработки информации, факторный и регрессионный анализ, методы математического моделирования.

Информационно-эмпирическая база основывается на федеральных нормативно-правовых актах, аналитических материалах и статистической информации Федеральной таможенной службы, Федеральной налоговой службы, Министерства финансов РФ, Федеральной службы государственной статистики России и других органов государственной власти. В работе использовались базы данных международных организаций и интеграционных объединений, таких как Евразийский экономический союз, Всемирный банк, Евразийский банк развития, Всемирная торговая организация, Организация экономического сотрудничества и развития.

Рабочая гипотеза диссертационного исследования заключается в необходимости максимизации фискального эффекта и оптимизации регулирующих функций инструментов таможенно-тарифной политики как

базового условия обеспечения устойчивого роста доходов федерального бюджета в парадигме повышенной неопределенности.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Структурная перестройка глобальной системы внешнеэкономических отношений, связанная с ростом геополитической напряженности и торговыми войнами, привела к тому, что таможенно-тарифная политика стала ключевым механизмом обеспечения устойчивого развития бюджетной системы. Его успешная реализация требует обоснования экономических, регулятивных и правоприменительных целей использования таможенных платежей в заданных горизонтах планирования, где фискальная функция будет способствовать минимизации бюджетных рисков в краткосрочном периоде, а регулирующая позволит обеспечить достижение траектории устойчивого развития в долгосрочном периоде за счет укрепления финансового потенциала и обеспечения экономической безопасности страны в долгосрочном периоде.

2. Устойчивое развитие федерального бюджета заключается в способности адекватно реагировать на негативные шоковые воздействия, не отклоняясь в заданных пределах от оптимальной траектории развития. Поэтому в современных условиях, характеризующихся повышенной экзогенной волатильностью, необходима разработка комплексного инструментария дискреционной направленности, использование которого позволит учесть поливариантные траектории сетевых взаимодействий участников бюджетных отношений и минимизировать негативное воздействие внешних шоковых воздействий.

3. Результаты эмпирического анализа показали наличие разнонаправленного влияния шоков на устойчивое развитие бюджетной системы, вызванное причинами и особенностями их возникновения. Это предопределяет необходимость поиска унифицированных инструментов таможенно-тарифного регулирования, способных нейтрализовать негативный эффект экономического и неэкономического характера от

шоковых воздействий за счет повышения уровня резистентности финансовой подсистемы государства в условиях повышенной неопределенности, вызванной макроэкономической волатильностью.

4. Оценка фискальных свойств инструментов таможенно-тарифного регулирования в контексте формирования доходной части федерального бюджета показала низкий уровень влияния импортных таможенных пошлин в связи с возрастанием роли политических императивов и факторов неэкономического характера. Поэтому механизм таможенно-тарифного регулирования должен минимизировать воздействие ценовой конъюнктуры на глобальных рынках сырья за счет нейтрализации негативного эффекта от экспортных таможенных пошлин, обусловленного их непредсказуемой динамикой и значительным удельным весом в доходах федерального бюджета.

5. Дискреционные решения государства практически не оказывают влияния на экономический рост в заданных горизонтах планирования, так как инструменты бюджетной политики способствуют формированию устойчивых темпов роста только в краткосрочном периоде. В этой связи актуализируется проблема минимизации негативных последствий шоковых воздействий за счет нейтрализации эффекта постепенного затухания от дискреционных решений при достижении долгосрочных целевых ориентиров. Для этого необходимо повысить эффективность фискальных импульсов за счет формирования адаптивной бюджетной политики, в основе которой будет лежать использование селективных инструментов таможенно-тарифного регулирования.

6. В современных условиях базовой предпосылкой роста доходов федерального бюджета является обеспечение реализации стратегических приоритетов социально-экономического развития страны за счет активизации эндогенных механизмов повышения резистентности бюджетной системы государства к экзогенным шокам. В этой связи, требуется разработка адаптивной таможенно-тарифной политики как ключевого элемента

укрепления доходной части федерального бюджета на основе использования инструментов превентивного и проактивного характера, способствующих укреплению налогового и экспортного потенциала национальной экономики и повышению резистентности федерального бюджета к негативным эффектам, вызванным высокой неопределенностью.

Научная новизна исследования заключается в разработке теоретико-методологических подходов и их практической реализации по оптимизации использования инструментов таможенно-тарифного регулирования устойчивого роста доходов федерального бюджета и повышения уровня ее эндогенной резистентности к воздействию экзогенных шоков.

Научная новизна подтверждается следующими авторскими результатами, выносимыми на защиту:

- обоснован комплексный характер влияния таможенно-тарифного регулирования на формирование доходов федерального бюджета, где эффект фискальной функции проявляется в краткосрочном периоде, обеспечивая сбалансированность бюджета, а регулирующей – в долгосрочном, способствуя укреплению налогового потенциала, что позволило определить приоритеты развития финансовой системы государства в направлении укрепления ее доходной части;

- доказано, что «устойчивость» как характеристика бюджетной системы, формирует конкретную реакцию государства на основе поиска оптимального уровня адаптивности открытых систем, что позволило аргументировать необходимость регулирования доходов за счет своевременной и адекватной перестройки эндогенных процессов в ответ на экзогенные шоки;

- предложена методика анализа динамики таможенных поступлений, включающая оценку разнонаправленного влияния экзогенных и эндогенных шоков на изменение доходной части федерального бюджета, результаты применения которой показали наличие высокой волатильности вследствие низкого уровня диверсификации структуры экспорта и влияния шоков

неэкономического характера;

- разработана модель оценки фискальных свойств инструментов таможенно-тарифного регулирования, основанная на концепции оптимальных траекторий и диагностике синхронности реакций экономических агентов и параметров федерального бюджета на внешние изменения, что позволило обосновать роль таможенных платежей в формировании адаптивной бюджетной политики за счет устранения дисбаланса интересов между государством и субъектами внешнеэкономической деятельности;

- выявлена специфика бюджетно-налоговой политики на федеральном уровне, основанная на детерминировании фискальных импульсов и бюджетных мультипликаторов, учет которой показывает низкую эффективность дискреционных решений государства, направленных на повышение резистентности бюджетной системы к шоковым воздействиям в краткосрочном периоде и формированию устойчивых траекторий развития в долгосрочном;

- предложен механизм повышения темпов роста доходов федерального бюджета на основе использования инструментов таможенно-тарифной политики превентивного и проактивного характера, реализация которого позволит повысить резистентность бюджетной системы государства к воздействию экзогенных шоков.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии методических основ и теоретических аспектов формирования эффективной таможенно-тарифной политики, направленной на рост доходов федерального бюджета в условиях повышенной волатильности макроэкономических систем и преодоления негативного влияния экзогенных шоков экономического и неэкономического характера.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в разработке рекомендаций прикладного характера в части трансформации таможенно-тарифной политики как необходимого условия укрепления

доходной части федерального бюджета. Предлагаемые меры позволят повысить эффективность инструментов государственного антикризисного управления при трансформации таможенной политики и антишокового регулирования. Полученные результаты могут быть использованы органами власти в процессе составления, утверждения и исполнения программ и стратегий, связанных с проблемами таможенно-тарифного регулирования, а также в образовательном процессе при подготовке бакалавров и магистров по экономическим направлениям.

Апробация результатов работы. Основные положения и выводы диссертационной работы были представлены и получили одобрение на следующих конференциях: V, VI, VII, VIII-я ежегодная научно-практическая конференция Северо-Кавказского федерального университета преподавателей, студентов и молодых ученых «Университетская наука – региону» (г. Ставрополь, 2017, 2018, 2019, 2020 г.), Международная научно-практическая конференция «Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия» (г. Уфа, 2021), IV Международная научно-практическая конференция «Modern science and technology» (г. Петрозаводск, 2021 г.), XIII Международная научно-практическая конференция «Молодые экономисты – будущему России» (г. Ставрополь, 2021 г.), VI, VII и VIII Международная научно-практическая конференция «Современные вызовы и реалии экономического развития России» (г. Ставрополь, 2020 г., 2021 г., 2022 г.), II Международная научно-практическая конференция «Advanced research: problems and new approaches» (г. Петрозаводск, 2022 г.).

Публикации результатов исследования. По материалам исследования опубликовано 17 научных работ общим объемом 7,0 п.л. (авт. – 5,4 п.л.), в том числе 8 статей – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Структура диссертационной работы. Диссертационная работа изложена на 180 страницах основного текста, состоит из введения, трех глав,

заклучения, списка литературы (204 наименования) и приложений, включает 29 таблиц и 25 рисунков.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА И ФОРМИРОВАНИЯ ЕГО ДОХОДНОЙ ЧАСТИ

1.1 Роль таможенно-тарифной политики в сбалансированном развитии федерального бюджета

Современная ситуация в мировой торговле характеризуется обострением существующих проблем и возникновением новых. Несмотря на то, что основную роль продолжают играть институты западных стран, соответствующие глобальные регуляторы и интеграционные структуры, начинает формироваться новый мирохозяйственный порядок, в котором существенно возрастет роль региональных и континентальных интеграционных объединений, формируются многополярные институты, приобретают новые свойства процессы глобализации и регионализации.

Исходя из данных тенденций необходимо формирование новых теоретических подходов по анализу и оценке эффективности действующей таможенно-тарифной политики и совершенствования методик прогнозирования и стратегического планирования в контексте устойчивого развития бюджетной системы. Эффективная таможенно-тарифная политика должна адекватно реагировать на новые вызовы, обеспечивать возможность своевременного и непрерывного прогнозирования возможностей, рисков, траекторий и условий достижения устойчивого развития бюджетной системы.

Особое значение имеет определение таких сфер и направлений развития, где субъекты внешнеэкономической деятельности (ВЭД) могут не только встраиваться, но и выступить инициаторами формирования новых глобальных цепочек добавленной стоимости с максимально высоким уровнем технологического передела. Базовые приоритеты таможенно-тарифной политики, законодательно зафиксированные в документах

стратегического планирования,¹ как отмечает ряд авторов,² часто носят декларативный характер из-за отсутствия достаточного институционального и ресурсного обеспечения выдвинутых инициатив. Как результат, не все стратегии достигают поставленных целей в силу ряда причин, так как недостаток бюджетных средств, выделяемых на их реализацию, дополняется возникновением множества факторов риска, появление которых практически невозможно предсказать. В этой связи возросла роль использования тех прогностических методов, которые позволяют работать с нелинейной и неравновесной динамикой. Если для относительно стабильных периодов экстраполяции текущих тенденций развития на основе функциональных моделей с применением эконометрических методов прогнозирования вполне успешно предсказывает среднесрочные состояния научно-технологических и социально-экономических систем, то для турбулентных этапов, глубоких, кризисных трансформаций, область успешного применения стандартного инструментария прогнозирования резко сужается.

В этой связи рассмотрение таможенно-тарифной политики как одного из ключевых моментов устойчивого развития бюджетной системы должно быть одновременно комплексным и открытым, так как это дает возможность расширить число индикаторов, определить их вклад в результирующее развитие, при этом они будут соответствовать критериям эффективности и требуемой точности оценки.

Ключевую роль при анализе влияния таможенно-тарифной политики на устойчивое развитие бюджетной системы играют таможенные платежи. Современная интерпретация и нормативно-правовая дефиниция данного

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ. 2008. 24 ноября. № 47 . ст. 5489; ЕЭК. Аналитический доклад «О Макроэкономической ситуации в государствах - членах ЕАЭС и предложения по обеспечению устойчивого экономического развития». М.: ЕЭК (2019). [Электронный ресурс]. - URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economy/Views/Documents/analytical_report_2019.pdf (дата обращения: 02.05.2020).

² Кравченко А.В. Таможенно-тарифное регулирование в системе государственного регулирования внешнеэкономической деятельности // Актуальные проблемы науки и практики современного общества. 2016. № 2 (2). С. 45-50; Середа А.А, Штоколов А.А. Эволюционное развитие таможенно-тарифного регулирования торговли в России // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 10-4 (54). С. 143-146; Маркина Е.Ю. Таможенно-тарифное регулирование: современные проблемы и тренды развития // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62-9. С. 60-65.

понятия в целом относит таможенные платежи к категории неналоговых, хотя существуют отдельные формулировки, позволяющие отнести таможенную пошлину к налоговым платежам. В первоначальной редакции налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ)³ они были включены в состав федеральных налогов и сборов (п. 8 ст. 13 НК РФ), что также соответствовало положениям ФЗ «О бюджетной классификации», который относил таможенную пошлину к числу налоговых доходов⁴. Однако, уже в 2004 г. в соответствии с ФЗ от 20.08.2004 № 120-ФЗ⁵ таможенные пошлины и сборы были отнесены к категории неналоговых доходов.

Несмотря на это, мы считаем, что таможенные пошлины по своему экономическому характеру и роли в формировании федерального бюджета относятся к налоговым платежам, а именно, косвенному, закрепленному, федеральному налогу, играющим важную роль в формировании доходов федерального бюджета. В соответствии с этим виды таможенных платежей можно классифицировать следующим образом (рисунок 1.1).

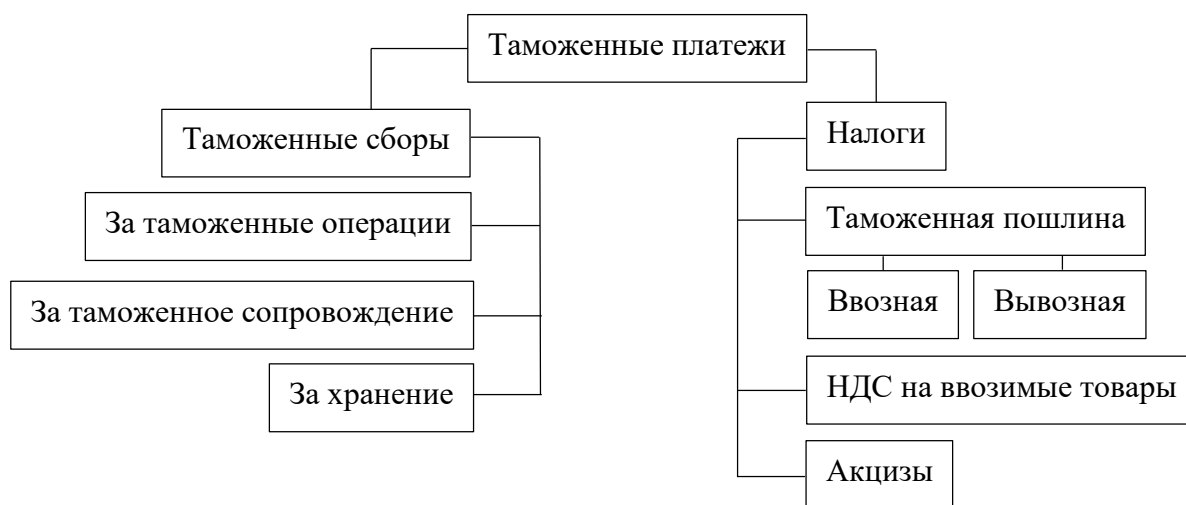

Рисунок 1.1 – Классификация таможенных платежей⁶

³ Налоговый кодекс Российской Федерации : [федер. закон : принят Гос. Думой : часть I [16.07.98 г.] // Собрание законодательства РФ. 1998. 3 авг. № 31, ст. 3824.

⁴ Федеральный закон "О бюджетной классификации Российской Федерации" от 15.08.1996 N 115-ФЗ.

⁵ Федеральный закон "О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений" № 120-ФЗ от 20.08.2004

⁶ Источник: составлено по Дюмулен И. Международная торговля. Тарифное и нетарифное регулирование. - 4 изд. - М.: ВАВТ, 2015. 548 с.

После создания ЕАЭС порядок исчисления, взимания таможенных платежей, а также ставки таможенных пошлин регламентированы в соответствии с таможенным кодексом ЕАЭС (ТК ЕАЭС)⁷:

- ввозные или импортные таможенные пошлины;
- вывозные или экспортные таможенные пошлины;
- НДС, взимаемый при импорте товаров в страны ЕАЭС;
- акцизы, взимаемые при импорте товаров в страны ЕАЭС;
- таможенные сборы.

Общепринятая мировая практика подтверждает, что экспортные пошлины используются только в отношении отдельных категорий товаров или исключительных ситуациях⁸. Большинство авторов выделяют следующие случаи, когда введение экспортных пошлин оправдано:

- недопущении резкого роста цен на отдельные категории товаров или их дефицита на внутреннем рынке⁹;
- реализация фискальной функции пошлин, например, при обложении экспортируемой нефти и нефтепродуктов¹⁰;
- улучшение структуры и диверсификации внешней торговли за счет стимулирования экспорта продукции с высоким уровнем добавленной стоимости¹¹.

Очевидно, что таможенные платежи играют важную роль в устойчивом развитии бюджетной системы, так как выполняют две важные функции¹²:

- формирование доходной части бюджетной системы за счет

⁷ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза)
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/

⁸ Гаврилов Д.Д., Мигел А.А. Таможенно-тарифное регулирование: теоретические положения и реализация в практике внешнеторговых отношений // *Russian Economic Bulletin*. 2021. Т. 4. № 2. С. 142-146.

⁹ Марку К.Ю., Маркарян Ю.А., Шевченко Е.И. Проведение политики импортозамещения, как эффективного метода таможенно-тарифного регулирования в России // *Современные научные исследования и разработки*. 2018. Т. 1. № 12 (29). С. 377-380.

¹⁰ Старосин Е.А. Воздействие мер таможенно-тарифного регулирования на национальную экономику в современных условиях // *Экономика и управление: новые вызовы и перспективы*. 2015. № 8. С. 171-173.

¹¹ Пугачев А.А. Налоговая политика и таможенно-тарифное регулирование в условиях цифровой трансформации экономики // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Экономика и управление. 2019. № 3. С. 141-150.

¹² Новиков В.Е. Таможенная пошлина как инструмент государственного регулирования экономики. Москва: РИО РТА, 2006. 248 с.

взимаемых таможенных пошлин;

– защита отечественных производителей от зарубежных товаров и услуг на основе использования инструментов таможенно-тарифной политики;

– ограничение экспортных и импортных потоков товаров в интересах устойчивого развития национальной экономики.

В соответствии с этим функции таможенно-тарифной политики, также как и налоговой, можно разделить на фискальную и регулирующую (рисунок 1.2).

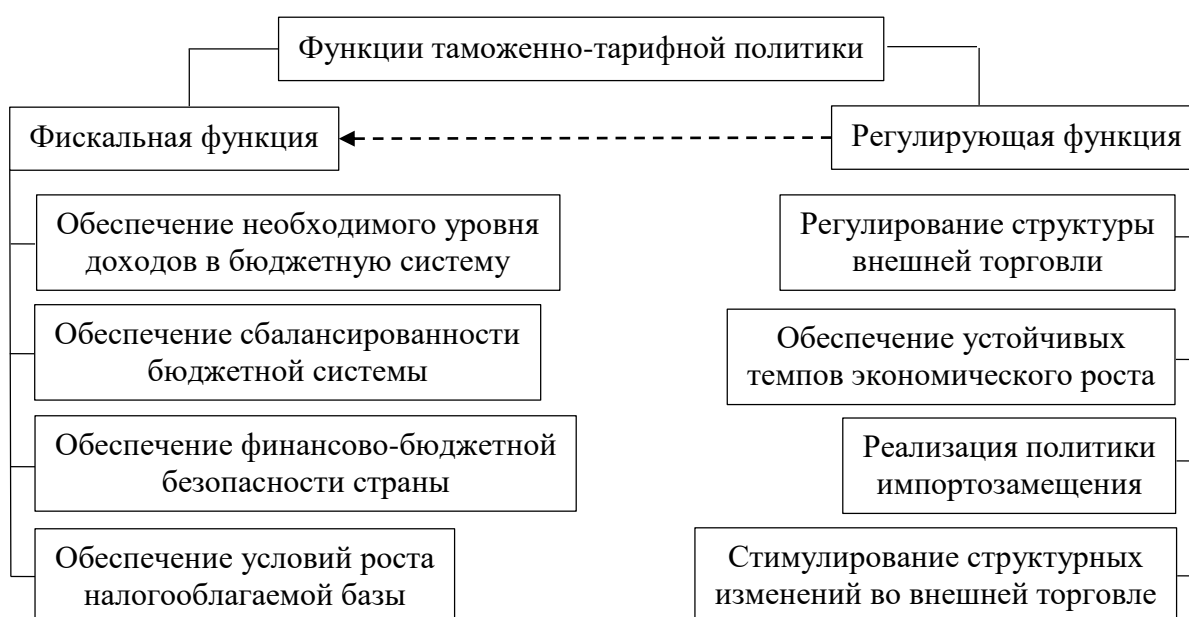

Рисунок 1.2 – Целевые ориентиры фискальной и регулирующей функций таможенно-тарифной политики¹³

Фискальная функция заключается в обеспечении планового уровня таможенных поступлений в бюджетную систему, что является необходимым условием обеспечения ее сбалансированности и обеспечивает приемлемый уровень финансово-бюджетной безопасности страны. Регулирующая функция таможенно-тарифной политики направлена на решение разноплановых задач: от регулирования внешнеторговых связей и

¹³ Источник: составлено по: Дюмулен И. Международная торговля. Тарифное и нетарифное регулирование. - 4 изд. - М.: ВАВТ, 2015. 548 с.

стимулирования структурных изменений во внешней торговле, до реализации политики импортозамещения.

Следует отметить, что во всех странах ЕАЭС вопросы таможенно-тарифного регулирования, а также права и обязанности участников ВЭД, закреплены в национальном законодательстве, а не только в наднациональной нормативно-правовой базе (таблица 1.1).

Таблица 1.1 – Нормативно-правовая база стран ЕАЭС, регулирующая вопросы таможенно-тарифного регулирования¹⁴

Страна	Нормативно-правовой акт
Кыргызская Республика	Статьи 63-71 Закона Кыргызской Республике «О таможенном регулировании в Кыргызской Республике» от 24.04.2019 № 52
Республика Армения	Статьи 104-110 Закона Республики Армения от 30.12.2014 года №ЗР-241 «О таможенном регулировании»
Республика Беларусь	Статьи 108-114 Закона Республики Беларусь от 10.01.2014 года № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь»
Республика Казахстан	Статьи 96-105 Кодекса Республики Казахстан от 26.12.2017 года № 123-VI «О таможенном регулировании в Республике Казахстан»

После создания ЕАЭС таможенно-тарифная политика России претерпела значительные изменения, так как международная экономическая интеграция всегда создает новые базовые условия для ведения внешнеторговой деятельности для государств-участников. При этом обострились дискуссии по трансформации таможенно-тарифной политики как в направлении либерализации¹⁵, так и протекционизма¹⁶.

Результаты исследований показывают, что финансовая система государства зависит от специфики внешнеэкономических отношений,

¹⁴ Источник: составлено по: Закон Кыргызской Республике «О таможенном регулировании в Кыргызской Республике» от 24.04.2019 № 5.; Закона Республики Армения от 30.12.2014 года №ЗР-241 «О таможенном регулировании»; Закона Республики Беларусь от 10.01.2014 года № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь»; Кодекс Республики Казахстан от 26.12.2017 года № 123-VI «О таможенном регулировании в Республике Казахстан»

¹⁵ Циркунов П.И. Особенности таможенно-тарифного регулирования российской федерации в современных условиях // Транспортная инфраструктура Сибирского региона. 2016. Т. 2. С. 332-337; Агапова А. В. Анализ систем таможенно-тарифного регулирования США и стран-членов ЕАЭС // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2020. Т. 6(72). № 1. С. 3-9.

¹⁶ Колесник А.А, Гупанова Ю.Е. Применение таможенно-тарифного регулирования как инструмента обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Проблемы науки. 2017. № 9 (22). С. 36-41; Ребрина Т. Г., Силаева В. В. Таможенно-тарифное регулирование внешнеэкономической деятельности как инструмент экономической безопасности страны // Экономика и предпринимательство. 2020. № 7 (120). С. 48-50.

которые, в свою очередь, зависят от трендов торговой либерализации на глобальных рынках. Поэтому анализ влияния таможенно-тарифной политики на устойчивое развитие бюджетной системы должен учитывать глобальные тенденции так как именно они стимулируют участие стран в интеграционных объединениях. Результатом этого является изменение таможенной политики государства и используемых тарифных инструментов, что приводит к изменению динамики доходов бюджетной системы, поэтому характер этой зависимости и динамики также представляет интерес в контексте решения задач обеспечения устойчивого развития бюджетной системы.

Классические концепции, касающейся оценки влияния интеграции на финансовую систему государства, основаны, преимущественно, на моделях роста с эндогенными изменениями. Это связано с тем, их отсутствие приводит к возникновению эффекта, так называемой «воронки», когда происходит уменьшение отдачи от капитала замедляет темпы роста, тем самым, приближая стационарную экономическую систему к состоянию устойчивости. Также данное утверждение справедливо и для других компонент роста, например, инновационной активности, уровень которой также напрямую коррелирует с интеграционными процессами и наличием сетевых взаимодействий. Таким образом, интерпретируя эти модели с позиций анализа механизма таможенно-тарифного регулирования и его влияния на доходы бюджетной системы можно сделать вывод, что наднациональные интеграционные структуры влияют на динамику фискальных поступлений и, как результат, на уровень устойчивого развития бюджетной системы.

Анализ и детерминирование влияния последствий международной интеграции в долгосрочном периоде целесообразно проводить, используя динамическую модели общего равновесия, предложенной Винером¹⁷. Ее простота и универсальность позволяют рассмотреть влияние разнообразных факторов, оказывающих влияние на динамику интеграционных процессов, в

¹⁷ Viner J. The economics of customs unions // The customs union issue. 1950. pp. 41-81.

том числе, на доходы бюджетной системы в результате трансформации таможенно-тарифной политики. Поэтому ее можно рассматривать как основу для изучения влияния внешнеторговых отношений на устойчивое развитие бюджетной системы.

Экономические механизмы, лежащие в основе динамических эффектов интеграции, лучше всего можно объяснить с помощью условия отсутствия арбитража. Субъекты ВЭД, наращивая свой экспортный потенциал, будут продолжать увеличивать объемы внешнеторговых сделок до тех пор, пока ожидаемая норма прибыли превышает стоимость капитала. В ситуации равновесного состояния государство будет стимулировать экспорт, если ожидаемая норма роста доходов бюджетной системы, скорректированная на налоговые льготы и иные стимулы, будет превышать издержки, связанные с участием в интеграционных объединениях. Тогда рост доходов бюджетной системы, связанный с внешнеэкономической активностью будет максимальным в следующих случаях¹⁸:

- структура экспорта усложняется в пользу товаров с высокой добавленной стоимостью;
- увеличение импортного тарифа, приводит к возникновению мультиплицирующего эффекта от внешнеторговых операций;
- ниже объем импорта из прочих стран не превышает прогнозные значения страны партнера в результате либерализации внешнеторговых отношений;
- государства заинтересованы в создании льгот и преференций в рамках интеграционного объединения, так как это приводит к тому, что конкурентоспособность импорта снижается на национальных рынках.

Как отмечает М. Слоутер¹⁹, трансформация внешнеторговой политики государства вследствие участия в интеграционных объединениях создает

¹⁸ Helpman E., Krugman P. Market Structure and Foreign Trade. MIT Press, 1985; Delgado M., Ketels C., Porter M. and Stern S. The Determinants of National Competitiveness // NBER Working Paper. 2012. 18249, National Bureau of Economic Research, Cambridge.

¹⁹ Slaughter M., Trade liberalization and per capita income convergence: a difference-in-differences analysis, Journal of International Economics, Vol. 55. 2001. pp. 203-228.

совокупность факторов, влияющих на устойчивость бюджетной системы, так как эти факторы напрямую влияют на динамику внешнеторговых потоков и таможенных поступлений в бюджетную систему.

Теории международной торговли и поведения фирм, пришедшие на смену классическим моделям, развивали идеи о более эффективном распределении ресурсов, опираясь на другие предпосылки. Эти теории концентрируются на производительности субъектов ВЭД и влияния международной торговли на этот показатель. Например, в одной из теорий²⁰ анализируются эффекты возрастающей отдачи от изменения масштабов наднациональных рынков и изменения международной конкурентоспособности. Несмотря на то, что национальная экономика не сильно дифференцирована, положительное сальдо внешнеторгового баланса делает возможным использование данной теории²¹.

Использование данных теорий для оценки влияния таможенно-тарифной политики на устойчивое развитие бюджетной системы затруднено, поскольку они являются статическими моделями, так как оценивают одномоментные эффекты, то есть, детерминируют мгновенные изменения, происходящие в экономических системах. Одновременно с этим в научных исследованиях рассматривают и динамическую составляющую таможенно-тарифной политики²², трансформирующих долгосрочную тренды устойчивого развития бюджетной системы. Их важность обусловлена тем, что возникающие эффекты оказывают как прямое, так и косвенное воздействие на динамику доходов бюджетной системы²³.

Для стран схожих по социально-экономическому развитию данные эффекты приводят к возникновению равновесного состояния, так как в рассматриваемой модели происходит простое удвоение числа потребителей и

²⁰ Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // *American Economic Review*, Vol. 70. No. 5. 1980. pp. 950–959.

²¹ Кумец. Е.А., Семак А. Модель интеграции Европейского союза // *Журнал международного права и международных отношений*. No. 5, 2015.

²² Limão N., Maggi Uncertainty and trade agreements // *American Economic Journal: Microeconomics*. Vol. 7. No. 4. 2015. pp. 1-42.

²³ Новиков В.Е. Взаимодействие цен и таможенных пошлин в государственном регулировании экономики // *Вестник Российской таможенной академии*. 2014. № 3. С. 16–24.

конкурентов, т.е. с одной стороны происходит рост уровня конкуренции, так как растет количество производителей, но одновременный рост спроса уравнивает предложение. Поэтому величина прибыли каждого участника внешнеэкономической деятельности практически не меняется, также на стабильном уровне остается показатель экспортного потенциала. Важным выводом для таможенно-тарифной политики является то, что динамика внешнеторговых отношений стран-участниц международного интеграционного объединения может быть представлена как нелинейная функция величины ставок таможенных пошлин. Например, даже незначительное уменьшение тарифов в таком случае может привести к значительному росту масштабов внешней торговли и наоборот. Снижение тарифов ухудшает показатели устойчивости бюджетной системы только в том случае, если первоначальные тарифы превышают критический уровень.

Данные выводы справедливы и для таможенно-тарифной политики и ее влияния на формирование доходов бюджетной системы. Снижение ставок таможенных пошлин, а также стимулирование внешнеэкономической активности и укрепление экспортного потенциала автоматически приводит к сокращению торговых барьеров на рынки государств-членов интеграционного объединения. Это приводит к росту конкуренции, увеличению производительности труда и общему росту эффективности, что увеличивает налоговый потенциал и, в конечном итоге, приводит к росту доходов бюджета. Однако, необходимо учитывать, что чрезмерная открытость рынка, связанная с отсутствием торговой протекции, может привести к дестимулированию отечественных производителей, так как они будут проигрывать конкурентную борьбу за внутренний рынок²⁴. Данные аргументы также являются актуальными и для обоснования использования инструментов таможенно-тарифного регулирования в рамках протекционистской политики.

²⁴ Сорокин М.А. Таможенное регулирование в системе инструментов государственного обеспечения конкурентоспособности предпринимательских структур // УЭКС. 2013. №10 (58) [Электронный ресурс]. Режим доступа URL:<http://www.uecs.ru/uecs58-582013/item/2481-2013-10-30-11-52-20>

В рассмотренных выше моделях отсутствуют две важнейших составляющих интеграционного процесса. Первая из них представляет собой так называемый эффект дискриминации, который требует наличия в модели интеграционного объединения минимум трех стран, а также предпосылки возможности дальнейшего его расширения. Вторая составляющая предполагает наличие предпосылки о высоком уровне мобильности факторов производства. Также необходимо учитывать, что рост национальных рынков, или освоение новых является основополагающим условием для роста доходов бюджетной системы за счет таможенных платежей.

В свою очередь роль таможенно-тарифной политики в устойчивом развитии бюджетной системы страны, входящей в интеграционное объединение считают не таким однозначным. Существуют экономико-математические модели пространственного развития где факторами производства являются мобильными, а рынки – несовершенными²⁵. В данных моделях эффект от снижения ставок таможенных пошлин, т.е. либерализации внешнеторговой политики приводит к снижению негативных последствий для периферийных зон международного интеграционного объединения. При этом экономически более развитое его «ядро» вследствие высокой мобильности факторов производства стягивает цепочки с высокой добавленной стоимостью. Как результат, международная интеграция может привести к углублению дифференциации социально-экономического развития стран-участниц интеграционного объединения. Однако, следует отметить, что эти выводы нельзя проецировать на динамику темпов роста доходов бюджетной системы, и на факторы ее формирующие. Включение региональных аспектов в модели роста с учетом эндогенных технологических изменений и распространение этих моделей позволяет оценить эффекты от интеграции в рамках ЕАЭС, где экономики стран-участниц значительно различаются по своему экономическому потенциалу.

²⁵ Сорокин М.А. Международная таможенная конкуренция в системе инструментов регулирования межстранового факторного обмена // Микроэкономика. – 2012. – № 6. – С. 22–26; Агапов Ю.А. Меры таможенно-тарифного регулирования в Евразийском экономическом союзе: развитие и перспективы // Экономика и социум. 2019. № 3 (58). С. 97-100.

Из этого следует, что при прочих равных условиях наднациональная таможенно-тарифная политика создает значительно больше преимуществ, чем недостатков для государств-участниц международного интеграционного объединения. Применение данной экономико-математической модели также возможно для детерминирования последствий на различных этапах функционирования международного интеграционного объединения. Однако, в любом варианте зависимость между таможенно-тарифной и экономической политикой, а также динамикой роста представляет собой U-образную форму²⁶.

Поскольку рост внешнеэкономической активности происходит во всех странах-участницах интеграционного объединения, например, за счет взаимного снижения торговых барьеров, происходит рост объемов внешней торговли, но для государств с более слабым экономическим потенциалом структура экспорта изменится в направлении роста удельного веса экспорта товаров с низким уровнем добавленной стоимости. В этом случае по мере продолжения либерализации внешней торговли возникновение новых высокотехнологичных производств становится все менее и менее вероятным. В конце концов, экспортный потенциал на периферии полностью прекращаются, и возникает классическая модель «ядро-периферия»²⁷.

Таким образом, необходимо учитывать, что более глубокие формы интеграционных объединений не всегда приводят к возникновению синергетического эффекта, выраженного в укреплении экспортного потенциала, увеличению масштабов внешней торговли и, как следствие, росту доходов бюджетной системы.

Это предопределяет необходимость учитывать разноплановые факторы как экономического, так и неэкономического характера, которые необходимо учитывать при принятии решений об участии в наднациональных

²⁶ Попова П.А. Таможенно-тарифное регулирование в зарубежных странах на примере Европейского союза // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 1-2 (59). С. 80-87.

²⁷ Бойченко П.А. Проблемы и приоритетные направления совершенствования системы таможенно-тарифного регулирования Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 3-1 (73). С. 67-72 с.

интеграционных объединениях. Данные факторы в зависимости от целей исследований классифицируют по ряду признаков²⁸. В общем случае модель интеграции представляет собой идентифицированную группу критериальных показателей, комбинирование которых дает возможность получать специализированные модели, позволяющие анализировать отдельные аспекты функционирования наднациональных интеграционных объединений.

Данный подход может дать приемлемые результаты, так как специфика такого интеграционного объединения как ЕАЭС дает возможности моделирования и оценки эффективности для отдельных стран-участниц, которые действуют в рамках единых наднациональных органов власти и декларируемых общих целей и задач²⁹. Это снижает универсальность такого подхода, так как международные интеграционные объединения сильно различаются как по формам интеграции, так и по масштабам и странам-участницам. Например, Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА) представляет собой международное интеграционное объединение основано на соглашении о зоне свободной торговли (ЗСТ)³⁰. Очевидно, что и специфика взаимодействия его членов, даже в рамках данного объединения весьма различна (таблица 1.2). Например, целью НАФТА не является внешняя экспансия на глобальные рынки и укрепление экспортного потенциала, также страны не преследуют целей более тесной интеграции вследствие высокой дифференциации социально-экономического развития стран-участниц. Другие международные интеграционные объединения представляют собой таможенные или экономические союзы, а также

²⁸ Либман А.М. Модели экономической интеграции: мировой и постсоветский опыт [Электронный ресурс] // Munich Personal RePEc Archive: [сайт]. [2009]. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/19434/1/MPra_paper_19434.pdf (дата обращения: 30.ноября.2018); Chauffour JP, Maur JC, editors. Preferential Trade Agreement Policies for Development: A Handbook. The World Bank, 2011; Mattoo A., Mulabdic A., and Ruta Trade creation and trade diversion in deep agreements, The World Bank, 2017.

²⁹ Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (Моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. [2014]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/investigations/Documents/Анализ_интеграционных_объединений.pdf (дата обращения: 06.05.2021).

³⁰ ASEAN. ASEAN External Relations Coordinatorship [Электронный ресурс]. - URL <https://asean.org/storage/2019/09/ASEAN-Country-Coordinatorship-2015-2024rev.pdf> (дата обращения: 05.05.2020)

находятся на разных этапах формирования.

Таблица 1.2 – Компаративный анализ международных интеграционных объединений³¹

Критерии	ЕАЭС	ЕС	МЕРКОСУР	НАФТА	КОМЕСА
Число стран-участниц	5	28	4	3	19
Доля в мировой экономике, %	2,19	20,9	3,39	28,4	0,9
Коэффициент диспропорции национальных экономик	1,81	1,42	1,39	1,28	1,95
Степень интеграции	ТС (экономический союз)	ТС (экономический и валютный)	ТС (экономический союз)	ЗСТ с элементами экономического	ТС
Охват сфер сотрудничества	27	35	17	22	29
Скорость интеграции (лет)	10	10	1	14	6
Наднациональные органы	Присутствуют	Присутствуют	Присутствуют (без наднациональных полномочий)	отсутствуют	Присутствуют (без наднациональных полномочий)
Экспансивность	Средняя	Высокая	Средняя	Низкая	Высокая

По итогам проведенного теоретического анализа можно сделать вывод о том, что таможенно-тарифная политика является базовой формой регулирования торговых отношений с другими странами. Таможенно-тарифные инструменты направлены на решение внутренних и внешних проблем политики страны, а также прямо связаны с проблемой устойчивого развития бюджетной системы за счет реализации фискальной функции, и косвенно – за счет регулирующей.

Таким образом, таможенную политику можно рассматривать как иерархическую систему, где таможенно-тарифные инструменты являются

³¹ Источник: составлено по Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (Моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. [2014]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/investigations/Documents/Анализ_интеграционных_объединений.pdf (дата обращения: 06.05.2021).

основой для формирования и реализации внешнеэкономической политики, которая, в свою очередь, служит механизмом для достижения долгосрочных стратегических целей, находящихся на вершине иерархической пирамиды.

В этом случае решение проблемы обеспечения устойчивого развития бюджетной системы будет представлять собой целенаправленную деятельность органов государственной власти, имеющих в своем распоряжении весь необходимый набор инструментов как экономического (таможенные пошлины и сборы), так и неэкономического (нетарифные ограничения) характера. Данный набор инструментов зависит от специфики внешнеэкономической деятельности и включает следующее:

- процедуры таможенного оформления при перемещении товаров через таможенную границу;
- обеспечение прав и обязанностей субъектов ВЭД и контролирующих органов;
- стимулирование внешнеэкономической активности за счет предоставления таможенных льгот и преференций;
- регулирование внешнеторговых потоков, используя инструменты тарифного и нетарифного регулирования и т.д.

Таким образом, цели таможенно-тарифной политики в контексте устойчивого развития бюджетной системы целесообразно сгруппировать по следующим направлениям: экономическое, регулирующее и контрольное. Их совокупность создает базу для формирования эффективной таможенной политики, способствующей формированию траекторий устойчивого развития бюджетной системы. А учет глобальных трендов в мировой торговле и наличие долгосрочных целевых ориентиров социально-экономического развития страны позволяет рассматривать таможенно-тарифную политику как один из ключевых механизмов обеспечения национальной экономической безопасности.

При этом цели таможенно-тарифной политики должны учитывать две противоположности:

– протекционизм, т.е. использование таможенно-тарифных инструментов для повышения конкурентоспособности отечественных производителей продукции по сравнению с импортными аналогами, а также стимулирование создания новых высокотехнологичных производств с высокой добавленной стоимостью;

– свободная торговля, т.е. использование таможенно-тарифных инструментов для выхода отечественной продукции на новые глобальные рынки, встраивания в международные цепочки добавленной стоимости и привлечения иностранных инвестиций, что будет способствовать укреплению налогового потенциала территорий и, как следствие, повышению уровня устойчивости бюджетной системы.

1.2 Устойчивость федерального бюджета: основные детерминанты и инструменты обеспечения

Формирование системы публичных финансов в процессе реализации бюджетного процесса происходит под воздействием ряда как внешних, так и внутренних факторов, имеющих в своей основе экономические характеристики, а также политическую природу. Также специфика бюджетного процесса зависит от социальных, национальных и иных особенностей, например, государственного устройства и бюджетного федерализма.

В настоящее время анализ практики и оценка эффективности бюджетного механизма в контексте его устойчивого развития осуществляется по следующим базовым направлениям:

– подверженность негативному влиянию экзогенных факторов бюджетной системы и возможность их детерминирования с использованием классической аксиоматики теории рисков³²;

³² Васильева Е.А., Власов С.А., Пономаренко А.А. Анализ стабилизационной функции и устойчивости государственных финансов Российской Федерации // Экономический журнал ГУ ВШЭ. 2009.

– выявление стохастических факторов, влияющих на бюджетный процесс и динамику налоговых и неналоговых доходов бюджета³³.

Стандартным способом оценки сложной системы является анализ базовых правил, которые позволяют при кумулятивном применении, переводить систему из неопределенного в детерминированное состояние³⁴. В соответствии с этим, чем больше дифференцируются правила, тем больше возникает классов систем. Из различных способов определения правил и, следовательно, разграничения классов формулировка, предложенная Раммелом и Штаудингером³⁵ особенно подходит для применения к бюджетно-налоговой системе и теориям публичных финансов. Они выделяют пять классов систем с различными поведенческими характеристиками, формулируя соответствующие правила, которые в совокупности позволяют детерминировать экономическую систему:

- можно провести различие между «системой» и ее «средой»;
- все компоненты системы могут быть распознаны и различены, что позволяет понять (аналитически или интуитивно) их взаимодействие;
- все активные элементы системы идентичны или, по крайней мере, диапазон их поведения обычно распределяется в среднем (условие сильной сопоставимости);
- индивидуальное поведение элементов системы может быть описано средними параметрами взаимодействия (что приводит к сильной соизмеримости);
- система развивается в направлении стационарного равновесия, позволяющего определять фиксированные соотношения системных переменных.

№ 3. Т.13. С. 383-402.

³³ Каратаев С.М. К вопросу о понятии устойчивости бюджета // Дайджест Финансы. 2003. № 5. С. 39-46.

³⁴ Долгова Е.В. Системный риск в современном мире: понятие, оценка, управление // Известия Уральского государственного горного университета. 2016. № 1 (41). С. 112-117.

³⁵ Rammel, C. and Staudinger, M. Evolution, variability and sustainable development // Int. J. of Sustainable Development and World Ecology. 2002. Vol. 9.No. 4. pp.301-313.

Последовательное исключение этих правил изменяет характер системы в сторону большей неопределенности, а их новые типы больше соответствуют реальности.

В значительной степени именно в соответствии с данными правилами неоклассическая теория описывает экономику³⁶: как predetermined статическую систему на пути к четко определенному и предсказуемому будущему состоянию. Это позволяет принимать рациональные решения, позволяя сравнивать состояние системы до и после выполнения определенного действия, например, с помощью анализа затрат и выгод. Следовательно, все пять правил можно найти в неоклассической экономике, но только некоторые из них применимы к оценке влияния шоковых воздействий на экономическую систему.

Бюджет, являясь основополагающим институтом функционирования государства и в исторической перспективе, выполняет ряд базовых задач, которые практически не изменились, но при этом продолжает постоянно развиваться, оставаясь открытой системой. С позиции синергетики и теории самоорганизации оптимальный уровень адаптивности открытых систем к внешним воздействиям проявляется в сохранении траекторий устойчивого развития за счет своевременной и адекватной перестройки эндогенных процессов в ответ на экзогенные шоки³⁷. С учетом этого ключевую роль приобретает анализ «устойчивости» как важной характеристики бюджетной системы, определяющей конкретную реакцию финансовой подсистемы государства на повышенную макроэкономическую волатильность. Традиционно термин «устойчивость» является мультидисциплинарным и активно используется в точных науках и гуманитарных исследованиях, поэтому включает в себя множество характеристик в зависимости от целей и методологии проводимых исследований и которые могут быть полезны при

³⁶ Bockermann, A., Meyer, B., Omann, I., Spangenberg, J.H. Modelling sustainability. Comparing an econometric (PANTA RHEI) and a systems dynamics model (SuE) // Journal of Policy Modelling. 2005. Vol. 27. pp.189-210.

³⁷ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994. - С. 238.

изучении устойчивого развития бюджетной системы. В последнее время в экономике все большую популярность приобретает концепция комплексного устойчивого развития (sustainable development) под которым понимается сбалансированное гармоничное развитие, развитие при котором природные ресурсы, реализуемые инвестиционные проекты, стратегические задачи научно-технического развития способствуют развитию личности³⁸.

Проблемы, возникающие в экономических системах и, соответственно, возникающие задачи можно разделить на шесть независимых категорий, при этом ни одна из них не может быть выражена комбинацией других, которые в совокупности описывают потенциальные состояния (таблица 1.3).

Как показывают результаты теоретических моделей³⁹ и эмпирических исследований⁴⁰, данный список можно считать исчерпывающим. На каждую из проблем система должна реагировать, используя конкретные возможности, эквивалентные условиям устойчивости системы. Поэтому если эти характеристики устойчивых систем интерпретировать с экономической точки зрения можно получить критерии экономической и общей устойчивости экономики. Например, если возникновение бюджетного дефицита считать проявлением институционального характера, то решение данной проблемы лежит в рамках правовой и административной систем.

Снижение дефицита может быть обеспечено за счет более рационального расходования бюджетных средств⁴¹ и борьбы с коррупцией⁴², рост справедливости в области распределения также позволит укрепить

³⁸ Ариф, М. Управление внешними шоками и внутренней устойчивостью: опыт Малайзии / М. Ариф // *Пространственная Экономика*. № 1. 2006. С. 5-28; Elliott J. *An Introduction to Sustainable Development*. London: Routledge. 2012. 384 p.

³⁹ Michael Carley, Ian Christie *An Managing Sustainable Development* London: Routledge. 2000. 336 p.; Blewitt, John, *Understanding sustainable development*. London. Sterling. 2008. 65 p.

⁴⁰ Broman G., Robert K-H. A framework for strategic sustainable development // *Journal of Cleaner Production* Volume 140. Part 1. 1 2017. Pp. 17-31.; Peres S., Fidelis T., Ramos T. Measuring and comparing local sustainable development through common indicators: Constraints and achievements in practice // *Cities* Volume 39, 2014, Pp. 1-9.

⁴¹ Булгакова С., Микитюк И. Бюджетный риск: сущность, классификация, факторы риска // *Вестник КНТЭУ*. 2010. № 1. С. 59-68.

⁴² Громова А.С., Воробьева И.П. Источники опасностей и основные угрозы экономической безопасности бюджетной политики // *Известия Томского гос. унта*. 2010. № 6: Т. 317. С. 29-33.

уважение к органам государственной власти⁴³, а включение права собственности будет способствовать эффективному исполнению контрактов и снижению транзакционных издержек⁴⁴.

Таблица 1.3 – Детерминанты устойчивого развития экономической системы⁴⁵

Задачи	Приоритеты	Ключевые критерии
Достижение нормального состояния	Существование и воспроизводство: система должна быть способна непрерывно существовать и воспроизводить себя в нормальном состоянии системной среды	Структурная целостность, надежность условий для воспроизводства, предложение товаров из данной ресурсной базы, рынки, спрос и предложение, основные права собственности, ограниченная коррупция
Решение проблемы нехватки ресурсов	Эффективность: система должна быть эффективной в предоставлении необходимых ресурсов.	Способность влиять на природную, социальную и экономическую среду, обеспечивая доступ к жизненно важным ресурсам
Достижение необходимого разнообразия	Свобода действий: системная среда неоднородна, система должна быть способна справляться с шоками за счет внутренних резервов	Способность реагировать на разнообразие состояний окружающей среды требует соответствующего разнообразия системных структур, процессов и используемых ресурсов.
Обеспечение изменчивости	Безопасность: системная среда не является постоянной, система должна справляться с изменчивостью, т. е. состояниями среды, удаленными от нормального состояния	Безопасность нуждается в наличии инструментов раннего предупреждения, устойчивости к незначительным или краткосрочным нагрузкам и устойчивости в случае более серьезных нагрузок.
Обеспечение адаптивности	Адаптивность: по мере развития среды система должна справляться с изменениями в нормальном состоянии своего окружения, адаптируя свои собственные структуры	Способность развиваться, как реакция на внешнее давление зависит от накопленного потенциала внутри системы и способа его реализации. Необходима гибкость институтов и резервов, которыми можно управлять
Взаимодействие с внешней средой	Сосуществование: Каждая система зависит от обмена с окружающей средой, поэтому Разрыв внешних связей может стать фатальной стратегией	Обмен информацией имеет важное значение для выявления опасных событий, равно как и адекватная обработка информации. Сосуществование в коэволюции требует соблюдения принципа гармонизации

⁴³ Мельник Е.Д. Управление бюджетными рисками // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 5(53).

⁴⁴ Масгрейв Ричард А., Масгрейв Пегги Б. Государственные финансы: теория и практика. М.: Бизнес Атлас, 2009. 716 с.

⁴⁵ Составлено по: Elliott J. An Introduction to Sustainable Development. London: Routledge. 2012. 384 p.; Rammel, C. and Staudinger, M. Evolution, variability and sustainable development // Int. J. of Sustainable Development and World Ecology. 2002. Vol. 9.No. 4. pp.301-313.

Аналогичным образом подобные критерии устойчивого развития можно разработать для бюджетной системы. Основными отличиями от традиционных экономических систем будут следующие:

- необходимость учета разнообразия и избыточности экономических структур в публичных финансах, наличие множества процессов различных уровней и технологий управления;

- необходимость обеспечения сбалансированного обмена со множеством экономических агентов в финансовой, социальной, политической и других плоскостях, поскольку в противном случае ориентация только на экономический эффект приведет к нарушению баланса и устойчивости социально-экономического развития страны;

- необходимость оценки потенциала развития в финансовом, экономическом, социальном и институциональном аспектах;

- требование необходимого вклада в повышение качества жизни, качества институтов, социальной обеспеченности и здоровой окружающей среды в качестве основного интегрального критерия эффективности функционирования бюджетной системы;

- обеспечение экономической безопасности государства.

В настоящее время действующие системы показателей позволяют более четко и всесторонне оценивать экономическую устойчивость экономики, так как были добавлены критерии социального, экологического и институционального характера⁴⁶. Это справедливо и для бюджетной системы, так как трансформация показателей, основанная на вышеупомянутых критериях, делает анализ устойчивого развития бюджетной системы более комплексным. Полученные выводы также подтверждают актуальность такого комплексного подхода в изучении проблем устойчивого развития, но это требует расширения классических макроэкономических подходов, так как они не способны полностью решать

⁴⁶ Michael Carley, Ian Christie An Managing Sustainable Development London: Routledge. 2000. 336 p.

рассматриваемые проблемы.

Ключевую роль в таком анализе играет оценка негативного влияния внутренних и внешних шоков, которые выражаются в детерминировании рисков, влияющих на устойчивость бюджетной системы. Многие авторы отмечают, что данная проблема стоит достаточно остро и ряд следующих вопросов является нерешенным:

- возможно ли применение традиционных инструментов оценки рисков используемых, например, в инвестиционном анализе, в бюджетно-налоговой сфере⁴⁷;
- насколько точными будут получены прогнозные оценки доходов бюджетной системы, скорректированные на величину рисков⁴⁸;
- как проранжировать риски по показателю их влияния на устойчивое развитие бюджетной системы⁴⁹;
- какова специфика влияния экзогенных и эндогенных шоков и возникающих рисков в сфере публичных финансов⁵⁰;
- возможно ли использование традиционного экономико-математического инструментария для оценки влияния рисков на устойчивое развитие бюджетной системы⁵¹ и т.д.

Данные проблемы требуют методологического обоснования роли рисков в устойчивом развитии бюджетной системы с учетом комплекса ее специфических свойств. Сфера публичных финансов подразумевает наличие процессов аккумуляции, распределения и перераспределения финансовых ресурсов, которые могут происходить в условиях повышенной неопределенности, поэтому траектории развития в этом случае могут быть

⁴⁷ Песоцкий А. А. Экономический шок: определение, укрупненные подходы к классификации // Kant. 2021. №2(39). С. 85-90.

⁴⁸ Песоцкий А.А. Экономический шок и шокоустойчивость (сопротивляемость): взаимосвязь понятий // Теория и практика общественного развития. 2021. № 8 (162). С. 55-60.

⁴⁹ Пелипась И, Шиманович Г. Международные связи и внешние шоки: использование глобальной VAR-модели для Беларуси // Банковский вестник. 2017. № 4 (645). С. 24-32.

⁵⁰ Кожевникова А.В. Анализ структурного изменения динамики ВВП в России и шока цен на нефть // E-Scio. 2018. № 4 (19). С. 70-76.

⁵¹ Рустамова Н.Р. Сравнение и оценка моделей, используемых для измерения влияния глобальных экономических шоков на экономику // Экономика и предпринимательство. 2020. № 7 (120). С. 541-546.

непредсказуемы и слабоуправляемы. Также необходимо учитывать, что бюджетная система напрямую зависит от стохастического взаимодействия элементов экономической и неэкономической природы. При этом значение имеют не только факторы макроуровня, но и микро, так как риски коммерческого сектора экономики, особенно в кризисных ситуациях, переходят на бюджетную систему.

В узком смысле под бюджетным риском традиционно понимается вероятность наступления негативного события, сокращающего доходы бюджетной системы⁵². Такие отклонения от запланированных значений могут плавно накапливаться в процессе исполнения бюджета, а могут иметь резкие всплески. Дополнительным фактором риска является ограниченность фонда денежных средств, снижение доходов бюджета сопровождается сокращением расходных обязательств, что, в свою очередь, отрицательно влияет на социальную политику, качество и объем государственных услуг. Возникает мультипликативный эффект, когда бюджетные риски приводят к ограниченности финансирования государственных обязательств и последующему снижению уровня устойчивого развития экономических систем различного масштаба.

Так как мы рассматриваем проблему повышения устойчивого развития бюджетно-налоговой системы на основе проведения сбалансированной таможенно-тарифной политики, то бюджетные риски мы будем считать проявлением в доходной части бюджета как сокращение налоговых обязательств. Такая позиция является популярной среди российских исследователей и рассматривается, например, в работах В.А. Гребенникова⁵³, В.В. Гамукина⁵⁴, Н.А. Истоминой⁵⁵, Е.А. Лойтера⁵⁶ и других авторов.

⁵² Айвазов А.А. Бюджетные риски и их влияние на финансовую устойчивость региона // Аудит и финансовый анализ. 2010. № 1. С. 325-327.

⁵³ Гребенникова В.А., Степанова Е.А. Управление бюджетными рисками: миф или реальность? // TERRA ECONOMICUS. 2010. № 3: Т. 8. С. 119-125.

⁵⁴ Гамукин В.В. Бюджетные риски: среда, система, случай. Тюмень.: Изд во ТюмГУ, 2015. С. 328.

⁵⁵ Истомина Н.А. Результатный подход в бюджетной сфере в контексте бюджетных рисков // Финансовая аналитика: проблем и решения. 2014. № 42(228). С. 56-67.

⁵⁶ Лойтер Е.А. Риски на различных стадиях бюджетного процесса в Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 1. С. 19-28.

Необходимо отметить, что в последнее время все больше говорят о внешнеэкономических причинах бюджетных рисков, которые связаны с высокой волатильностью цен на сырьевых рынках⁵⁷, геополитическими факторами⁵⁸, трансформацией политики фритрейдерства и протекционизма⁵⁹.

В таблице 1.4 представлена систематизация бюджетных рисков в части ее доходов, зависящая от внешнеэкономических факторов.

Таблица 1.4 – Предпосылки роста неопределенности доходной части бюджетной системы, формируемой участниками ВЭД⁶⁰

Факторы, характеризующие ВЭД	Риски устойчивого развития бюджетной системы
Рост налоговой нагрузки на внешнеэкономическую деятельность	Снижение внешнеэкономической активности
Усиление фискальной роли таможенных платежей	Повышение зависимости доходов бюджета от внешнеэкономической конъюнктуры и экзогенных шоков
Высокая волатильность мировых цен на продукцию топливно-энергетического комплекса	Зависимость бюджетной системы от нефтегазовых доходов снижает прогнозируемость налоговых поступлений
Высокий уровень теневой экономики и правонарушений в таможенной сфере	Сокращение налогооблагаемой базы и рост диспропорций в национальной экономике
Снижение уровня налоговой дисциплины среди участников ВЭД	Снижение налоговых поступлений в бюджетную систему вследствие роста масштабов уклонения от уплаты налогов

Например, рост налоговой нагрузки на участников ВЭД при прочих равных условиях автоматически влечет снижение внешнеэкономической активности, высокая доля нефтегазовых доходов в структуре бюджетной системы повышает его зависимость от волатильных нефтяных котировок, а высокий уровень теневой экономики и снижение уровня налоговой

⁵⁷ Ломоносов Д.А., Полбин А.В., Фокин Н.Д. Влияние шоков мировой деловой активности, предложения нефти и спекулятивных нефтяных шоков на экономику РФ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 25. № 2. С. 227-262.

⁵⁸ Никитин М.В, Каминов А.А. Экономические и политические шоки: классификация и механизм воздействия на макроэкономическую конъюнктуру // Экономика: теория и практика. 2019. № 2 (54). С. 103-108.

⁵⁹ Френкель А., Мальцева И. Анализ рисков бюджетной системы России в долгосрочной перспективе // Экономическая политика. 2012. № 5. С. 139-153.

⁶⁰ Источник: составлено по: Айвазов А.А. Бюджетные риски и их влияние на финансовую устойчивость региона // Аудит и финансовый анализ. 2010. № 1. С. 325-327. Пелипась И, Шиманович Г. Международные связи и внешние шоки: использование глобальной VAR-модели для Беларуси // Банковский вестник. 2017. № 4 (645). С. 24-32.; Френкель А., Мальцева И. Анализ рисков бюджетной системы России в долгосрочной перспективе // Экономическая политика. 2012. № 5. С. 139-153.

дисциплины участников ВЭД приводит к сокращению налогооблагаемой базы.

Рассматривая бюджетные риски, необходимо отметить, что в отличие от коммерческого сектора экономики, показатель прибыли не является атрибутивным параметром риска⁶¹. Поэтому в таком случае, когда отсутствует такая категория оценки рисков как прибыль, необходим поиск альтернативных методов минимизации вероятности возникновения кризисных ситуаций, заменив категорию прибыль на доходы бюджета. Возможные методы представлены на рисунке 1.3.

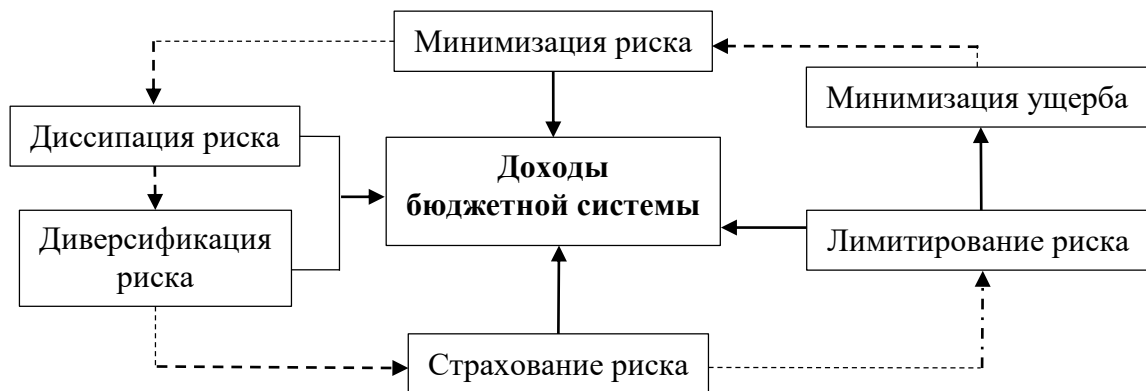

Рисунок 1.3 – Методы управления бюджетными рисками⁶²

Наиболее распространенным вариантом управления бюджетными рисками является его принятие, хотя, как отмечает ряд авторов⁶³, целесообразность использования этого метода находится под вопросом, когда размер вероятного ущерба превышает определенное критическое значение. Поэтому мы считаем, что стратегия минимизации ущерба будет оптимальным вариантом, так как даже незначительный ущерб за счет раннее описанного мультипликативного эффекта может привести к неконтролируемым потерям. Следует отметить, что наличие факторов неэкономического характера, повышающих вероятность риска, требует

⁶¹ Власов В.А. Оценки, решения, риски. М.: Изд-во БИНОМ, 2012. 256 С.

⁶² Источник: разработано автором

⁶³ Круи М., Галай Д., Марк Р. Основы риск менеджмента / ред. В.Б. Минасян. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 390; Новиков А.И., Солодкая Т.И. Теория принятия решений и управление рисками в финансовой и налоговой сферах. М.: Дашков и К, 2013. 285 С.

использования всего арсенала методов государственного регулирования, чтобы ослабить силу их влияния.

Стратегия лимитирования рисков в бюджетном процессе подразумевает решение проблемы сбалансированности бюджета, например, за счет секвестра или просто сокращения отдельных статей расходов. Как отмечает С.Г. Аюпова⁶⁴, это является вынужденной мерой и элементом пассивного управления, так как правительство принимает (соглашается) с резким ухудшением ситуации и запоздало реагирует на возникшие вызовы.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- рассмотрение поведения и устойчивого развития сложных экономических систем, в том числе и бюджетно-налоговой, не может быть сведено к единой статичной или динамичной модели с жестко детерминированным набором критериев ее оценки, так как множество участников бюджетно-налоговых отношений создает множество траекторий взаимодействия между субъектами, которые изменяются и развиваются;

- прогнозирование траекторий устойчивого развития бюджетной системы не может быть однозначно определено на основе математически сформулированных теорий или алгоритмов, основанных на фиксированных соотношениях элементов системы, включая стохастические вариации. Развитие бюджетной системы основано на неопределенности, непредсказуемом и хаотичном будущем в рамках возможных сценариев, поэтому требуется разработка поиска таких инструментов прогнозирования, которые будут не только обладать хорошей прогностической силой, но и позволят определить оптимальные траектории устойчивого развития бюджетной системы;

- системный анализ обладает необходимыми инструментами для описания поведения и эволюции сложных систем. Однако, результаты

⁶⁴ Аюпова С.Г. Методологические аспекты прогнозирования бюджетных доходов с учетом оценки степени риска поступлений. // Вестник ЧелГУ. 2010. № 6(187). С. 81-85.

системного анализа часто носят теоретизированный характер, что усложняет их практическое использование, поэтому требуется адаптация этих инструментов исследования для анализа устойчивости развития бюджетной системы.

1.3 Методы и модели повышения резистентности федерального бюджета к шокowym воздействиям

В последнее время все большую популярность получают новые подходы изучения экономических систем, связанные с экономикой сложности и ее динамическим проявлениями. В соответствии с этой методологией экономические системы не всегда пребывают в состоянии равновесия, а использование классического аналитического инструментария не дает достаточно точных результатов, так как она представляет собой своего рода постоянно развивающийся организм, состоящий из множества элементов, имеющих разную природу. Это создает для экономической системы возможности адаптивно меняться в соответствии с текущей ситуацией и достигать поставленных целей и задач. Как справедливо отметили Кии и Ницита: «экономика – это непрерывное вычисление: обширное, распределенное, массово параллельное, стохастическое»⁶⁵.

Также необходимо учитывать, что в экономических системах, которые в соответствии с данной методологией относятся к категории сложных, единственно верного равновесного решения практически никогда не существует⁶⁶, а если их и возможно найти, то это требует дополнительного обоснования⁶⁷.

Современная структура экономики является изменчивой и

⁶⁵ Kee H., Nicita A., Olarreaga M. Estimating Trade Restrictiveness Indices. The Economic Journal. 2009. No. 119. P. 172-199;

⁶⁶ Серков Л.А., Елизаров Д.Б., Быстрых О.В. Взаимодействие экзогенных и эндогенных шоков на примере модели Самуэльсона-Хикса // Приволжский научный вестник. 2015. № 1 (41). С. 58-62.

⁶⁷ Пестова А, Мамонов М. Оценка влияния различных шоков на динамику макроэкономических показателей в России и разработка условных прогнозов на основе BVAR-модели российской экономики // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 4. С. 56-92.

непредсказуемой, и это стало очевидно. По мере появления новых цифровых технологий, глобальных рынков товаров и услуг, масштабных вызовов возникают новые формы организации и новые институты, которые, в свою очередь, приводят к очередному витку развития. В таких системах, которые меняют свою структуру особую роль играют экзогенные и эндогенные воздействия аperiодического характера, в качестве которых выступают шоки.

Теоретическое детерминирование причин возникновения шоков и их влияние на устойчивость развития экономических систем, позволяет сделать вывод, что в качестве основной характеристики большинство исследователей выделяют случайный характер шоков⁶⁸, а изменения, которые они вносят в функционирование экономической системы нарушения часто носит негативный характер⁶⁹, так как непредсказуемость их возникновения является источником повышенной волатильности и способно вызвать неконтролируемые последствия. В любом случае вне зависимости от характера шокового воздействия (позитивного или негативного) они являются причиной отклонения развития экономической системы от существующего тренда.

В качестве основных характеристик шоков в контексте анализа процессов устойчивого развития необходимо учитывать не только формы их проявления и причины возникновения, но и последствия как краткосрочного, так и долгосрочного характера, влияющие на развитие экономической системы в целом и ее составляющие в частности. В этой связи следует выделить следующие характеристики шоков:

– непредсказуемость возникновения шоков, генерирующего повышенную волатильность в экономических процессах⁷⁰;

⁶⁸ Плотников А.В. Механизм влияния неэкономического шока на национальную экономику // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 2 (128). С. 163-169; Очкин Р.О. Внешние шоки как детерминирующий фактор национально-государственных экономических интересов страны // Теоретическая экономика. 2018. № 4 (46). С. 144-150.

⁶⁹ Переход С.А. Моделирование рисков макроэкономических шоков для внешнедолговой устойчивости российских компаний // Вопросы экономики. 2021. № 5. С. 57-73.

⁷⁰ Боков А.Н. Нефтяные шоки в XXI веке и роль ОПЕК по стабилизации ситуации на мировом

– низкий уровень адаптивности вследствие отсутствия типовых моделей реакции на возникшие изменения⁷¹;

– сложность оценки последствий в результате шокового воздействия, так как природа влияния носит поливариантный характер, поэтому практически невозможно точно и своевременно детерминировать причины и, как результат, оперативно минимизировать ущерб от негативных последствий⁷²;

– разнообразие проявления шоков, вызванных, например, наличием структурных дисбалансов в развитии экономических систем (дает возможность предсказания их возникновения) или форс-мажорными обстоятельствами (невозможность прогнозирования их возникновения)⁷³;

– неоднородность проявления шоков в макроэкономических системах усложняет разработку стратегий по минимизации их негативного влияния⁷⁴.

В соответствии с этим для целей диссертационного исследования к шокам мы будем относить не любое спонтанное изменение внешних условий, влияющих на устойчивое развитие бюджетной системы, а только те, которые:

- повышают уровень волатильность доходной части бюджета;
- вносят неопределенность и требуют от органов государственной власти новых реакций;
- масштаб их влияния приводит к серьезным последствиям экономического и неэкономического характера;
- отсутствие или неадекватность реакции на шоковые воздействия приводит к непрогнозируемому росту ущерба для бюджетной системы и резко

нефтяном рынке // Инновации и инвестиции. 2021. № 2. С. 39-41.

⁷¹ Серков Л.А. Влияние внешних и внутренних шоков на макроэкономические показатели региона // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19. № 4. С. 45-63.

⁷² Ажогина Н.Н, Иванова Д.Е. Эконометрическая модель: нефтяные шоки и экономическое развитие государства // Финансовая экономика. 2018. № 8. С. 549-552.

⁷³ Tarasova E.M. Impact of the COVID-19 economic shock on the national economy // Economy and Business: Theory and Practice. 2021. № 1-2 (71). С. 153-159.

⁷⁴ Данилова И.В, Богданова О.А, Телюбаева А.Ж. Влияние внешних институциональных шоков на дифференциацию экономического пространства РФ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2019. Т. 13. № 3. С. 23-32.

снижает уровень ее устойчивости.

В соответствии с этим и учетом специфики проявления шоков в бюджетной системе нами предложена следующая классификация шоков (таблица 1.5).

Таблица 1.5 – Классификация шоков⁷⁵

Классификационный признак	Типы шоков
Источник возникновения	- экономические - политические - социальные - природные
Периодичность	- периодичные (циклические) - аperiodичные
Продолжительность	- краткосрочные - среднесрочные - долгосрочные
Характер влияния	- симметричные - асимметричные
Фундаментальные факторы	- спроса и предложения - технологический - энергетический
Степень охвата	- глобальные - локальные
Длительность воздействия	- постоянные (перманентные) - временные

Для бюджетной системы Российской Федерации важным классификационным признаком является источник возникновения шоков. Очевидно, что шоки экономического характера играют главную роль, но геополитические события последних лет показали также всю важность неэкономических факторов, а коронавирусная пандемия – и природных. Нельзя сбрасывать со счетов и циклический характер экономического развития и, хотя периодические всплески волатильности, вызванные данной причиной можно предсказать, но точность этих предсказаний, а особенно оценка потенциального ущерба не всегда корректна⁷⁶, поэтому правительство

⁷⁵ Источник: составлено по Иванов О.Б. Глобальные риски современного мира. Кризис глобализации // Вопросы геополитики, 2018, с. 7-29.; Очкин Р.О. Внешние шоки как детерминирующий фактор национально-государственных экономических интересов страны // Теоретическая экономика (научный электронный экономический журнал), 2018, №4, с. 144-150.

⁷⁶ Беликов А.Ю., Кузьмина З.С., Беликов И.А. К вопросу о прогнозировании наступления

всегда учитывает при разработке макроэкономических сценариев развития российской экономики возможность их возникновения в пессимистичных сценариях.

Фундаментальные факторы, на первый взгляд, не так важны, но в долгосрочной перспективе они играют ведущую роль. Например, глобальный тренд перехода на возобновляемые источники энергии может привести к резкому сокращению спроса на топливно-энергетические ресурсы, что отрицательно скажется на доходах российской бюджетной системы. Также имеет значение длительность воздействия шоков и степень их охвата.

Современные общемировые тренды, связанные с одной стороны с глобализацией, а с другой – развитием «нового протекционизма»⁷⁷ и ростом влияния интеграционных институтов и объединений⁷⁸ сопровождаются перестройкой действующих правил, норм и процедур, регламентирующих внешнеэкономическую деятельность. Появление новых игроков на мировых рынках, включение отдельных стран и целых регионов в глобальные цепочки добавленной стоимости приводит к росту неопределенности⁷⁹. При этом, также необходимо учитывать факторы неэкономического характера, связанные, прежде всего, с ростом геополитической напряженности и торговыми войнами.

Очевидно, что все это приводит к появлению новых шоков, влияние которых на бюджетную систему и механизмы противодействия им можно рассмотреть в рамках концепций: «поглощения» и «мультипликации»⁸⁰. Отличия между данными концепциями основаны на количественной оценке последствий параметров бюджетной системы, прежде всего, доходной части

экономических кризисов // Управление финансовыми рисками. 2019. № 4. с. 274-288.

⁷⁷ Глобализация и деглобализация: роль стран с формирующимися рынками и выводы для России. М.: Банк России, 2019.

⁷⁸ Руднева А.О. Международная торговля: специфика и перспективы участия развитых, развивающихся стран и стран с переходной экономикой // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8. № 3. С. 430-438.

⁷⁹ Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Глобальные стоимостные цепочки: как поднять резильентность перед внезапными шоками? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2020, т. 13, № 6, с. 30-50.

⁸⁰ Саркисян Ж.М. Шоки в экономике: сущность, происхождение и глобальная динамика // Страховое право, 2021, № 1, с. 5-15.

бюджета, а также анализе эффективности действий органов государственной власти по минимизации потенциального ущерба. При этом масштаб и причины возникновения шоков отходят на второй план.

В основе концепции «поглощение» лежит предпосылка о том, что шоковое воздействие в силу ряда причин как внешнего, так и внутреннего характера, приводит к неэластичной реакции органов государственной власти, что проявляется в неизменности бюджетной и налоговой политики или минимальной корректировке отдельных параметров бюджетной системы. Причины этого связаны с тем, что кризисные проявления, вызванные шоком, можно устранить на основе «встроенных стабилизаторов», которые автоматически активизируют процессы блокировки шоковых возмущений, что способствует минимизации потенциального ущерба. То есть можно говорить о том, что бюджетная система обладает высоким уровнем резистентности к данному виду шоков и встроенный «механизм поглощения» позволяет бюджетной системе не отклоняться от установленных параметров. Таким образом, в этом случае последствия будут минимальны, а отсутствие явной дестабилизации и повышенной волатильности параметров бюджетной системы позволяет говорить о низком влиянии шока и полном его поглощении.

Концепция «Мультипликации» или усиливающего воздействия характеризуется тем, что вызванный шоком первоначальный импульс уже в краткосрочном периоде усиливается в силу специфики функционирования бюджетной системы, т.е. возникает «резонанс», который в конечном итоге приводит к росту амплитуды колебаний. В результате возможность возврата к запланированным трендам без качественной трансформации бюджетной и налоговой политики становится невозможной, поэтому требуется принятие новых решений, часто меняющих существующие институциональные условия, которые и стали причиной кумулятивного накопления изменений в основах функционирования бюджетной системы. Таким образом, если шок воздействует в соответствии с мультипликативным сценарием, то можно

говорить о том, что бюджетная система обладает низкой резистентностью к данному типу шоков и характеризуется высоким уровнем влияния на устойчивость развития бюджетной системы.

Как видно сила шокового воздействия не всегда является единственным определяющим фактором, также имеет значение источник и направление этого воздействия, а также характеристики экономической системы, которые по определению Р.О. Очкина могут попасть в резонанс взаимодействия⁸¹.

В литературе такое взаимодействие рассматривается через комплексную оценку количественных и качественных последствий в зависимости от механизма распространения шокового воздействия внутри экономической системы⁸². Возможна ситуация, когда негативное влияние шока на устойчивость траектории развития сохраняется в течение длительного времени. В этом случае шок считается персистентным⁸³, а экономическая система вследствие кардинальных изменений уже не сможет вернуться к своему прошлому устойчивому состоянию. Особенно это характерно для нестационарных временных рядов, которые обладают так называемым «долгосрочным эффектом памяти»⁸⁴. И наоборот – аперсистентное действие шока приводит к краткосрочным отклонениям от оптимальных траекторий развития, но продолжительности импульса не хватает, для того чтобы экономическая система не смогла его пережить без коренной трансформации.

Необходимо отметить, что сложность бюджетной системы предопределяет неоднородность и поливариантность потенциальных экзогенных шоков, поэтому первоначально бывает сложно определить по

⁸¹ Очкин Р.О. Внешние шоки как детерминирующий фактор национально-государственных экономических интересов страны // Теоретическая экономика (научный электронный экономический журнал), 2018, №4, с. 144-150.

⁸² Цветков В.А., Степнов И.М., Ковальчук Ю.А., Зоидов К.Х. Динамика развития экономических систем. М.: Институт проблем рынка РАН, 2016. 380 с.

⁸³ Пилипенко З.А. Глобальные финансовые шоки как реализация кумулятивного эффекта синхронизации многоуровневых дисбалансов в мировой экономике // Экономические науки, 2014, №11, с. 75-79.

⁸⁴ Полбин А.В. Оценка влияния шоков нефтяных цен на российскую экономику в векторной модели коррекции ошибок // Вопросы экономики. 2017. № 10. С. 27-49.

какому сценарию пойдет развитие событий. Как результат, своевременно определить адекватные меры для минимизации негативно ущерба затруднительно. Ситуация осложняется также тем, что консолидированные бюджеты субъектов РФ весьма различаются по уровню резистентности к внешним шокам⁸⁵, что повышает вероятность возникновения «эффекта резонанса» для подсистем бюджетной системы. Также, особенно при форс-мажорных ситуациях, меняется траектория развития внешнеторговых, фискальных, денежно-кредитных индикаторов, что также усложняет оценку рисков и разработку антикризисных мер (рисунок 1.4).

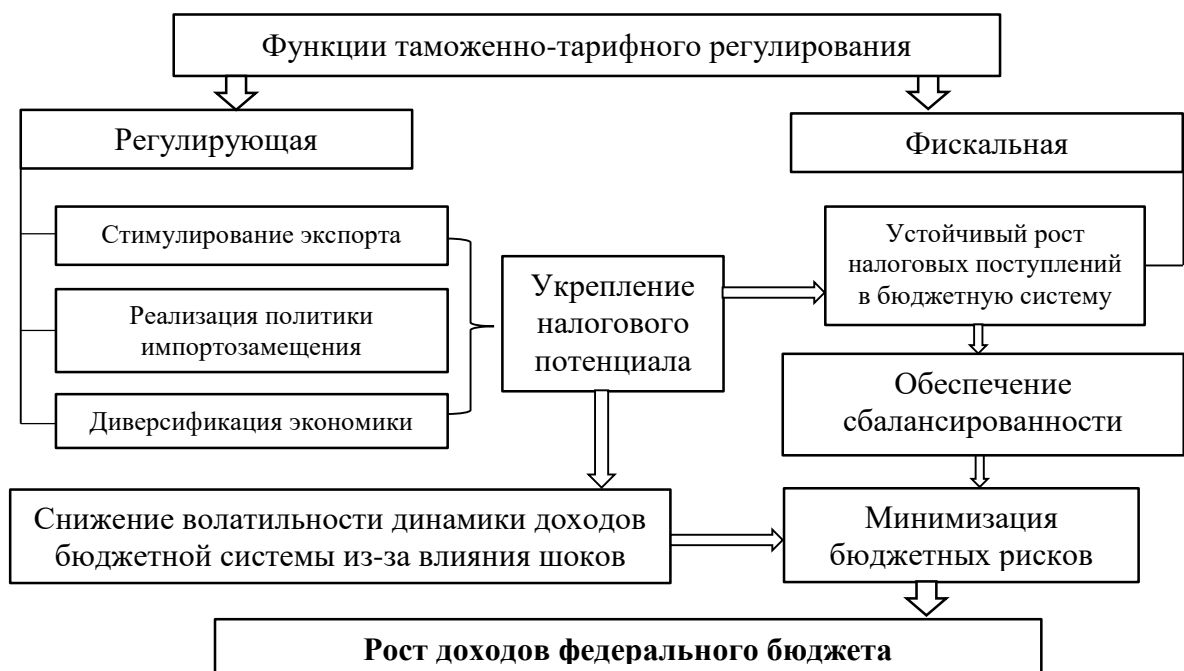

Рисунок 1.4 – Функции таможенно-тарифного регулирования в обеспечении роста доходов федерального бюджета⁸⁶

Такой многоаспектный характер воздействия шоков на бюджетную систему в силу различной природы их возникновения предопределяет необходимость комплексной оценки возможности использования инструментов таможенно-тарифного регулирования для решения обозначенной проблемы.

Фискальная функция таможенно-тарифного регулирования прямо

⁸⁵ Антоновская Е.А. Планирование доходной части федерального бюджета РФ // Вестник Чувашского университета. 2016. № 3. С. 109-114.

⁸⁶ Источник: Разработано автором

воздействует на устойчивое развитие бюджетной системы в краткосрочном периоде, так как сбалансированный бюджет способствует минимизации бюджетных рисков. В долгосрочной перспективе ключевую роль играет укрепление налогового потенциала, основанного на регулирующей функции.

Реализация большинства декларируемых задач долгосрочного социально-экономического развития РФ, таких как импортозамещение или повышение конкурентоспособности отечественной продукции на глобальных рынках за счет диверсификации экономики невозможно без использования инструментов таможенно-тарифного регулирования. Конечной стратегической целью в контексте устойчивого развития бюджетной системы должно стать минимизация негативного ущерба от экзогенных и эндогенных шоков, выраженное в резком падении доходов.

Очевидно, что влияние шоков трудно поддается моделированию, так как их появление часто непредсказуемо, а сила воздействия – различна. Поэтому необходим детальный анализ возможности использования инструментария экономико-математического моделирования для оценки влияния экзогенных и эндогенных шоков на внешнеэкономическую активность и динамику таможенных платежей в контексте устойчивого развития бюджетной системы.

Первый подход описывается в терминах влияния экономических факторов на устойчивое развитие⁸⁷. Для использования данного подхода необходимо соблюдение условия четкого детерминирования результативных (устойчивость) и объясняющих (в нашем случае факторов, влияющих на динамику таможенных платежей) величин. Другими словами, изменение во времени доходов бюджетной системы представляет собой формализацию динамических рядов, уровни которых являются индикаторами таможенных поступлений.

Если выбранный индикатор устойчивости обозначить как $y_{j,c,t}$, где i –

⁸⁷ Калинкова, И.Ю. Экономические шоки в макроэкономической теории: методологический детерминизм // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. - URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/—ep12-07/578>

это порядковое значение соответствующего индикатора из всей совокупности, c – государство как субъект внешнеэкономической деятельности, t – момент времени. Для каждого из таких индикаторов существует определенное количество факторных признаков $x_{j,c,t}$, изменение которых потенциально может оказывать влияние на устойчивое развитие бюджетной системы. Чем больше это влияние, тем более точно полученная модель будет описывать исходные взаимосвязи. В результате получается классическое линейное уравнение парной регрессии:

$$y_{i,c,t} = a_{i,c} + b_{i,c}x_{i,c,t} + \varepsilon_{i,c,t} \quad (1.1)$$

В данной спецификации эффектом от доходов бюджета за счет таможенных поступлений будет являться величина $b_{i,c}\delta x_{i,c,t}$, где $\delta x_{i,c,t}$ является изменением показателя доходов бюджетной системы на заданном горизонте планирования. Уравнение (1.1) позволяет оценить влияние каждого факторного признака в отдельности, также ее преимуществом является то, что устойчивое развитие можно проанализировать как функция от изолированных факторов, характеризующих поступления на одну и ту же величину для каждого вида доходов в общем случае будет различным.

В спецификации, представленной нестационарными временными рядами, предполагается, что индикатор устойчивости бюджетной системы связан долгосрочной коинтеграционной взаимосвязью с показателями, характеризующими доходы⁸⁸. Однако возможен некоторый механизм продолжения тенденции, вызванный выходом динамики доходов бюджета к стационарному виду, т.е. достижением траектории появления устойчивых тенденций. Поэтому в таких моделях необходимо использовать корректирующие коэффициенты, которые минимизируют эффект влияния инерции на уровень долгосрочного равновесия⁸⁹.

Оценка адекватности моделей, включающих нестационарные

⁸⁸ Пелипась, И. Международные связи и внешние шоки: опыт использования различных спецификаций глобальной VAR для Беларуси. Берлин/Минск: Исследовательский центр ИПМ, 2016. 31 С.

⁸⁹ Базуева, С.А. Анализ задачи идентификации закона распределения случайных процессов // Инженерный вестник Дона. 2015. №3. С. 84-88.

временные ряды, осуществляется на основе метода максимального правдоподобия. Как отмечает В. Аксенов, эконометрические модели, нелинейные по параметрам, в случае невозможности их линеаризации, оцениваются численными методами оптимизации⁹⁰.

Специфика временных рядов, определяющих динамику доходов федерального бюджета характеризуется относительно небольшой их длиной, это автоматически понижает точность прогнозных оценок и адекватность полученных моделей. В этой связи увеличение массивов исходных статистических данных можно провести за счет объединения включенных в модель факторов в панель. Тогда стандартная эконометрическая модель линейного вида будет иметь следующий вид:

$$y_{i,c,t} = a_{i,c} + b_i x_{i,c,t} + \varepsilon_{i,c,t}. \quad (1.2)$$

Модель (1.2) отличается от модели (1.1) тем, что у коэффициента b_i пропал индекс дифференциации доходов c . Соответственно, для выбранного показателя, характеризующего доходы бюджета (и сопоставленных ему показателей устойчивого развития) модель оценивается одновременно. Данное свойство может рассматриваться, поскольку изменения индексов устойчивости можно анализировать с учетом изменения таможенно-тарифной политики России в рамках ЕАЭС.

Наблюдать различные эффекты от динамики интеграционных процессов для бюджетных систем государств-членов ЕАЭС в рамках данной модели возможно, так как использование такой эконометрической модели позволяет получить индексы устойчивости. Свободный член $a_{i,c}$ при проведении процедуры спецификации можно детерминировать в рамках объединенной регрессионной модели, представляющей среднее значение по заданным массивам исходной статистической информации. Также это позволит решить проблему недостаточной длительности временного ряда, так как ЕАЭС был образован только в 2015 г., так как можно использовать

⁹⁰ Аксенов, В.Ю. Алгоритмы фрактального анализа временных рядов в системах мониторинга сенсорных сетей // Вестник астраханского государственного технического университета. Серия: управление, вычислительная техника и информатика. 2012. № 1. С. 91-96.

панельные данные в разрезе стран. Оценка адекватности такой модели полностью аналогична статистической оценке линейного уравнения множественной регрессии.

Среди дальнейших направлений развития эконометрического моделирования на основе панельных данных следует отметить подход Pooled Mean Group Estimator, разработанный Песараном и Смитом⁹¹. Данный подход обладает рядом преимуществ по сравнению с чистыми данными временных рядов. Его использование позволяет комбинировать поперечные и временные измерения. Это обеспечивает более высокие степени свободы и большую статистическую мощность тестов единичного корня, которые страдают от низкой мощности. Также учитывается неоднородность, и структура панели снижает риск коллинеарности между регрессорами. Анализ, включающий панельные данные, стал возможным благодаря разработке из специально подобранных тестов на корень и коинтеграцию панельных блоков.

Использование панельных данных в эконометрическом моделировании позволяет провести ранжирование отдельных стран или их объединений, по использованию накопленного социально-экономического потенциала. Именно поэтому он активно используется для анализа на макроуровне, например, для оценки: специфики внешнеторговых отношений и их динамики на структуру и сложность экспорта государств, эффективности использования ресурсов, составляющих экономического роста, а также для моделирования влияния уровня внешнеэкономической активности на динамику таможенных и налоговых поступлений в бюджетную систему⁹².

В соответствии с целями исследования, а именно, для оценки динамики доходов бюджетной системы на отдельный показатель у для страны, модель можно интерпретировать следующим образом. Для применения подхода нам потребуется выделить момент времени t , начиная с которого бюджет страны начинает испытывать положительный эффект от изменений в таможенно-

⁹¹ Pesaran, M. H., Shin, Y., Smith, R. P. Pooled mean group estimation of dynamic heterogeneous panels. *Journal of the American Statistical Association*. – 1999. 94(446), 621-634.

⁹² Воронцовский, А.В. Проблемы прогнозирования экономического роста в условиях воздействия внешних шоков. - URL: http://finbiz.spb.ru/download/1_2013/voronz.pdf

тарифной политике. Также целесообразно определить контрольную группу стран, которая имеет схожий социально-экономический потенциал, но не наблюдающих подобных изменений. Математически это будет выглядеть в соответствии с формулой (1.3):

$$y_{t+1,2} - y_{t,2} = a + \varepsilon_2 \quad (1.3)$$

где a – это свободный член, экономическая интерпретация которого связана с изменчивостью фактора при условии отсутствии влияния таможенно-тарифной политики, ε_2 – случайный шок к его изменению.

В соответствии с этим, изменения и оценка эффекта от таможенно-тарифной политики для исходного государства будет включать в себя показатель δ :

$$y_{t+1,1} - y_{t,1} = a + \delta + \varepsilon_2 \quad (1.4)$$

Тогда естественной оценкой будет являться:

$$\delta^* = (y_{t+1,1} - y_{t,1}) - (y_{t+1,2} - y_{t,2}) \quad (1.5)$$

Необходимо отметить, что большинство эконометрических методов, в том числе и анализ на основе панельных данных, не позволяют оценить влияние шоковых воздействий. Формируемые тренды не позволяют, хотя и дают возможности ретроспективного определения момента времени, когда проявилось влияние шоков, не позволяют спрогнозировать их наступление. Это означает, что данный метод больше подходит для построения теоретических моделей, но не позволяет количественно сопоставить эффект с влиянием таможенно-тарифной политики на динамику таможенных поступлений в бюджетную систему и ее устойчивость.

Также данный подход требует наличия стран со сходной структурой внешней торговли, но таможенно-тарифная политика которых будет отличаться. Данное предположение в настоящее время практически нереализуемо. Если страны, которые, как и РФ специализируется на экспорте топливно-энергетических ресурсов, а импортирует товары с высокой добавленной стоимостью существуют, то государств, которые входят в интеграционные объединения, а экономика которых подвержена санкциям,

при этом имеющих соответствующий масштаб и уровень развития экономики – нет.

Наличие всех этих ограничений, тем не менее, делает возможным использование данного подхода для изучения отдельных вопросов внешнеторговой деятельности, например, эффектов либерализации торговли⁹³. Полученные оценки носят средний характер в разрезе многих стран и на длительном периоде времени, что делает невозможным его использование для решения конкретной задачи: оценить влияние шоков на динамику таможенных поступлений в контексте устойчивого развития бюджетной системы РФ, поэтому детерминирование усредненного эффекта в данном случае не подходит.

Основная причина построения модели временных рядов для прогнозирования заключается в том, что она обеспечивает способ взвешивания данных, определяемый свойствами временных рядов. Модели структурных временных рядов формулируются в терминах ненаблюдаемых компонентов, таких как тенденции и циклы, которые имеют прямую интерпретацию⁹⁴. Таким образом, они предназначены для того, чтобы сосредоточиться на основных особенностях серии и спроецировать их в будущее. Они также обеспечивают способ взвешивания наблюдений для извлечения сигнала, таким образом, предоставляя описание серии.

При авторегрессии прошлые наблюдения, вплоть до заданного запаздывания, получают вес, полученный путем минимизации суммы квадратов ошибок прогнозирования на один шаг вперед. Как таковые, они формируют хорошую основу для сравнения моделей с точки зрения эффективности прогнозирования на один шаг вперед⁹⁵. Они могут быть применены непосредственно к нестационарным временным рядам, хотя может быть желательно наложение единичных корней путем

⁹³ Bassanini, A., Scarpetta, S. Does human capital matter for growth in OECD countries? A pooled mean-group approach. *Economics letters*. 2002. 74(3). 399-405.

⁹⁴ Gemmell, N., Kneller, R., & Sanz, I. (2011). The timing and persistence of fiscal policy impacts on growth: evidence from OECD countries. *The Economic Journal*, 121(550), F33-F58.

⁹⁵ Ковалёв В.Ю., Бенинг В.Е., Шоргин С.Я. Математические основы теории риска. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011. - С. 620.

дифференцирования, чтобы заставить конечную функцию прогноза быть полиномом. Мотивацией для расширения класса моделей, позволяющих использовать скользящие средние, является скупость. Длительные, действительно бесконечные, задержки могут быть зафиксированы небольшим количеством параметров. Существует стратегия выбора модели для этого класса процессов авторегрессионной интегрированной скользящей средней (ARIMA). Линейные структурные модели имеют уменьшенные формы, относящиеся к классу ARIMA. Проблема прогнозирования заключается в том, помогают ли неявные ограничения, которые они накладывают на модели ARIMA, прогнозировать производительность, исключая модели, обладающие непривлекательными свойствами.

Весьма перспективным направлением представляется использование динамических многофакторных нелинейных моделей. Включение фактора времени дает возможность ретроспективного наблюдения и более адекватного детерминирования и последующего отбора факторов для анализа⁹⁶. Наличие нелинейных взаимосвязей дает возможность рассматривать более сложные связи между факторными и результативным признаками⁹⁷. В результате усложнение взаимосвязей приводит к необходимости использования байесовских моделей⁹⁸, т.е. моделей для оценки которых используют методы Монте-Карло или имитационное стохастическое моделирование.

В результате можно выделить следующие проблемы, связанные с отбором факторов для их включения в эконометрические модели:

- отсутствие факторов, однозначно влияющих на устойчивость бюджетной системы, таможенно-тарифную политику и динамику поступлений таможенных платежей в бюджет;
- выделение фактора устойчивости происходит без учета того, что он

⁹⁶ Stock J, Watson M.. Dynamic Factor Models. In Oxford Handbook on Economic Forecasting, eds. Michael P. Clements and David F. Hendry. Oxford: Oxford University Press. 2011.

⁹⁷ Там же

⁹⁸ Там же

должен зависеть только от динамики таможенных поступлений в бюджетную систему, но и обеспечивать связь, например, с мерами таможенно-тарифной политики, что означает потерю информации.

– ограниченная возможность использования нескольких факторов, характеризующих таможенно-тарифную политику, так как это усложняет экономическую интерпретацию полученных результатов или делает ее практически невозможной.

Простейшие структурные модели временных рядов состоят из компонента стохастического тренда и случайного нерегулярного члена. Стохастический тренд развивается с течением времени, и практическим следствием этого является то, что прошлые наблюдения не учитываются при составлении прогнозов. Могут быть добавлены другие компоненты. В частности, цикл часто подходит для экономических данных. Опять же, это является стохастическим, что обеспечивает гибкость, необходимую для определения типа движений, которые происходят на практике⁹⁹.

Если мы хотим оценить текущий уровень серии наблюдений, то самый простой способ сделать это использовать выборочное среднее значение. Однако, если цель оценки уровня состоит в том, чтобы использовать его в качестве основы для прогнозирования будущих наблюдений, более привлекательно уделять больше внимания самым последним наблюдениям. Таким образом, функция прогноза представляет собой горизонтальную прямую линию. Один из способов придать больший вес самым последним наблюдениям – позволить весам уменьшаться экспоненциально. Этот метод построения и обновления прогнозов уровня известен как экспоненциально взвешенная скользящая средняя (EWMA) или простое экспоненциальное сглаживание. Константа сглаживания может быть выбрана таким образом, чтобы минимизировать сумму квадратов ошибок прогноза на один шаг вперед. EWMA также получается, если взять за отправную точку идею о том,

⁹⁹ Onatski A. Testing Hypotheses about the Number of Factors in Large Factor Models // *Econometrica*. 2009. Vol. 77 pp. 1447-1479.

что мы хотим сформировать оценку среднего значения путем минимизации дисконтированной суммы квадратов. Это означает, что для интерпретации модели требуется ввести предположение о том, что каждая из включенных связей отражает фундаментальную, причинно-следственную связь, что на практике не всегда возможно.

Результаты компаративного анализа методов эконометрического анализа подтвердили вывод об отсутствии единого универсального метода для оценки влияния таможенно-тарифной политики на динамику таможенных поступлений в бюджетную систему в контексте ее устойчивого развития имеют свои наборы преимуществ и недостатков. Это связано с тем, что устойчивость бюджетной системы и влияние на нее таможенно-тарифной политики формируется под воздействием множества наблюдаемых и ненаблюдаемых факторов. Также на устойчивость бюджетной системы оказывают влияние множество экономических величин, не связанных только с доходами бюджетами в целом, и таможенными поступлениями в частности. В случае если внешнеэкономические шоки во времени совпадают с внутренними шоками или их воздействие имеет комплексный характер, идентифицировать вклад именно таможенно-тарифной политики в изменение уровня устойчивости бюджетной системы требует использования динамических моделей.

Форма пространства состояний (SSF) позволяет в целом обрабатывать практически любые модели линейных временных рядов с помощью общих алгоритмов фильтра Калмана и связанного с ним коэффициент сглаживания. Кроме того, это позволяет вычислять функцию правдоподобия, а также получить представления моделей ARIMA и AR в SSF. Для многомерных рядов это приводит к методу вычисления представления EWMA ненаблюдаемой компонентной модели с общими тенденциями.

Преимущества структурного подхода к моделированию временных рядов становятся очевидными только тогда, когда мы начинаем рассматривать более сложные проблемы. Прямая интерпретация

компонентов позволяет создавать экономные многомерные модели и получать значительное представление о ценности, например, использования вспомогательных рядов для повышения эффективности прогнозирования целевого ряда. Кроме того, SSF обеспечивает огромную гибкость в отношении устранения нарушений в данных, таких как пропущенные наблюдения и наблюдения со смешанными частотами.

Как видно, невозможно выделить единый унифицированный подход эконометрического моделирования, использование которого позволит решить все проблемы методологического характера, но результаты проведенного компаративного анализа, представленные в таблице 1.6, позволяют найти наиболее оптимальный.

Таблица 1.6 – Результаты компаративного анализа эконометрических методов для оценки шоковых воздействий на устойчивость бюджетной системы¹⁰⁰

Требования	Эконометрические регрессионные модели			
	Линейные модели	Нелинейные модели	Динамические модели	Структурные модели
Объем исходных данных	+	+	+	–
Возможность использования комплексных индикаторов	+	–	+	+
Учёт повышенной волатильности и	–/–	–/+	+/+	+/+
Возможность изменения модели	–	–	–	+

Первый подход заключается в том, как извлечь наилучшую оценку базового ежемесячного изменения в ряду, который подвержен ошибке выборки и который, возможно, не регистрировался каждый месяц. Второй подход заключается в том, как использовать соответствующие ряды для улучшения этой оценки. Эти два подхода имеют и общие черты, например, при измерении уровня устойчивости бюджетной системы или того, каким образом можно было бы использовать инструменты таможенно-тарифного

¹⁰⁰ Источник: составлено автором по Stock J, Watson M.. Dynamic Factor Models. In Oxford Handbook on Economic Forecasting, eds. Michael P. Clements and David F. Hendry. Oxford: Oxford University Press. 2011.; Лапыгин Ю.Н., Крылов В.Е., Чернявский А.П. Экономическое прогнозирование. М.: Эксмо, 2009. 256 с.

регулирования для ее повышения.

Таким образом, видно, что динамические и структурные эконометрические модели позволяют не только учесть фактор времени и влияние экзогенных шоков на траекторию устойчивого развития бюджетной системы. Однако, также необходимо ответить на вопрос, насколько целесообразно было бы представлять устойчивость бюджетной системы и таможенно-тарифную политику в виде однородных переменных, взаимодействующих между собой напрямую и сможет ли такое представление не позволит в полной мере учесть особенности взаимодействия устойчивого развития бюджетной системы и таможенно-тарифной политики.

ГЛАВА 2. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОХОДОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

2.1 Анализ влияния экзогенных и эндогенных шоков на динамику таможенных платежей в доходы федерального бюджета

Таможенно-тарифная политика России формируется под влиянием многоаспектных тенденций, которые оказывают разнонаправленное влияние на экономическое развитие страны в целом и бюджетной системы в частности. Глобальные экономические кризисы, введение односторонних санкций в отношении российской экономики, рост протекционизма и торговые войны привели к резкому росту влияния шоковых воздействий на устойчивость развития бюджетной системы.

Важность таможенных платежей в формировании траекторий устойчивого развития бюджетной системы подтверждается динамикой его доли. Как видно из рисунка 2.1, с 2006 г. по 2014 г. значения данного показателя не опускались ниже уровня 40 %, а в 2010-2014 гг. находился на уровне около 50 %. И только начиная с 2015 г. удельный вес таможенных поступлений в структуре доходов федерального бюджета опустился ниже 40 % (причины этого будут рассмотрены ниже) (рисунок 2.1).

Одним из основных последствий мирового финансового кризиса 2008-2009 гг., стал рост волатильности на глобальных рынках товаров и услуг, что повысило неопределенность во внешнеторговых отношениях и уровень рисков как для государства, так и для бизнеса. Коронавирусная пандемия в 2020 г. также показала насколько экзогенные шоки могут быть чувствительны для экономик отдельных государств и внешнеэкономических связей. В последние годы также резко выросла вероятность политического давления на Россию через введение санкций экономического и неэкономического характера, а также дальнейшее расширение практики использования протекционистских мер во внешней торговле.

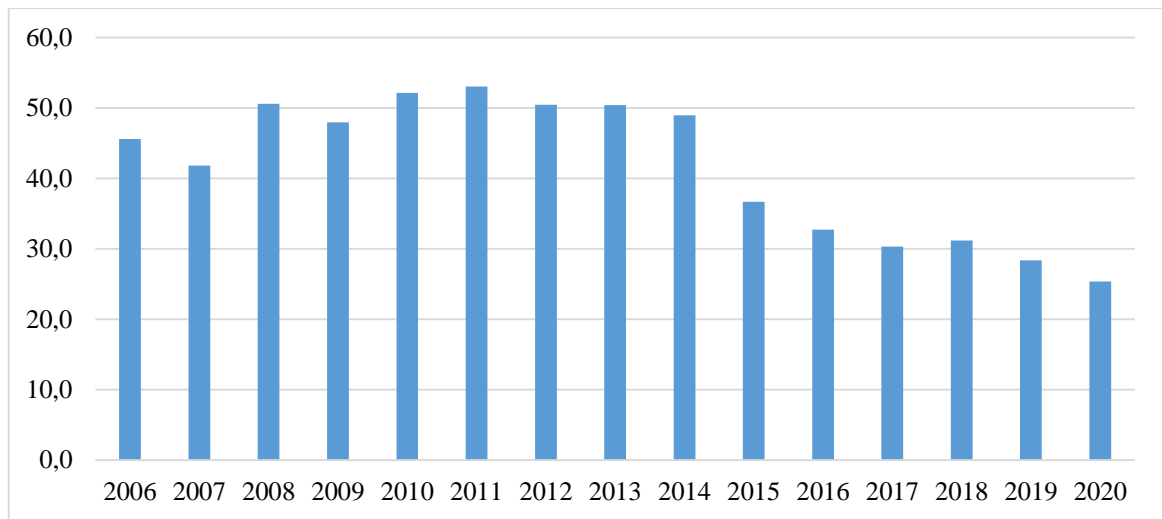

Рисунок 2.1 – Динамика доли таможенных платежей в доходах консолидированного бюджета РФ, %¹⁰¹

Важную роль также играет замедление темпов роста мировой экономики, одним из результатов которого стало обострение торговых войн как между странами, так и интеграционными объединениями, что, например, видно во внешнеэкономической политике США и Китая¹⁰². Также снизилась эффективность управления наднациональных институтов, расширилась практика использования административных и нетарифных инструментов защиты национальных рынков, а обострение международной конкуренции, вызванное, в том числе, первыми кризисными проявлениями, привело к активизации политического давления на многие страны. Все это требует адаптации существующих и поиска новых инструментов различного характера для того, чтобы российская экономика могла адекватно ответить на внешнеэкономические вызовы и сгладить негативное влияние, вызванное экзогенными шоками. Особенно это важно в силу высокой вовлеченности российской экономики в мировую торговлю и ее прямого влияния на устойчивое развитие бюджетной системы.

В этой связи решение проблемы устойчивого развития бюджетной

¹⁰¹ Источник: составлено автором по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021)

¹⁰² Behsudi A. U.S., China near deal to roll back some tariffs // Politico. URL: https://www.politico.com/story/2019/05/01/us_china_deal_tariffs_1400007 (accessed: 01.05.2019).

системы РФ будет зависеть от того, как будут изучены и интерпретированы произошедшие за последние 15 лет шоковые воздействия, оказавшие влияние на динамику внешнеторговой деятельности, а также на динамику таможенных поступлений в бюджетную систему.

Особенно актуальным это является для российской экономики, так как в структурах доходов бюджетной системы большой удельный вес играют таможенные платежи. Начиная с 2007 г. резко выросла амплитуда колебаний нефтегазовых и нефтегазовых доходов бюджетной системы. Как видно из рисунка 2.2, нефтегазовые доходы российского бюджета в 2009 г. сократились более, чем на 60 %, что было связано с обвалом мировых цен на нефть. Уже к 2011 г. объем поступлений достиг докризисного уровня, но новый кризис 2014 г. в совокупности с политическими факторами привел к новому витку снижения нефтегазовых доходов, которые к 2020 г. достигли минимума (рисунок 2.2).

Рисунок 2.2 – Динамика темпов роста нефтегазовых и ненефтегазовых доходов федерального бюджета, ед.¹⁰³

При этом необходимо отметить, что динамика ненефтегазовых доходов

¹⁰³ Источник: составлено автором по Министерству Финансов РФ. Ежегодная информация об исполнении федерального бюджета [Электронный ресурс]. - URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_yanvarya_2006_g. (дата обращения: 20.04.2021)

не подвержена такой волатильности. Несмотря на негативное влияние экзогенных шоков, начиная с 2011 г. по данной категории доходов наблюдается небольшой, но устойчивый рост. Таким образом, можно сделать вывод о том, что устойчивое развитие российской бюджетной системы во многом зависит от налоговых поступлений, связанных с внешнеэкономической деятельностью, т.е., прежде всего таможенных платежей. Их доля в структуре доходов федерального бюджета остается на стабильно высоком уровне, поэтому именно анализ влияния экзогенных шоков на динамику таможенных поступлений позволит сформулировать рекомендации по повышению устойчивого развития бюджетной системы.

Первым таким шоком за рассматриваемый период стал мировой финансовый кризис 2008 г., причины возникновения которого были связаны с фундаментальными проблемами глобального роста в целом и банковской системы США в частности. В качестве причин его возникновения, прежде всего выделяют неадекватную денежно-кредитную и бюджетно-налоговую политику администрации США¹⁰⁴, что выразилось в проведении проциклической экономической политике и наращивании бюджетного дефицита. Отдельно следует выделить максимально высокие темпы экономического роста, что позволило в период 2002-2007 гг. увеличить мировой ВВП более чем на 20 %. С одной стороны, это привело к ускоренной глобализации и появлению такого мирового феномена в мировой торговле как Химерика (Chimerica от сочетания China и America), а с другой привело к появлению глобальных дисбалансов и накоплению системных противоречий. Усиление роли в мировой торговле стран БРИКС позволило переориентировать потоки капитала в направлении *emerging markets*, поэтому при первых признаках кризиса отток капитала с развивающихся рынков привел к возникновению мультипликативного эффекта и углублению кризиса в глобальной экономике.

Для российской внешней торговли первоначально кризис не привел к

¹⁰⁴ Schroeder A. The Snowball: Warren Buffett and the Business of Life. Random House, Inc., 2008, 77p.

значительному сокращению таможенных поступлений в бюджетную систему по итогам 2008 г. Основной причиной этого был резкий рост цен на нефть, который сменился спадом только в сентябре 2008 г., но в дальнейшем девальвация рубля, сокращение реальных доходов домохозяйств и общее снижение уровня экономической активности привело к резкому сокращению объемов импорта, и поступлений от импортных таможенных пошлин, а также НДС и акцизов.

В 2008 г. структура российского экспорта практически не изменилась (рисунок 2.3). Удельный вес продукции топливно-энергетического комплекса составил около 70 %, на металлы и изделия из них пришлось 11,6 %, продукцию химической промышленности – 6,4 %.

Рисунок 2.3 – Товарная структура экспорта РФ в 2008 г., %¹⁰⁵

Товарная структура импорта, несмотря на снижение инвестиционного спроса в 2008 г., также практически не менялась (рисунок 2.4). На долю машин и оборудования пришлось 53,2 %, продукцию химической промышленности – 13,3 %. Сокращение платежеспособного спроса со стороны населения в результате девальвации рубля, не позволило увеличить

¹⁰⁵ Источник: составлено по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021)

удельный вес потребительских товаров: доля продовольственных товаров составила 13,0 %, а текстильных изделий и обуви – 4,2 %.

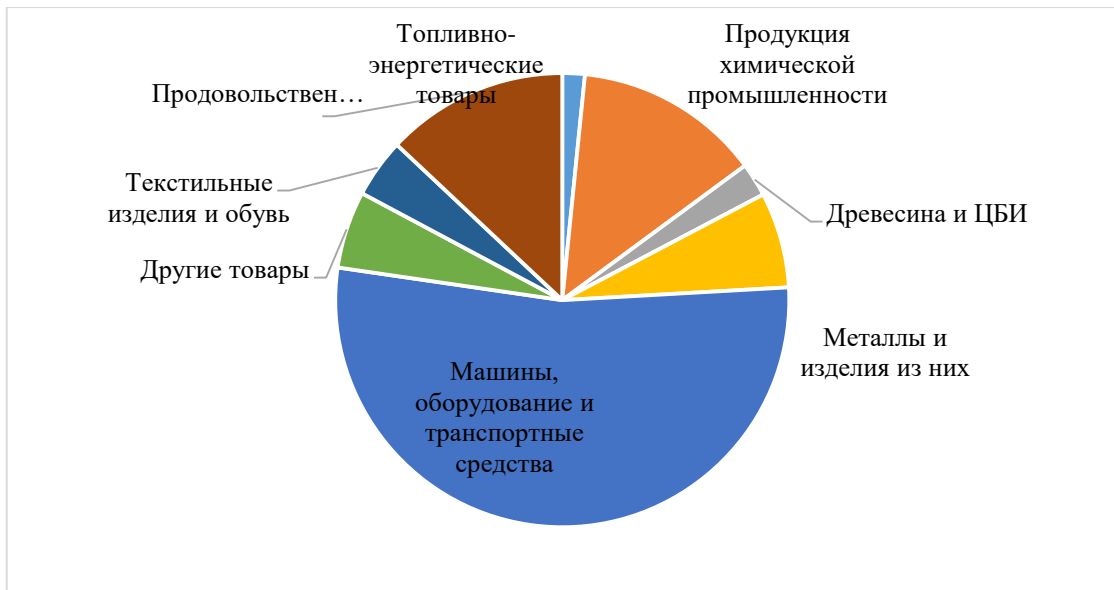

Рисунок 2.4 – Товарная структура импорта РФ в 2008 г., %¹⁰⁶

В 2009 г. произошло сокращение таможенных платежей в бюджетную систему как по ввозным, так и вывозным таможенным пошлинам (рисунок 2.5). По импортным операциям сокращение составило 817 млрд. руб. или 29,3 %, а по экспортным – 424,7 млрд. руб. или 24,3 %. При этом, уже к 2011 г. объем поступлений таможенных платежей в бюджетную систему превысил уровень 2008 г.

Следующим шоком, но уже институционального характера можно считать присоединение Российской Федерации к ВТО 16 декабря 2011 г. По итогам согласований Россия согласилась взять на себя обязательства по либерализации торгового режима и интеграции в мировую экономику. Законодательно был установлен средневзвешенный потолок ставок таможенных тарифов по всем видам продукции в размере 7,8 %, что на 2,2 % ниже уровня до присоединения к ВТО.

¹⁰⁶ Источник: составлено по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021)

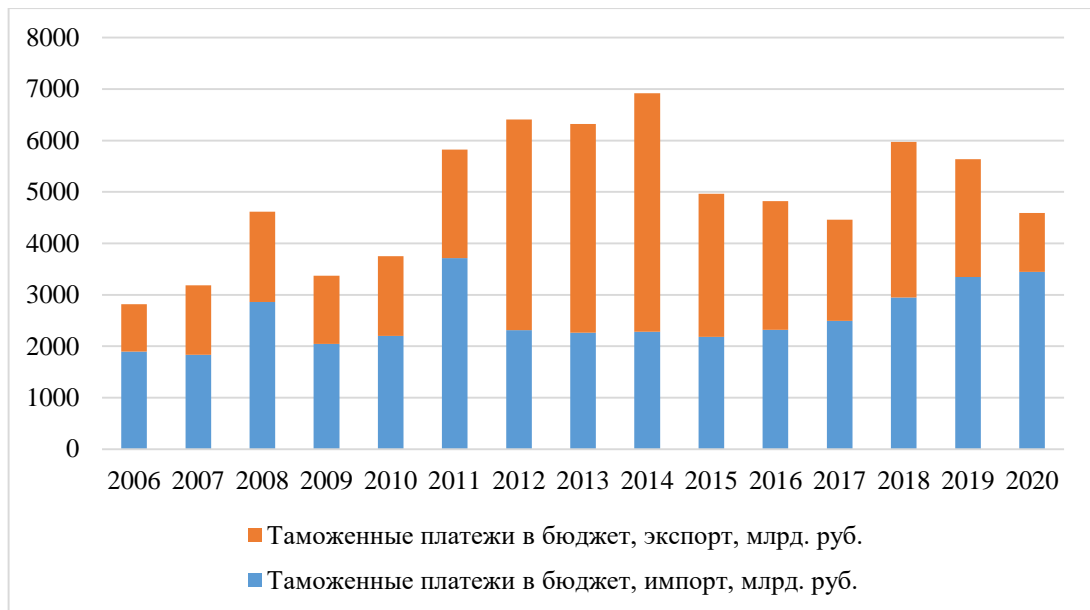

Рисунок 2.5 – Динамика и структура поступлений таможенных платежей в доходы федерального бюджета, млрд. руб.¹⁰⁷

Сокращение тарифов коснулось широкого спектра продукции (таблица 2.1). Максимальное снижение ставок затронуло продукцию из дерева и бумажную продукцию (5,4 %), сельскохозяйственную продукцию (5,1 % на продукцию из злаков, 4,9 % – на молочные продукты). Связанные ставки таможенных тарифов на хлопок и продукцию информационно-коммуникационного сектора были обнулены.

Механизм связанной ставки таможенного тарифа стал действовать для 34 % тарифных позиций, для около 30 % импортируемых товаров ставки снижались в течении трех лет до 2015 г. Особый режим был предоставлен для отдельных видов сельскохозяйственной продукции, были сохранены тарифные квоты для отдельных видов продукции животноводства, а импорт в установленных пределах облагался таможенными пошлинами ставки которых не превышали значения ставок прочих сельскохозяйственных товаров, объем импорта которых превышал установленные квоты.

¹⁰⁷ Источник: составлено по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL:<https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021)

Таблица 2.1 – Таможенные тарифы на отдельные товары до и после вступления России в ВТО, %¹⁰⁸

Товар	Значение тарифа		Изменение
	до вступления в ВТО	после вступления в ВТО	
Молоко и молочные продукты	19,8	14,9	-4,9
Продукты из злаков	15,1	10,0	-5,1
Растительное масло, жиры и масла	9,0	7,1	-1,9
Продукция химической отрасли	6,5	5,2	-1,3
Автомобили	15,5	12,0	-3,5
Электроника и электрооборудование	8,4	6,2	-2,2
Продукция деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности	13,4	8,0	-5,4

Вопрос целесообразности присоединения России к ВТО до сих пор является дискуссионным и более подробно оценка влияния присоединения Российской Федерации к ВТО на динамику ввозных таможенных пошлин в бюджетную систему будут детально рассмотрены в разделе 2.2 диссертационной работы.

Следующим проявлением внешних экзогенных шоков стал обвал цен на нефть в 2014 г. Как результат, в 2015 г. произошло сокращение таможенных пошлин по экспортным операциям с 4,64 трлн. руб. в 2014 г. до 2,78 трлн. руб. в 2015 г. и 2,50 трлн. руб. в 2016 г. (рисунок 2.6).

Также необходимо учитывать, что негативным фактором социально-экономического и политического развития страны в 2014 г. стало совмещение нескольких кризисов. Каждый, из которых привел к возникновению устойчивых трендов негативного характера, что резко усложнило принятие экономических и политических решений вследствие повышения волатильности и появлению новых экзогенных и эндогенных факторов, влияние которых практически не поддается точной оценке.

¹⁰⁸ Источник: составлено по WTO. Data [Электронный ресурс]. - URL: <https://timeseries.wto.org/> (дата обращения: 24.03.2021)

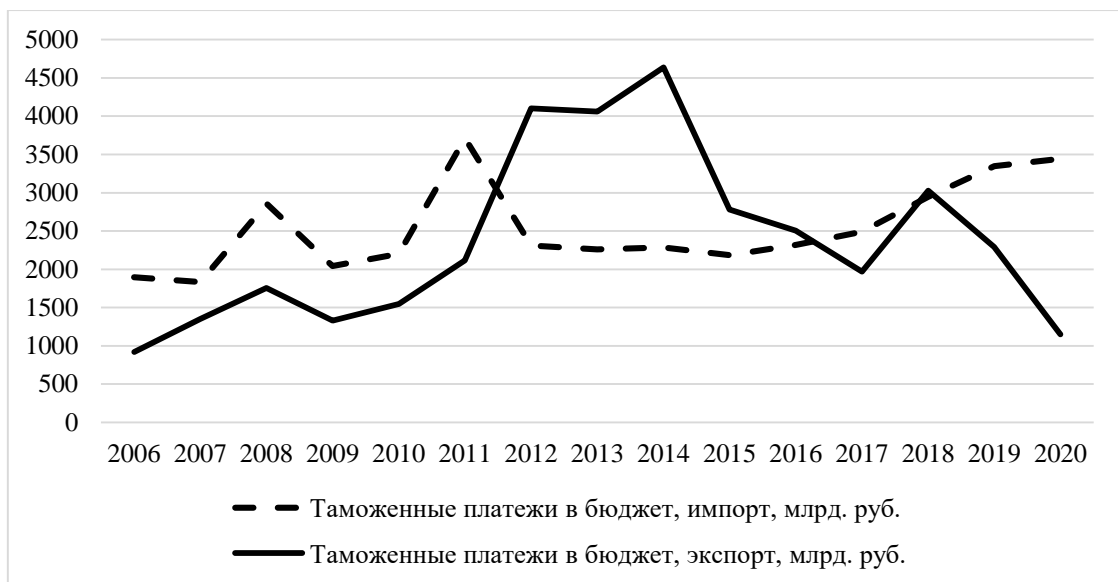

Рисунок 2.6 – Динамика поступлений таможенных платежей в доходы федерального бюджета, млрд. руб.¹⁰⁹

В этих условиях главную роль сыграли несколько разнонаправленных факторов, которые определили динамику таможенных поступлений в бюджетную систему в период 2014-2019 гг.:

- вступление в силу договора о создании ЕАЭС (позитивные факторы);
- девальвация национальной валюты и санкционные войны (разнонаправленное влияние);
- замедление экономического роста России и стагнация (негативное влияние).

Результатом введения санкций стало окончательное торможение внешнеторговой интеграции и привело к сокращению числа глобальных цепочек добавленной стоимости и, как итог, к сокращению внешнеторгового оборота и экономической стагнации в ряде отраслей. Косвенным итогом стал рост удельного веса экспорта между странами ЕАЭС в структуре внешней торговли. Аналогичная ситуация наблюдается и с импортом за исключением

¹⁰⁹ Источник: составлено по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL:<https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021)

Кыргызстана. Следует отметить, что за анализируемый период был зафиксирован не только посткризисный восстановительный рост, так как его темпы превысили в среднем 3,3 % по сравнению с 2014 г. Максимально экспортные потоки выросли в Кыргызстане и Армении, так как данные страны, в отличие от, например, России или Казахстана были не так вовлечены во внешнюю торговлю, поэтому создание ЕАЭС послужило для них главным стимулом развития внешнеторговых отношений.

Ретроспективный анализ внешнеторговых связей ЕАЭС в разрезе отраслей показал появление новых, более сложных связей между предприятиями, что также положительно повлияло на динамику экспорта и импорта государств-членов ЕАЭС¹¹⁰. Например, в период 2015-2019 гг. удельный вес минеральных продуктов в структуре внешней торговли стран ЕАЭС сократился на 4,8 % до 28,5%, а доля продукции металлургической промышленности, машин и оборудования возросла. В результате возникли новые цепочки добавленной стоимости, появились более тесные отношения в рамках кооперации. Максимальный рост, начиная с 2017 г. был зафиксирован в топливно-энергетическом комплексе (+33%), целлюлозно-бумажной промышленности (+16,2%), производстве машин и оборудования (+14,8%). Устойчивая положительная динамика также наблюдается и в агропромышленном комплексе, что преимущественно было связано с введением санкций и ответных контрсанкций и увеличением внешнеторговых потоков сельскохозяйственной продукцией в рамках замещения товаропотоков из западных стран. В соответствии с результатами, полученными Н.А. Волчковой, совокупный выигрыш импортеров из стран, не затронутых санкционной войной, составил более 75 млрд рублей, из которых около 40 % пришлось на долю Беларуси¹¹¹.

Положительным результатом продуктового эмбарго и введения

¹¹⁰ Внешняя и взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Pages/default.aspx (дата обращения: 11.05.2021).

¹¹¹ Волчкова Н.А., Кузнецова П.А. Сколько стоят контрсанкции: анализ благосостояния // Журнал НЭА, №3 (43), 2019, с. 173–183.

контрсанкций стал рост уровня продовольственной безопасности государств-членов ЕАЭС и, особенно, России. Экзогенные шоки неэкономического характера, такие как коронавирусная пандемия, в этих условиях показали рост резистентности стран-членов ЕАЭС к их негативному воздействию, а произошедшая трансформация структуры внешнеторговых потоков стала базовым фактором обеспечения устойчивого развития стран-членов ЕАЭС и укрепления их конкурентоспособности не только на внутренних, но и на внешних рынках.

Данные положительные тенденции, связанные с реализацией программы импортозамещения в агропромышленном комплексе находят свое отражение и в статистике внешней торговли. Так, в соответствии с отчетом ЕЭК по итогам 2019 г., динамика внешней торговли сельскохозяйственной продукцией внутри ЕАЭС составила около 9,5 млрд долл., по сравнению с 6,2 млрд долл. в 2015 г.¹¹² В итоге снизился уровень зависимости от импорта по критическим продовольственным товарам: самообеспеченность по мясу и мясным субпродуктам составила около 93 %, молоку и молочным продуктам – 92,8 %, сахару – 99,3 %. Это подтверждают выводы, полученные департаментом агропромышленной политики ЕЭК. По их данным к началу 2018 г. реализация политики импортозамещения в агропромышленном комплексе позволила сократить уровень зависимости от импортной продукции до 9,5 %.

Оценивая результативность интеграционных процессов как для государств-членов ЕАЭС, так и отраслевых комплексов следует отметить, что положительный эффект проявился уже в краткосрочном периоде. Экономические последствия кризиса 2014 г. были преодолены в полной мере, динамика внешней торговли внутри Союза имеет устойчивый тренд к росту, а уровень экономической безопасности достиг приемлемого уровня по большинству позиций. При этом также необходимо отметить, что данная

¹¹² Внешняя и взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Pages/default.aspx (дата обращения: 11.05.2021).

позитивная динамика также была обусловлена монетарными факторами, а именно, девальвацией рубля, а также факторами неэкономического характера, приведшими к переориентации части внешнеторговых потоков Российской Федерации от стран Европейского союза и США в направлении государств-членов ЕАЭС, Индию и Китай.

Рассматривая специфику функционирования наднациональных интеграционных объединений, в том числе и ЕАЭС, также необходимо отметить, что рост эффективности внешнеторговых отношений также связан и с сокращением административных процедур, упрощением процессов контроля и, самое главное, снижением количества нетарифных барьеров. А.Ю. Кнобель подтвердил, что для Армении пересмотр технических регламентов в сторону сокращения барьеров привел к росту ВВП страны на 0,45 %, а в долгосрочном горизонте выигрыш может составить свыше 11 % ВВП¹¹³. Для других стран-участниц ЕАЭС выигрыш также будет ощутимым: полное устранение административных барьеров приведет к росту ВВП Беларуси на 16 % ВВП; Казахстане – в пределах 1 % ВВП.

В целом данный период характеризуется тем, что обострились накопленные проблемы, которые можно охарактеризовать следующим образом:

– мировой финансовый кризис стал триггером, который привел к структурным изменениям не только в экономике, но и политике результатом чего стало появление новых внешнеэкономических доктрин, таких как «новый протекционизм» и усиление роли международных интеграционных объединений;

– в российской экономике была исчерпана модель экспортоориентированного сырьевого экономического роста и обострению дисбаланса потребительского спроса и роста доходов населения в противовес стагнации производительности труда с одновременным окончанием

¹¹³ Седалищев В.В., Чокаев Б.В., Кнобель А.Ю. Оценка эффектов интеграции ЕАЭС. 2017. 33 с.

долгосрочного цикла роста цен на нефтегазовые продукты российского экспорта;

- обострение геополитической обстановки в результате произошедших структурных сдвигов повысило значимость факторов неэкономического характера;

- санкционное давление на российскую экономику повысило значимость таможенно-тарифной политики как в контексте реализации фискальной, так и регулирующих функций;

- высокая волатильность на сырьевых рынках привела к снижению уровня устойчивости бюджетной системы и появлению тенденции переориентации доходной части консолидированного бюджета РФ в сторону ненефтегазовых доходов.

Вследствие этого, к 2016 г. произошло коренное изменение в структуре таможенных платежей в бюджетную систему (рисунок 2.7).

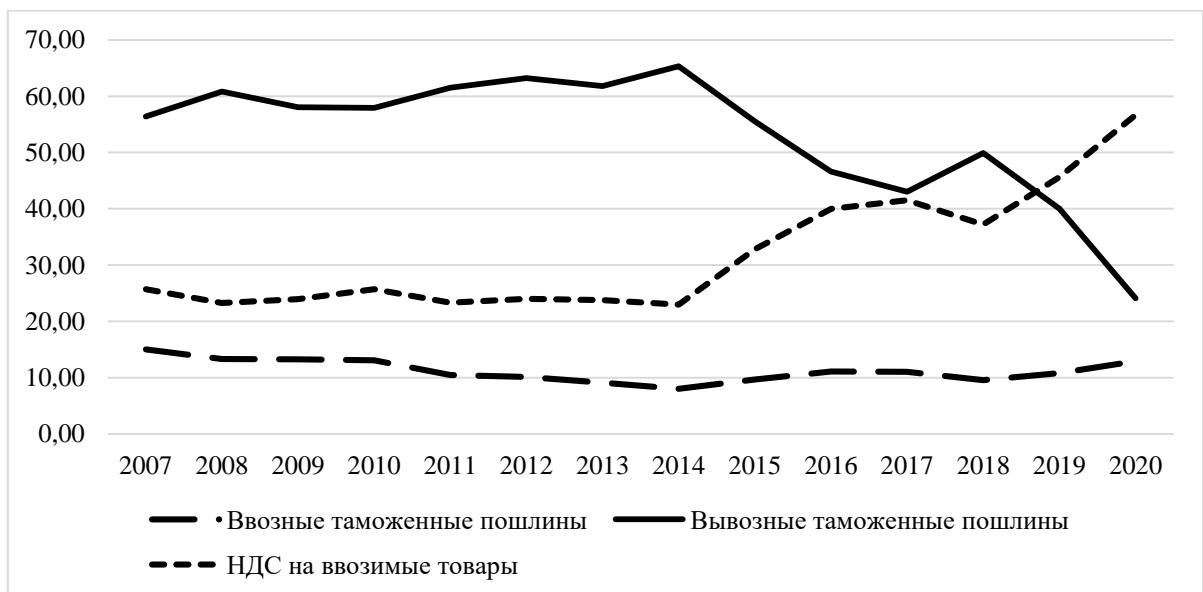

Рисунок 2.7 – Динамика структуры таможенных платежей в федеральный бюджет, %¹¹⁴

¹¹⁴ Источник составлено по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL:<https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021)

Если до 2014 г. доля вывозных таможенных пошлин колебалась на уровне 55-65 %, то начиная с 2016 г. удельный вес ввозных и вывозных таможенных пошлин сравнялся на уровне около 40 %, а начиная с 2017 г. доля вывозных таможенных пошлин начала резко снижаться. Причина этого заключается не только в снижении нефтяных котировок, но и проведении реформы налогообложения нефтяной отрасли, так называемого «налогового маневра». Данное изменение в нормативно-правовой базе также можно считать шоковым проявлением для доходов бюджетной системы и будет подробно рассмотрено в разделе 2.2 диссертационной работы.

Сочетание экзогенных (неэкономических) шоков с экономическим кризисом продолжилось в 2020 г., который коронавирусная пандемия сделала уникальным. Динамика внешнеторговых отношений замедлилась еще в конце 2018 г. а в III квартале 2019 г. рост сменился падением на 3,0%, который продолжился и в 2020 г. (рисунок 2.8).

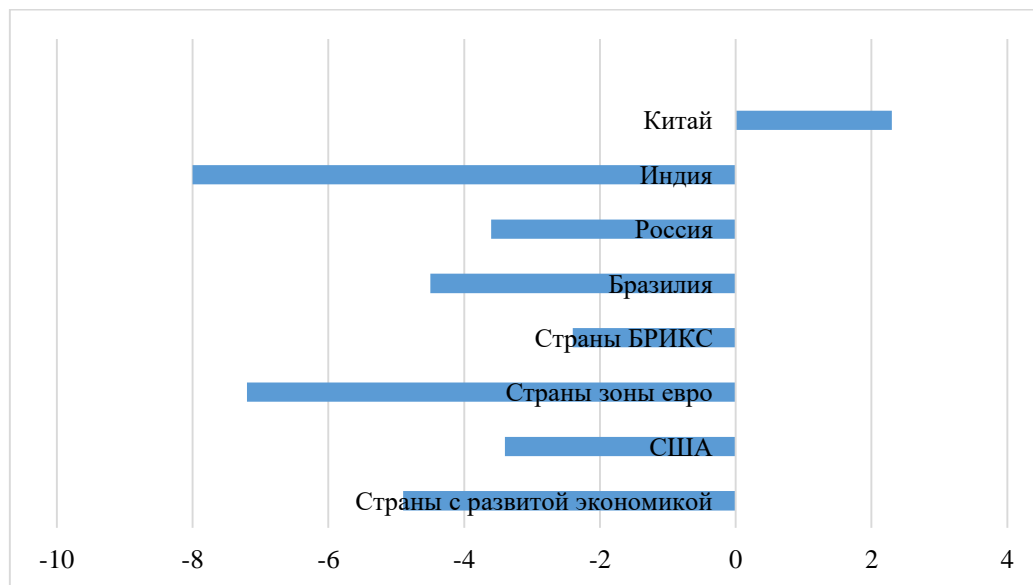

Рисунок 2.8 – Темпы прироста ВВП в 2020 г., % к 2019 г.¹¹⁵

В I квартале 2020 г. большинство государств ввели меры ограничительного характера различной степени с целью борьбы с

¹¹⁵ Источник: оставлено по Global Financial Stability Report // International Monetary Fund [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR> (дата обращения: 17.05.2021).

коронавирусной пандемией, что практически парализовало внешнюю торговлю и полностью нарушило все связи между субъектами внешнеэкономических отношений. Результатом этого стало то, что объем мировой во II квартале 2020 г. по отношению к первому сократился на 14,3 %, а в сравнении с 2019 г. падение составило 21%. Основной вклад в сокращение мировой торговли внесли страны Евросоюза (24,5 %), а также США и Канада (21,8 %). В странах Азиатско-Тихоокеанского региона сокращение внешней торговли было не таким значительным: экспорт упал всего на 6,1%, а импорт – на 7,1 %. В результате только в Китае наблюдался рост ВВП на 2,2 % по итогам 2020 г., в России падение составило 3,8 %, США – 3,6 %, в странах ЕС – 7,5 %.

Не могло это сказаться и на внешнеэкономической активности в российской экономике. Очередное резкое сокращение нефтяных котировок привело к тому, что внешнеторговый оборот снизился до 40,7 млрд долл., что на 30,7% меньше значения предыдущего года. Импорт товаров упал на 36% до 23,5 млрд долл., а в целом по итогам 2020 г. внешнеторговый оборот упал по сравнению с 2019 г. на 15,3% до 571,5 млрд долл. Российский экспорт также сократился, но следует отметить, что основной причиной этого стало падение цен на основные позиции российского экспорта. Так, по данным ФТС, в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом объем всего экспорта в денежном выражении снизился на 20,7%, тогда как объем экспорта в натуральном выражении упал всего на 2,1%. При этом динамика несырьевого экспорта показала рост более чем на 2 %, как в физических, так и стоимостных характеристиках.

Таким образом, результаты анализа специфики влияния внешних и внутренних шоков на динамику таможенных поступлений и устойчивость бюджетной системы показали многофакторный характер этого влияния, что связано с природой возникновения кризисных явлений, их масштабом, и как следствие, силой воздействия. В соответствии с этим, нами предложена следующая классификация шоков по источникам возникновения и характеру

воздействия (таблица 2.2):

- внешнего экономического (высокая волатильность нефтяных котировок на мировых рынках);
- внешнего неэкономического (геополитические факторы, санкционное давление и антисанкции);
- внутреннего экономического (стимулирование нефтепереработки);
- внутреннего неэкономического (создание ЕАЭС).

Таблица 2.2 – Группировка шоков по природе их возникновения и их влияния на устойчивость федерального бюджета ¹¹⁶

Источник	Экзогенные	Эндогенные
Характер		
Экономические	1. Мировой финансовый кризис 2008 г. 2. Аномальная волатильность мировых цена на энергоресурсы	3. Девальвация национальной валюты в 2008 г. и 2014 г. 4. Реформирование налогообложения нефтяной отрасли
Неэкономические	5. Введение санкций в отношении РФ 6. Пандемия коронавируса	7. Вступление РФ в ВТО 8. Создание ЕАЭС

Разнонаправленный характер влияния шоков связан с причинами и особенностями их возникновения. При этом необходимо учитывать, что они часто накладываются друг на друга, что приводит к мультиплицирующему эффекту (рисунок 2.9).

Например, введение в 2014 г. экономических санкций в отношении РФ и обвал нефтяных стали основными причинами девальвации рубля. Как результат, к 2016 г. поступления экспортных таможенных пошлин по отношению к пиковому 2014 г. сократились более чем в два раза с 4,64 трлн. руб. до 2,05 трлн. руб. в 2016 г. Следует отметить, что влияние шоков не всегда бывает негативным, как в случае с ростом мировых цен на энергоресурсы в 2011-2013 гг. Воздействие других на устойчивое развитие бюджетной системы не так однозначно.

¹¹⁶ Источник: разработано автором

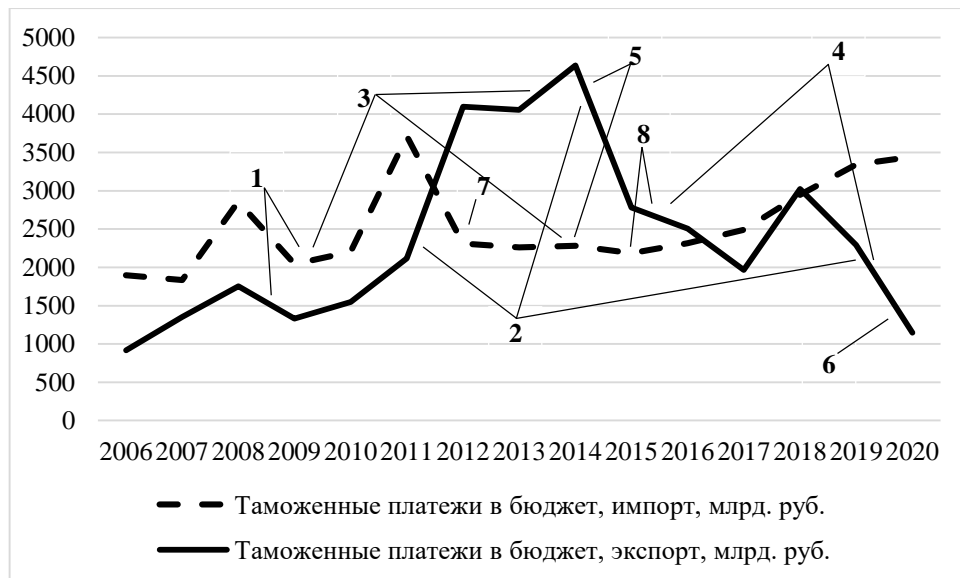

Рисунок 2.9 – Влияние шоков на динамику поступлений таможенных платежей в доходы федерального бюджета, млрд. руб.¹¹⁷

Начало реформирования налогообложения нефтяной отрасли в 2015 г., одной из причин которой стало создание ЕАЭС, привело к снижению фискальной роли экспортных таможенных пошлин в пользу налога на добычу полезных ископаемых, налога на прибыль и налога на дополнительный доход, введенного в 2019 г. В результате это не привело к снижению доходов бюджетной системы, а если учесть тот факт, что новая система налогообложения нефтяной отрасли не так сильно зависит от мировых цен на нефть, то устойчивость бюджетной системы даже вырастет.

¹¹⁷ Источник: разработано автором по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021)

2.2 Оценка структуры российского экспорта и ее воздействия на доходную часть федерального бюджета

Анализ влияния экзогенных и эндогенных шоков экономического и институционального характера показал, что в первую очередь им подвержены основные статьи российского экспорта, а именно, топливно-энергетические ресурсы. При этом в структуре внешнеторгового баланса России их роль трудно переоценить, поэтому необходим более детальный анализ российского экспорта, так как достижение траекторий устойчивого развития бюджетной системы в долгосрочной перспективе требует снижения зависимости от нефтегазовых доходов, а в краткосрочной – поиска демпфирующих инструментов, минимизирующих негативное влияние от снижения объемов экспорта топливно-энергетических ресурсов.

В современных условиях основными дестабилизирующими факторами экспортного сектора российской экономики продолжают оставаться:

- высокий уровень корреляции между динамикой цен на энергоносители на глобальных рынках и доходами бюджетной системы¹¹⁸;
- низкий уровень конкурентоспособности отечественной промышленности на глобальных рынках с высокой добавленной стоимостью, что снижает эффективность внешнеторговой политики¹¹⁹;
- высокий уровень макроэкономической волатильности делает практически невозможным реализацию программ долгосрочного развития¹²⁰.

В этой связи необходимо детально рассмотреть внешнеэкономическую политику в отношении экспорта продукции топливно-энергетического комплекса и ее влияния на устойчивое функционирование бюджетной системы.

Динамика экспорта в РФ и ставок вывозных таможенных пошлин

¹¹⁸ Турдыева Н. Воздействие шоков условий торговли на российскую экономику // Деньги и кредит. 2020. № 2. С. 43-69.

¹¹⁹ Гринберг Р.С. Контуры новой экономической политики в условиях глобальных трансформаций // Научные труды ВЭО России: Пленарное заседание МАЭФ-2019, с. 133-139.

¹²⁰ Лапкин В.В. В преддверии сингулярности: перспективы трансформации мирового порядка // История и современность. 2017, №1, с. 52-78.

начиная с 2007 г., как видно из рисунка 2.10, является разнонаправленной.

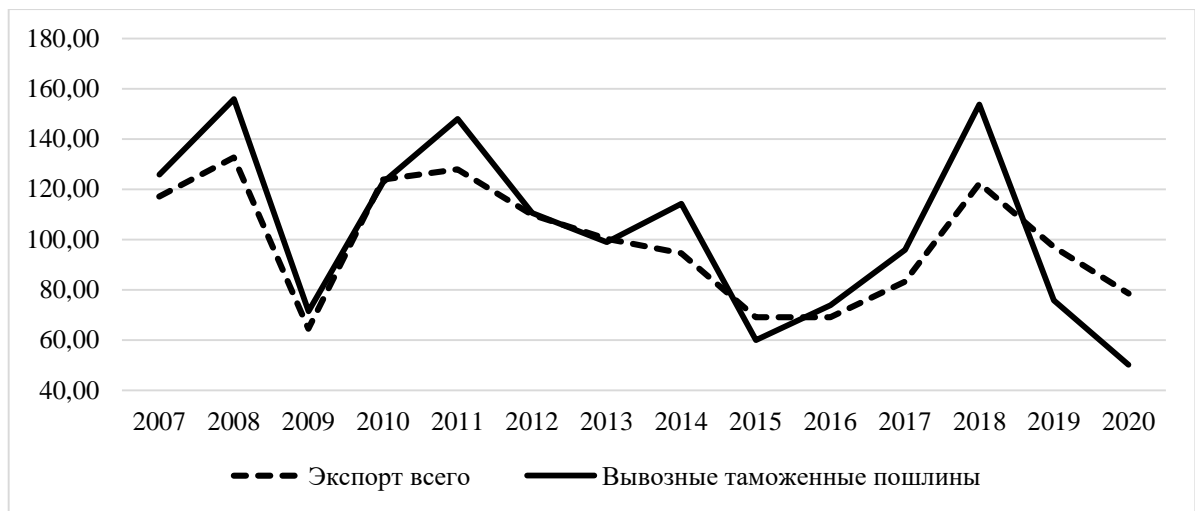

Рисунок 2.10 – Темпы роста показателей, характеризующих объем экспорта и доходы федерального бюджета от поступлений экспортных пошлин, %¹²¹

Если в 2008 г. объемы экспорта и вывозных пошлин по сравнению с 2007 г. выросли соответственно на 15,7 % и 26,8 %, то уже в 2009 г. произошло снижение на 54,5 % по экспорту и почти в два раза по вывозным пошлинам. Рост 2010-2011 г. также в дальнейшем сменился четырехлетним спадом, а в 2018 г. темпы роста соответствовали максимальному уровню 2008 г. Очевидно, что такая высокая волатильность оказывает отрицательное влияние на устойчивость функционирования бюджетной системы, поэтому необходимо установить причины такой разнонаправленной динамики и оценить ее влияние на бюджетную систему.

Как видно из построенной регрессионной модели (таблица 2.3), динамика поступлений от вывозных таможенных пошлин и объемов экспорта тесно коррелирует друг с другом, т.е. несмотря, на факторы неэкономического характера во внешнеторговой политике РФ, особенно после 2014 г. таможенно-тарифная политика стала играть важную роль и остается основой формирования национальной внешнеторговой политики.

¹²¹ Источник: составлено по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021)

Таблица 2.3 – Результаты моделирования влияния ставок экспортных таможенных пошлин на объем экспорта¹²²

Показатель	Модель	Свободный член	Вывозные пошлины
R	0,9060		
R ²	0,8209		
Нормированный R ²	0,8060		
Стандартная ошибка	10,3988		
Наблюдения	14		
Значимость F	0,0000		
В-коэффициенты		35,3517	0,6142
P-Значение по t-статистике		0,0210	0,0000

Значение коэффициента детерминации равное 0,82, демонстрирует, что ставки экспортных пошлин объясняют 82 % изменения объемов экспорта. По F-критерию Фишера полученное уравнение регрессии статистически значимо, по t-статистике Стьюдента параметры уравнения также значимы.

Предыдущие реформы таможенно-тарифной политики, которые получили название «налоговых маневров» в основном представляли собой снижение ставок экспортных пошлин и компенсации выпадающих доходов бюджета за счет роста других налогов (таблица 2.4). При этом следует отметить, что основной целью была не фискальная, а связанная с необходимостью модернизации нефтяной отрасли и нефтепереработки¹²³. Разница ставок экспортных пошлин на нефть и нефтепродукты привела к возникновению так называемой «таможенной субсидии» которая должна была стимулировать отечественные нефтеперерабатывающие заводы к более глубокой переработке нефти. Начиная с 2000 г. объем переработки нефти в стране увеличился на 73%, а удельный вес нефтепродуктов в экспорте вырос до 61% в 2014 г. Негативной стороной этого является то, что потери бюджета от предоставления таможенной субсидии составили около 150 млрд долл.

¹²² Источник: расчеты автора

¹²³ Гомон И.В., Скаблова К.В. Анализ поступлений таможенных платежей в федеральный бюджет от экспорта нефти и нефтепродуктов // Colloquium-journal. 2019. № 8-8 (32). С. 65-66.

Таблица 2.4 – Этапы налогового маневра¹²⁴

Период	Название	Содержание маневра
1995-1996 гг.	первый	Снижение ставок экспортных таможенных пошлин на нефть с одновременным увеличением акцизов
2011 г.	60-66-90-100	Снижение расчетного коэффициента до 60%, ставок таможенных пошлин на все виды нефтепродуктов до 66%, на бензин – 90% от величины пошлины на сырую нефть.
2013 г.	малый налоговый маневр	Изменение ставок НДС и экспортных пошлин с возможной их пролонгацией с целью унификации ставок на нефть и нефтепродукты.
2014 г.	большой налоговый маневр	Минимизация экспортных ставок таможенных пошлин на нефть с одновременным возмещением выпадающих доходов экспортеров на внутреннем рынке и снижением ставок акцизов, увеличение ставок НДС для компенсации выпадающих доходов бюджета.

Особую роль играет большой (четвертый) налоговый маневр, начало которого в 2015 г. совпало с созданием ЕАЭС. Его реализация во многом была вынужденной, так как Россия хотела минимизировать потенциальные потери от более тесной интеграции за счет снижения ставок экспортных пошлин до уровня Казахстана¹²⁵. Это позволило исключить так называемую «плату за дружбу» и снизить риски возникновения дополнительных бюджетных потерь. Также в очередной раз были повышены ставки НДС для компенсации выпадающих доходов и была изменена акцизная политика, хотя снижения ставок в этот раз не было (таблица 2.5).

Отдельно следует остановиться на механизме корректировки ставок экспортных таможенных пошлин, который получил название «ножницы Кудрина». Механизм его действия следующий. С лагом в 1,5 месяца с учетом фактических нефтяных котировок в случае их увеличения бюджет теряет доходы, а нефтяные компании оказываются в выигрыше и наоборот – снижение нефтяных котировок приводит к тому, что нефтяные компании должны уплачивать таможенные платежи по более высоким ставкам, т.е.

¹²⁴ Источник: составлено по Vygon consulting Основные направления налоговой реформы нефтяной отрасли [Электронный ресурс]. – URL: https://vygon.consulting/upload/iblock/0b6/vygon_consulting_tax_reform_2020.pdf (дата обращения: 11.03.2021).

¹²⁵ Гринкевич Л.С. Налоговый маневр в нефтегазовом секторе: как система налогообложения добычи полезных ископаемых нужна России? // Сибирская финансовая школа. 2017. № 4 (123). С. 60–66.

бюджет оказывается в выигрыше.

Таблица 2.5 – Развитие системы налогообложения нефтяной отрасли¹²⁶

Период	Изменения и нововведения в налогообложении
2002 г.	Введение НДС и экспортных пошлин для нефти сорта Urals
2007 г.	Льготы по НДС для выработанных месторождения и сверхвязкой нефти
2009 г.	Льготы по экспортным пошлинам для месторождений Восточной Сибири
2010 г.	Расширение таможенных пошлин по НДС
2012 г.	Введение льгот для малых месторождений
2013 г.	Введение льгот для шельфовых месторождений
2014 г.	Введение особой формулы для расчета экспортной пошлины на нефть. Начало «большого нефтяного маневра»
2016 г.	Фиксация таможенных пошлин
2017 г.	Введение корректирующего коэффициента
2018 г.	Введение налогового вычета по НДС
2019 г.	Введение налога на добавленный доход (НДД)

Несмотря на все эти изменения, мы считаем, что таможенно-тарифная политики в нефтяной отрасли движется в правильном направлении. Об этом, в частности, свидетельствует введение с 2019 г. налога на добавленный доход. Это позволит в долгосрочной перспективе повысить устойчивость бюджетной системы, так как отход от системы налогообложения экспорта нефти и нефтепродуктов на основе экспортных пошлин позволит убрать таможенную субсидию, нормализовать отношения в этой сфере с государствами-членами ЕАЭС, а также более равномерно распределить уровень налоговой нагрузки вне зависимости от того идет продукция отрасли на экспорт или нет. Аргументируем нашу позицию более детально.

Актуальность и необходимость этой реформы подтверждается тем, что льготирование нефтедобычи с каждым годом использовалось все активнее. Уже к 2018 г. объем нефти, добыча которой подпадала под льготы составила около 274 млн т, или 54% от общей добычи в стране, а размер льгот к 2020 г.

¹²⁶ Источник: составлено по Vygon consulting Основные направления налоговой реформы нефтяной отрасли [Электронный ресурс]. – URL: https://vygon.consulting/upload/iblock/0b6/vygon_consulting_tax_reform_2020.pdf (дата обращения: 11.03.2021).

превысил 750 млрд руб. (рисунок 2.11).

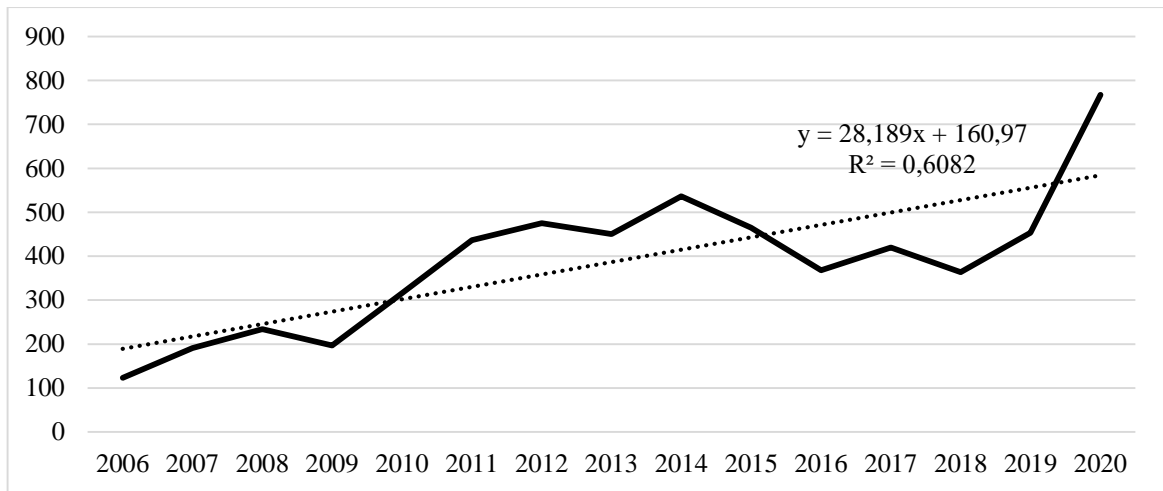

Рисунок 2.11 – Динамика предоставления льгот по таможенным платежам, млрд руб.¹²⁷

Не менее важной проблемой является отсутствие общепринятой системы оценки эффективности льгот, которые предоставляет государство. В последней редакции «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики»¹²⁸ все виды налоговых льгот вне зависимости от механизмов их предоставления, рассматриваются как налоговые расходы и представляют собой упущенный доход. Его размер определяется как разница между потенциальной суммой налогов, которая поступила бы в бюджетную систему в случае отсутствия налоговых льгот и их применения с учетом стимулирующего эффекта.

Появление единого таможенного союза привело к тому, что нефть и нефтепродукты поставляются в государствам-членам Россией беспошлинно. Как результат, Белоруссия при внутреннем потреблении в объеме около 7,5 млн. тонн перерабатывает более 20 млн. тонн, т.е. более 13 млн. тонн поставляется Белоруссией на экспорт. То есть российский бюджет

¹²⁷ Источник: расчеты автора по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL:<https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-gossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021)

¹²⁸ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов https://minfin.gov.ru/ru/statistics/docs/budpol_taxpol/

недополучал таможенные пошлины от белорусского экспорта, а также терял в разнице между экспортными пошлинами на нефть и нефтепродукты, поставляемыми на внутренний рынок Беларуси. В целом потери российского бюджета, по данным экспертов колебались в 2013-2018 гг. от 7,2 до 9,4 млрд. долл. ежегодно.

Коронавирусная эпидемия также подтвердила, что переход на НДС повысит устойчивость российского бюджета в условиях роста волатильности на мировых рынках. Резкий обвал цен на нефть до 16 долл. и даже отрицательная цена на фьючерсы в краткосрочном периоде из-за коронавирусной пандемии и провала сделки ОПЕК+ привели к сокращению нефтегазовых доходов российского бюджета на 40,0% с 8,24 трлн. руб. до 4,95 трлн. руб. И именно сокращение поступлений от экспортных таможенных пошлин стало максимальным (падение составило более чем 60 %). Почти на 50 % снизились доходы бюджета от вывозных таможенных пошлин и НДС на углеводородное сырье, а доля нефтегазовых доходов в структуре налоговых поступлений в консолидированный бюджет России по итогам 2020 г. снизилась на 14,5 % до 26,4%. Результатом этого стало то, что дефицит федерального бюджета превысил 4 трлн руб. (3,8% ВВП).

Таким образом, очередной экзогенный шок показал высокую зависимость российской экономики от внешнеэкономической конъюнктуры и необходимость диверсификации национальной экономики в целом и внешнеэкономических связей в частности.

Индикаторы, характеризующие экономическую сложность внешней торговли демонстрируют не только уровень инновационного потенциала стран, но и позволяет оценить уровень их конкурентоспособности и диверсификации экспорта¹²⁹. Также данный показатель может косвенно свидетельствовать об устойчивости экономики, так как именно высокий уровень диверсификации позволяет компенсировать высокую волатильность

¹²⁹Боброва В.В., Рожкова Ю.В., Попов В.В. Государственное регулирование внешнеторговой деятельности [Текст]: учебное пособие. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ, 2017. – 156 с.

на одних товарных рынках за счет других.

Оценить уровень взаимосвязи при производстве товаров со стопроцентной точностью практически невозможно, так как для этого необходимо отследить все технологические производственные цепочки, количество которых экспоненциально растет с ростом добавленной стоимости продукции. Поэтому для вычисления данных связей используется более формальный и простой подход, который позволяет вычислить соответствие схожих по возможностям товаров друг с другом.

Экономическая сложность – это показатель знаний в обществе, которые воплощаются в производимые им продукты¹³⁰. Страна считается «сложной», если она экспортирует не только очень сложные продукты (определяемые Индексом сложности продукта), но также большое количество различных продуктов. Например, неоднородность экономик Германии и Южной Африки выходит за рамки различий в площади, численности населения или политике. Экономика Южной Африки имеет различные ресурсы (производственный потенциал), которые могут быть использованы для производства различных видов продукции по сравнению с Германией.

Однако измерить такие разные и сложные производственные возможности сложно. В соответствии с гарвардской методикой используется показатель, называемый «Индексом экономической сложности», который пытается косвенно измерить возможности, рассматривая ассортимент товаров, экспортируемых странами. Предполагается, что производственные возможности определяют количество и качество продукции, которую страна может экспортировать; поэтому экспортные пакеты говорят нам кое-что о базовых производственных возможностях. Математически это можно представить для случая двух экспортируемых товаров p и p' следующим образом:

¹³⁰ Kim D. H., Lin S. C., Suen Y. B. Are financial development and trade openness complements or substitutes? //Southern Economic Journal. - 2010. - Т. 76. - №. 3. - С. 827-845.

$$\text{Prob}_{p,p'} = \frac{\sum c M_{cp} M_{cp'}}{\max(k_p, k_{p',0})}. \quad (2.1)$$

По данному критерию графически можно представить внешнеторговую деятельность отдельных стран или категорий товаров, например, товарная структура экспорта для РФ изображена на рисунке 2.12.

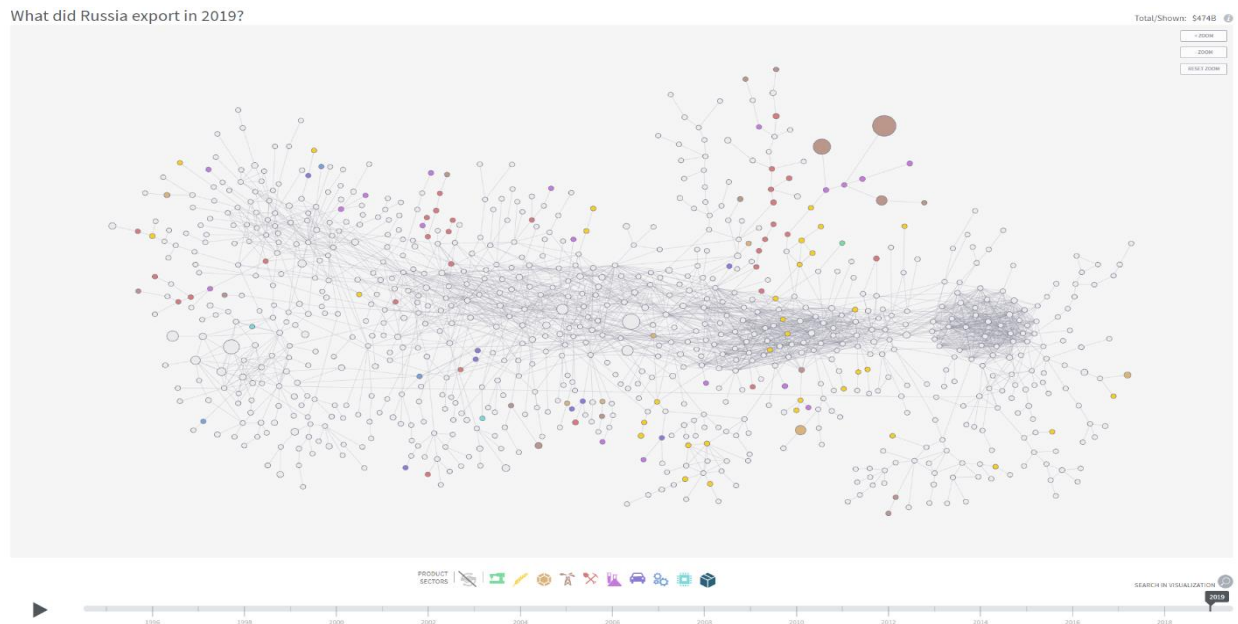

Рисунок 2.12 – Визуализация экспортного товарного пространства РФ по итогам 2019 г.¹³¹

Для России характерен перекоп в сторону экспорта топливно-энергетических ресурсов, которые находятся на «периферии», поэтому высокая ценовая волатильность на рынках нефти и газа оказывает сильное воздействие на динамику всего российского экспорта и, как следствие, на поступления экспортных пошлин в бюджетную систему.

Интерпретацию тенденций экономического развития и роста как обеспечение экономической сложности можно представить следующим образом. Сложность количественно определяется структурой двусторонней сети, которая соединяет страны с продуктами, которые они экспортируют

¹³¹ Источник: составлено по Trade statistics for international business development [Электронный ресурс]. URL: https://www.trademap.org/Product_SelProductCountry_Graph.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c2 (дата обращения: 21.04.2021).

(двусторонняя сеть страна/продукт является частью трехсторонней сети страна/возможности/продукт). Эта двусторонняя сеть является основой для определения двух индексов сложности продукта и страны. Они основаны на итеративном и совместном расчете повсеместности продукта и диверсификации страны. Уровень экономической сложности каждой страны стимулирует разработку продуктов, которые могут быть экспортированы в будущем. Другими словами, будущие продукты, способные стимулировать и поддерживать последующий рост, зависят от существующих возможностей страны. Ключевым показателем здесь будет «дистанция», определяемая по следующей формуле:

$$D_p = \frac{\sum p_1(1-M_{cp})(Prob_{p,p_1})}{\sum p_1 Prob_{p,p_1}}. \quad (2.2)$$

Производственная структура страны основывается на двух процессах, связанных с поиском новых продуктов в форме до сих пор неисследованных комбинаций уже существующих возможностей, и исследованием, накоплением и сочетанием новых возможностей и ранее существовавших возможностей стран. Следовательно, производственная структура страны вращается вокруг текущего продуктового пространства. Кроме того, производительность страны зависит от разнообразия неторгуемых возможностей. Только страны с хорошим производственным потенциалом (т.е. диверсифицированные страны) способны разрабатывать более сложные продукты. Таким образом, экономическая сложность объясняет разрыв в доходах между странами и предсказывает сложность будущего экспорта страны и будущего роста. Поэтому для случая двух стран, схожих по уровню экономического потенциала, большей международной конкурентоспособностью будет обладать страна, обладающая более диверсифицированным экспортом:

$$OV_c = \sum_p (1 - D_{cp})(1 - M_{cp})PCI_p. \quad (2.3)$$

Основное преимущество структуры экономической сложности перед структурой продуктового пространства заключается в трехсторонней сети,

связывающей страны, продукты и возможности. С одной стороны, продукты не идентичны: они не требуют одинакового набора возможностей, институтов или производственных структур, а также различаются количеством стран, которые успешно экспортируют их. С другой стороны, страны не идут по одному и тому же пути экономического развития: у них разная способность производить и экспортировать более или менее сложные товары.

Некоторые исследователи предложили диверсификацию экспорта в качестве стратегии смягчения последствий нестабильности производства, связанной с внешними потрясениями.¹³² Влияние открытости на волатильность зависит от степени диверсификации экспортной корзины страны.¹³³ Фокусируясь на внешних источниках волатильности и уделяя особое внимание тому, по-разному ли диверсификация влияет на развитые и развивающиеся экономики были получены оценки различий между продуктовой и географической диверсификацией и считают, что для стран с низким уровнем дохода дифференциация продуктов (концентрация экспорта в товарной корзине) играет важную роль в нестабильности доходов. Для более богатых стран диверсификация продукции играет меньшую роль, в то время как географическая диверсификация (уровень диверсификации их экспортных рынков) играет более значительную роль в определении волатильности доходов.

Детерминирование индекса экономической сложности (*PCI*) в разрезе отдельных категорий товаров предполагает расчет матрицы конкурентных преимуществ M_{cp} :¹³⁴

$$M_{cp} = \begin{cases} 1, & RCA_{cp} \geq 1 \\ 0, & \text{иначе} \end{cases} \quad (2.4)$$

¹³² Иванова, С.А. Анализ внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в условиях неопределенности // *Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн.* 2016. № 2 (23). URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2894>

¹³³ Любимов И.Л., Гвоздева М.А., Казакова М.В., Нестерова К.В. Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // *Журнал Новой экономической ассоциации.* 2017. № 2 (34). С. 94-122.

¹³⁴ Hidalgo C.A., Hausmann R. The building blocks of economic complexity // *Proceedings of the National Academy of Sciences.* 2009. № 106(26). Pp. 10570-10575.

где c – это страна, экспортирующая товар, входящий в группу p .

На основе данной матрицы можно оценить уровень диверсификации (Div) и распространенности (Ub):

$$Div = k_{c,0} = \sum p M_{cp}. \quad (2.5)$$

$$Ub = k_{p,0} = \sum c M_{cp}. \quad (2.6)$$

Более детальная оценка уровня диверсификации и сложности экспорта требует построения следующих уравнений:

$$k_{c,N} = \frac{1}{k_{c,0}} \sum p M_{cp} * k_{p,N-1}, \quad (2.7)$$

$$k_{p,N} = \frac{1}{k_{p,0}} \sum c M_{cp} * k_{c,N-1}. \quad (2.8)$$

С учетом этого далее необходимо найти минимальное значение дисперсии для всей матрицы, включающей группы экспортируемых товаров, которое и будет представлять значение показателя экономической сложности экспорта в целом для страны (ECI).

$$ECI = \frac{\vec{K} - \langle \vec{K} \rangle}{stdev(\vec{K})}, \quad (2.9)$$

где \vec{K} – максимальное значение матрицы экспортируемых товаров, уменьшенное на единицу;

$\langle \vec{K} \rangle$ – среднеарифметическое для выбранных групп экспортируемых товаров;

$stdev(\vec{K})$ – стандартное отклонение.

На основе данной методики рассчитывается атлас экономической сложности, разработанный Harvard Growth Lab¹³⁵, который представляет эффективный инструмент для проведения исследований и визуализации данных в разрезе стран.

Начиная с момента опубликования рейтинга в 1995 г. первое место занимает Япония. Следует отметить высокие показатели индекса сложности экспорта стран Восточной Европы (Чехия, Словения и Венгрия) и стран Юго-

¹³⁵ Атлас экономической сложности <https://atlas.cid.harvard.edu/>

Восточной Азии, которые значительно улучшили свои показатели за последние годы. Среди стран ЕАЭС выше всех расположена Белоруссия (31 место), которая за последние десять лет потеряла шесть позиций. Россия расположилась на 52 месте и поднялась за пять лет на 10 позиций. Наихудшую динамику демонстрирует Армения, которая потеряла 25 позиций, а Казахстан, несмотря на рост на 19 мест, занимает последнее 78 место среди стран ЕАЭС (таблица 2.6).

Таблица 2.6– Индекс сложности экспорта в разрезе стран по данным 2019 г., ед.¹³⁶

№	Страна	Индекс экономической сложности	Изменение	
			2014-2019 гг.	2009-2019 гг.
1	Япония	2,49	–	–
2	Швейцария	2,13	+1	+1
3	Германия	2,07	-1	-2
4	Южная Корея	2,05	–	+8
5	Сингапур	2,00	+2	-1
6	Чехия	1,80	–	+2
7	Австрия	1,77	-2	+1
8	Швеция	1,75	–	-3
9	Словения	1,64	+3	+3
10	Венгрия	1,63	-1	+5
11	США	1,55	–	+1
31	Белоруссия	0,83	-1	-6
52	Россия	0,12	+10	+10
66	Кыргызстан	-0,04	+1	+1
76	Армения	-0,27	-6	-25
78	Казахстан	-0,32	+6	+19

При этом необходимо отметить, что в 2000 г. по индексу сложности экспорта Россия занимала 28 место, после чего рост нефтяных котировок и увеличение экспорта продукции ТЭК привело к тому, что к 2010 г. Россия опустилась на 55 место и ее позиция практически не менялась последние десять лет (рисунок 2.13). Наиболее стабильным является структура экспорта Белоруссии, тогда как Казахстан продемонстрировал наиболее негативную

¹³⁶ Источник: составлено по Country & Product Complexity Rankings [Электронный ресурс]. – URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (дата обращения: 19.04.2021)

динамику. Более подробно динамика индекса сложности экспорта стран ЕАЭС представлена в приложении А.

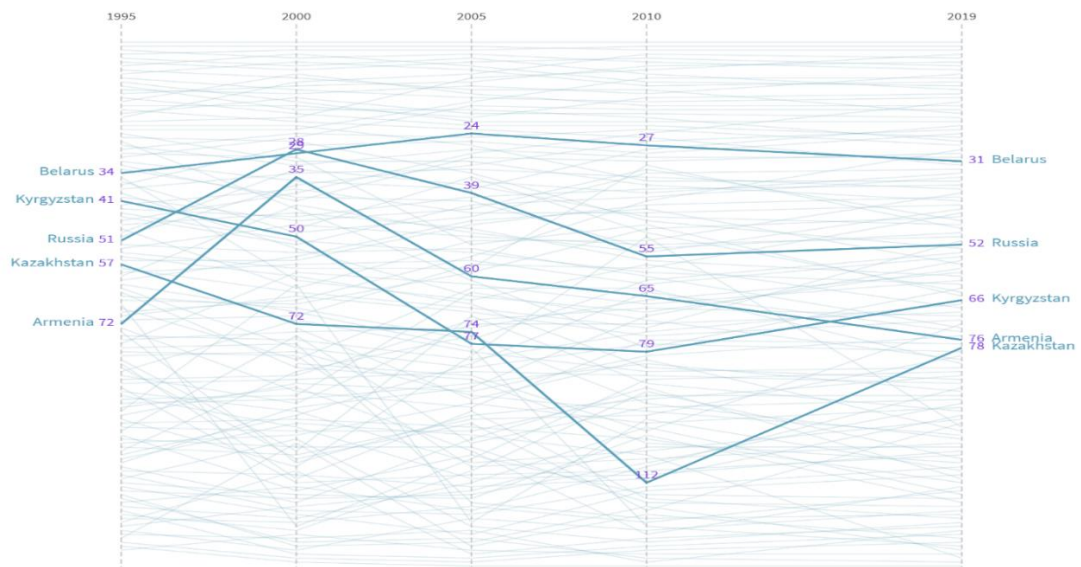

Рисунок 2.13 – Динамика индекса сложности экспорта стран ЕАЭС¹³⁷

Таким образом, результаты проведенного анализа показали, что внешние и внутренние шоки, прежде всего, экономические кризисы, усиление санкционного давления на Россию, а также падение нефтяных котировок внесли определенные коррективы в функционирование экономики страны и оказали масштабное негативное воздействие на устойчивое развитие бюджетной системы за счет роста волатильности экспортных доходов. Создание ЕАЭС частично нивелировало негативный эффект от санкционного давления, так как позволило начать реализовывать внешнеторговую политику за счет использования инструментов в рамках «нового протекционизма». Однако появившиеся возможности в рамках интеграционного объединения не так однозначны, что, например, потребовало изменений в таможенно-тарифной политике в отношении топливно-энергетических ресурсов.

Еще одним трендом, который необходимо учитывать, стало усиление

¹³⁷ Источник: составлено по Country & Product Complexity Rankings [Электронный ресурс]. – URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (дата обращения: 19.04.2021)

классических протекционистских мер для нейтрализации шоковых воздействий, вызванных коронавирусной пандемией. Его последствия уже привели к резкому сокращению оборота внешней торговли, привели к разрыву глобальных цепочек добавленной стоимости и актуализировали задачу по повышению уровня устойчивого развития национальных экономик и финансовых систем государства. Все это также создает объективную необходимость в необходимости формирования и реализации стратегий устойчивого социально-экономического развития стран в целом и бюджетной системы в частности.

2.3 Трансформация таможенно-тарифной политики в результате вступления России в ЕАЭС

В нестабильных и практически непрогнозируемых условиях развития внешнеторговых отношений и ситуаций на глобальных рынках все более актуальной становится проблема адаптации действующих и поиска новых инструментов таможенно-тарифного регулирования, позволяющих с одной стороны повысить эффективность внешнеэкономической деятельности, а с другой – обеспечить стабильность и предсказуемость доходов бюджетной системы. Практика формирования таможенно-тарифной политики основана именно на тарифном регулировании на основе изменения ставок таможенных пошлин¹³⁸.

В зависимости от целей и типа внешнеторговой политики, а также структуры экономического пространства страны в большинстве случаев устанавливают максимальные ставки, защищая отечественного производителя или наоборот – минимальных (в случаях отсутствия аналогичного производства на территории страны)¹³⁹.

¹³⁸ Кузнецов С.Ф. Таможенно-тарифная политика в системе государственного регулирования экономики и внешней торговли // Вестник Академии. 2008. № 2. С. 26-29.

¹³⁹ Старикова Е.М. Таможенно-тарифное регулирование ЕАЭС // Валютное регулирование. Валютный контроль. 2015. № 9. С. 31-37.

Анализ синхронности показателей, характеризующих динамику таможенных поступлений от импортных операций и объемов экспорта показал, что до 2014 г. корреляция между данными показателями была прямой и тесной. Однако, начиная с 2014 г., что совпало с введением в отношении российской экономики санкций и ослаблением национальной валюты, волатильность объемов импорта резко выросла, в отличие от изменений поступлений от НДС на ввозимые товары и ввозных таможенных пошлин (рисунок 2.14).

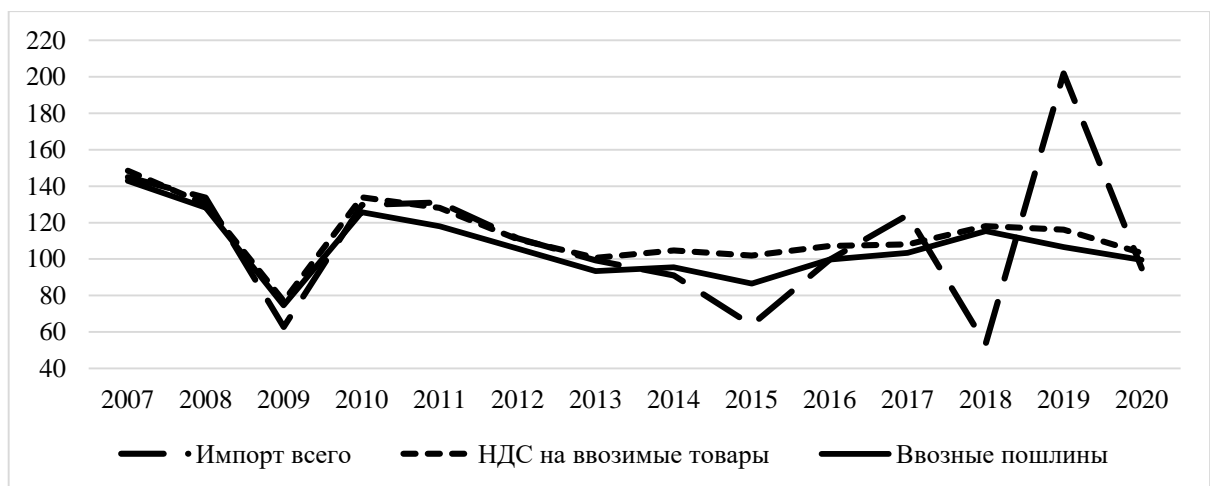

Рисунок 2.14 – Темпы роста показателей, характеризующих импорт и доходы федерального бюджета от импортных операций, %¹⁴⁰

Как результат, построенное уравнение множественной регрессии хотя и имеет удовлетворительные значения коэффициентов корреляции и детерминации, оно является статистически незначимым, также статистически незначимы параметры регрессионной модели (таблица 2.7).

Из этого следует, что после 2014 г. таможенно-тарифная политика, связанная с регулированием потоков импортных товаров и услуг, трансформировалась под влиянием ряда причин неэкономического характера, а фискальная роль таможенных платежей, связанных с импортом

¹⁴⁰ Источник: составлено по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021)

отошла на второй план.

Таблица 2.7 – Регрессионная модель и оценка ее качества¹⁴¹

Показатель	Модел ь	Свободный член	НДС на ввозимые товары	Ввозные пошлины
R	0,5694			
R ²	0,3242			
Нормированный R ²	0,2014			
Стандартная ошибка	34,763 5			
Наблюдения	14			
Значимость F	0,1158			
В-коэффициенты		-36,6288	2,2200	-0,9849
P-Значение по t-статистике		0,5832	0,4196	0,7122

Основной причиной является то, что правовое регулирование импортных пошлин происходит в рамках интеграционного объединения¹⁴². В этой связи влияние ввозных (импортных) таможенных пошлин на устойчивое развитие бюджетной системы России мы начнем рассматривать с учетом протекающих интеграционных процессов, а именно, созданием ЕАЭС.

По общему правилу участники ВЭД должны платить таможенные пошлины, связанные с импортом товаров, через единый лицевой счет соответствующего органа. При этом к уплате также подлежат и иные налоги и сборы за исключением отдельных видов пошлин (компенсационных, специальных и антидемпинговых).

Механизм распределения таможенных пошлин в бюджеты государств-членов ЕАЭС основан на законодательно закрепленных нормативах распределения, которые служат весовыми коэффициентами, на которые умножается общая сумма импортных таможенных пошлин.

Как видно из таблицы 2.8, на долю Российской Федерации приходится около 85 % ввозной таможенной пошлины. На втором месте находится Республика Казахстан, ее удельный вес составляет почти 7 %, далее следуют

¹⁴¹ Источник: расчеты автора

¹⁴² Гомон И. В., Белопухова Н.В. Исследование таможенно-тарифного регулирования в международных экономических отношениях // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 26 (4). С. 66-70.

Республика Беларусь (4,86 %), Кыргызская Республика (1,9 %) и Республика Армения (1,22 %).

В рамках действующей нормативно-правовой базы, регламентирующей таможенно-тарифную политику ЕАЭС основной проблемой остается гармонизация национальных законодательств косвенного налогообложения¹⁴³.

Таблица 2.8 – Структура и динамика распределения ввозной таможенной пошлины¹⁴⁴

Государство-участник	Удельный вес в 2020 г., %	Сумма распределения, млрд. руб.		
		2017 г.	2018 г.	2019 г.
Республика Армения	1,220	6,173	7,060	7,542
Республика Беларусь	4,860	23,074	26,384	28,190
Республика Казахстан	6,955	35,698	40,820	43,614
Кыргызская Республика	1,900	9,614	10,993	11,746
Российская Федерация	85,065	431,441	493,343	527,108
Итого	100,0	506,0	578,6	618,2

До сих пор отсутствует единый документ, который был бы принят ЕАЭС, поэтому каждое из государств-участников действует в соответствии и в рамках национального законодательства. Особенно остро стоит эта проблема в отношении акцизов и обложения табачной и ликеро-водочной продукции. Унификация косвенного налогообложения также будет способствовать снижению издержек как участников ВЭД, так и органов государственной власти в части таможенного администрирования.

Как отмечает ряд авторов, недостаточный уровень налоговой гармонизации обостряет среди государств-участников ЕАЭС налоговую конкуренцию, когда налоговые преференции влияют на выбор потенциальных инвесторов или переориентирует внешнеторговые потоки

¹⁴³ Сергиенко А.И. Проблемы таможенно-тарифного регулирования // Интернаука. 2018. № 39 (73). С. 68-69.

¹⁴⁴ Источник: расчеты автора по Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2020.pdf (дата обращения: 11.04.2021).

между участниками интеграционных объединений¹⁴⁵.

Падение макроэкономических показателей в странах ЕАЭС (прежде всего промышленного производства, инвестиционной активности и уровня доходов населения) в 2015-2016 г. негативно сказалось на уровне их взаимной торговли в рамках интеграционного объединения. Так по данным 2016 г. объем экспорта составил 42,9 млрд. долл. США, снизившись на 6,1 % к уровню 2015 года. По итогам 2017 г. суммарный объем взаимного экспорта государств-членов ЕАЭС увеличился к уровню 2016 г. на 26,3% и составил 54,2 млрд. долл. США. После этого наблюдался поступательный рост экспорта в страны ЕАЭС до 61,3 млрд. долл. к 2019 г. с падением до 55,1 млрд. долл. к 2020 г. Падение экспорта в страны вне ЕАЭС также началось в 2019 г. При этом экспорт вне ЕАЭС превысил эту цифру более почти 7 раз и составил 364,8 млрд. долл. США (таблица 2.9).

Таблица 2.9– Динамика экспорта государств-членов ЕАЭС, млрд. долл.¹⁴⁶

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Экспорт в страны ЕАЭС	45,6	42,9	54,2	60,3	61,3	55,1
Экспорт в страны вне ЕАЭС	373,8	308,3	386,6	490,7	460,7	364,8

Несмотря на развитые торгово-экономические связи внутри ЕАЭС, очевидно, что торговые отношения с третьими странами преобладают в торговом балансе государств-членов ЕАЭС. Беларусь – единственное государство-член ЕАЭС, у которого во внешней торговле доля товарооборота со странами Союза выше, чем с третьими странами (52,7% по итогам 2017 г.). У Казахстана, например, этот показатель 22,4%, у России – 8,9%.

Импортные поставки в страны-участницы ЕАЭС по результатам 2017 г. составили около 247 млрд. долл. что выше на 22,9 % по сравнению с

¹⁴⁵ Иорданова В.Г., Бойко А.Р. Таможенно-тарифное регулирование импорта в условиях транснационализации мировой торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 4. С. 23-39; Перская В.В., Эскиндаров М.А. Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации. М.: Экономика, 2016. 383 с.

¹⁴⁶ Источник: составлено автором на основе данных Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2020. – 445 с.

аналогичным показателем предыдущего года: в 2016 году этот показатель равнялся 201,1 млрд. долл. США. После 2017 г. динамика импорта по данным показателям является синхронной. При этом коронавирусная пандемия в 2020 г. привела к падению импорта из стран ЕАЭС до 54,2 млрд. долл. и 259,8 млрд. долл. в отношении импорта из стран вне ЕАЭС (таблица 2.10).

Таблица 2.10 – Динамика импорта государств-членов ЕАЭС, млрд. долл.¹⁴⁷

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Импорт из стран ЕАЭС	45,5	42,4	53,2	59,7	61,9	54,2
Импорт из стран вне ЕАЭС	205,5	201,1	247,2	263,1	275,0	259,8

Следует отметить, что импорт из третьих стран превышает объем взаимной торговли государств-членов в 4,6 раза, что указывает на явное недоиспользование интеграционного потенциала ЕАЭС во взаимной торговле, прежде всего, на недостаточно развитую производственную кооперацию в промышленном производстве.

Значительное превышение внешнего товарооборота над торговлей внутри ЕАЭС является следствием недостаточно развитого товарного рынка ЕАЭС и его относительно слабой конкурентностью. Отсутствия на нем высокотехнологичной инновационной продукции собственного производства, которую государства-члены покупают в третьих странах. Следует также учитывать фактор поставок Россией и Казахстаном на внешние рынки значительного объема сырьевых ресурсов, обеспечивающих серьезный стоимостной вклад в показатели торговли с третьими странами.

В разрезе стран взаимная торговля товарами в ЕАЭС выглядит следующим образом (таблица 2.11).

Наибольший вклад в торговлю в рамках ЕАЭС ввиду сильного экономического и ресурсного потенциала вносит Россия. Динамика

¹⁴⁷ Источник: составлено автором на основе данных Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2020. – 445 с.

экспортно-импортных поставок из / в Россию во многом определяет тенденции развития торговли во всем Евразийском экономическом союзе.

Таблица 2.11 – Объемы взаимной торговли товарами, млн. долл.¹⁴⁸

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Армения-Беларусь	34,6	35,4	41,6	49,4	70,6
Армения-Казахстан	4,9	5,5	10,5	14,7	9,8
Беларусь-Казахстан	578,6	411,2	693,5	888,6	872,3
Беларусь-Кыргызстан	61,0	52,0	130,5	132,5	73,8
Казахстан-Кыргызстан	756,1	702,7	785,3	927,2	971,2
Казахстан-Россия	15413,7	13005,6	17104,5	18321,1	19957,8
Кыргызстан-Армения	0,5	1,0	1,9	1,1	3,4
Кыргызстан-Россия	1467,3	1211,0	1665,0	1996,2	1841,0
Россия-Армения	1295,8	1337,0	1804,3	2017,0	2433,6
Россия-Беларусь	26003,2	26198,9	32474,6	35913,7	35400,5
ЕАЭС	45615,7	42960,3	54711,7	60261,5	61634,0

Основными покупателями российской продукции в ЕАЭС выступают Беларусь и Казахстан. Ввиду значительных поставок в Беларусь энергоресурсов торговое сальдо у России стабильно положительное. В 2017 г. оно составило 32,5 млрд. долл. США и в существенной мере (на 24%) превысило торговое сальдо 2016 г., которое сложилось в размере 26,2 млрд. долл. США. Активный торговый баланс сложился у России и с Казахстаном – 19957,8 млн. долл. США в 2019 г. против 15413,7 млн. долл. США в 2015 г.

Среди интересных тенденций следует отметить, что объем товарооборота России с Арменией в 2017 г. вырос на 467,3 млн. долл. по сравнению с уровнем 2016 г., когда эта страна присоединилась к ЕАЭС и продолжала активно расти до 2433,6 млн. долл. США в 2019 г. Торговля России с Кыргызстаном не претерпела существенных изменений: объем товарооборота в 2019 г. превысил аналогичный показатель 2015 г. на 374 млн. долл. США.

Оценивая данные торговли за 2015-2019 гг., следует отметить, что наиболее сложным для российской торговли годом был 2016-й, когда экспортные поставки во все государства-члены ЕАЭС сократились, а в

¹⁴⁸ Источник: составлено автором на основе данных Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2020. – 445 с.

товарной структуре экспорта ведущую роль занимали продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (рисунок 2.15).

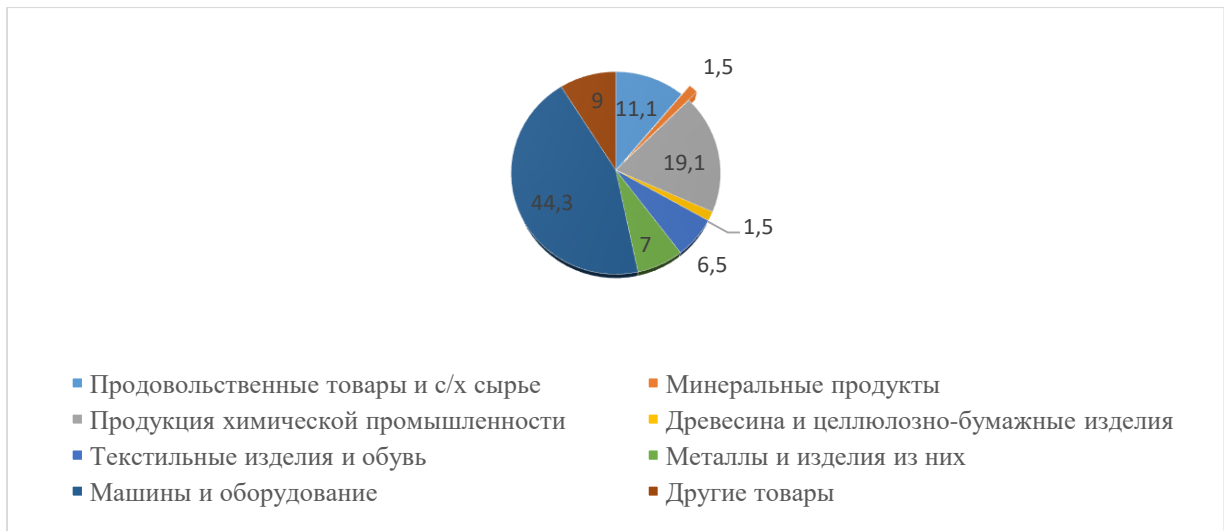

Рисунок 2.15 –Товарная структура экспорта стран ЕАЭС во внешней торговле с третьими странами в 2019 г., %¹⁴⁹

Снижение экспорта было вызвано как падением цен на сырьевые ресурсы, занимающие в структуре российских поставок значимую долю, так и относительной нестабильностью на товарных рынках ЕАЭС. Товарная структура экспорта из России в государства-члены ЕАЭС на 37 % состоит из минеральных продуктов (преимущественно в Беларусь и Кыргызстан), 16,7 % – продукции машиностроения, 12,7 % – металлов и изделий из них, 12,4 % – минеральные удобрения.

Анализ структуры импорта стран ЕАЭС с третьими странами показал, что большая часть импортируемых товаров (44,3 %) приходится на машины и оборудование. Также большую роль играет импорт химической промышленности (19,1 %), а также продовольственные товары и текстильные изделия (рисунок 2.16). Таким образом, наблюдается высокий уровень зависимости стран-членов ЕАЭС от высокотехнологичного импорта, что является негативной тенденцией в условиях усиливающегося санкционного давления.

¹⁴⁹ Источник: составлено автором на основе данных Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2020. – 445 с.

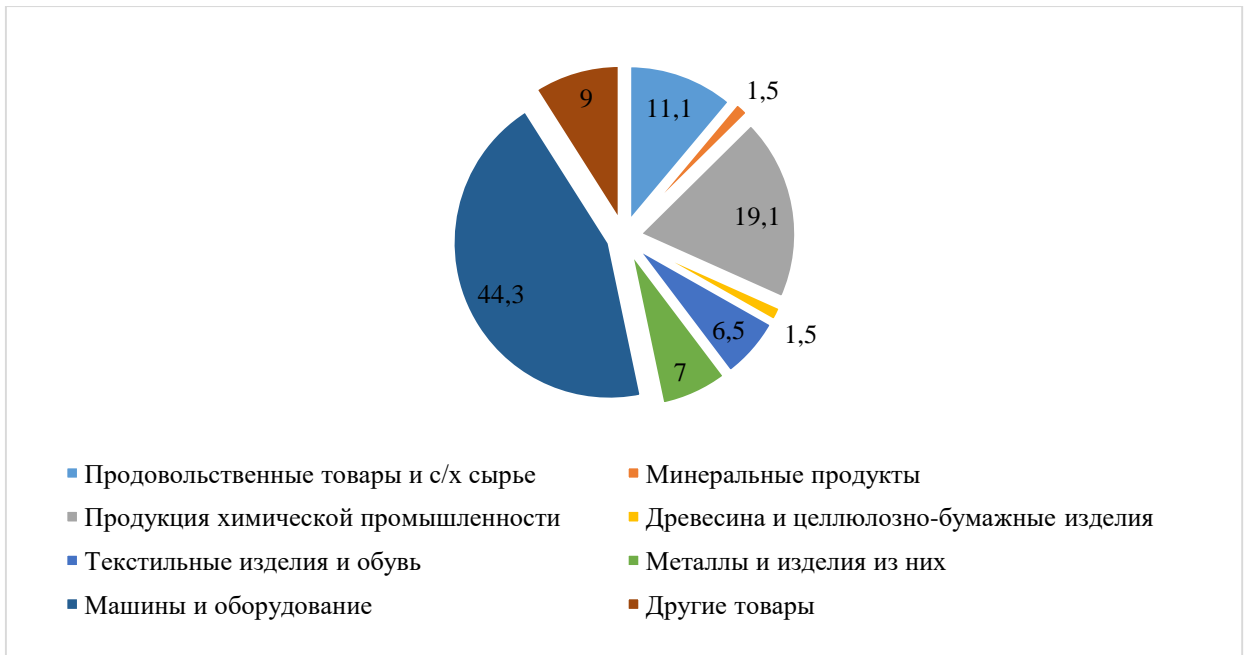

Рисунок 2.16 – Товарная структура импорта стран ЕАЭС во внешней торговле с третьими странами в 2019 г., %¹⁵⁰

Несмотря на кризисные явления и стагнацию российской экономики следует отметить, что в целом импорт России в рамках ЕАЭС и товарооборот ЕАЭС в целом имеет устойчивые тенденции к росту, хотя темпы роста остаются незначительными. Факт подписания Договора о ЕАЭС в первые два года не привнес существенных изменений в экономическое развитие России, Беларуси и Казахстана – экономическая ситуация в этих странах ЕАЭС за последние три года существенно не изменилась. Вместе с тем определенные выгоды от интеграции получили Армения и Кыргызстан, для которых вступление в ЕАЭС сняло барьеры в сотрудничестве с Российской Федерацией.

Рассмотрим эффект от интеграционных процессов на примере изменения взаимной торговли товарами стран-членов ЕАЭС. Теоретически, формирование интеграционного объединения должно было стимулировать рост взаимной торговли. Однако первоначально динамика взаимной торговли в долларовом выражении в 2015 г. и 2016 г. продолжила снижаться. Только в

¹⁵⁰ Источник: составлено автором на основе данных Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2020. – 445 с.

2017 г., за счет использования возможностей увеличения емкости общего рынка ЕАЭС, рост внешней торговли в рамках ЕАЭС составил на 27,3%, который продолжился и в 2018 г. При этом рост коснулся всех стран ЕАЭС: России – почти на 30 %, Белоруссии – на 20 %, Армении – на 45,0 %, Казахстана и Кыргызстана – на 33 % и 21 % соответственно.

При общем отсутствии заметного макроэкономического эффекта (в основном из-за кризисных явлений, рассмотренных в разделе 2.1 диссертационной работы) следует отметить рост физического объема взаимного экспорта товаров. То есть снижение объемов взаимной торговли в долларовом выражении стало результатом сокращения экспортных долларовых цен на товары, произошедшее в результате девальвации национальных валют государств-членов. На межстрановом уровне отсутствуют расчеты индекса физического объема взаимной торговли в долларовом выражении. В то же время статистические органы ряда государств-членов содержат такие расчеты. По этой причине рассмотрим эффекты от интеграционных процессов на примере отдельных государств-членов Союза.

Экономической основой роста объемов взаимной торговли товарами стал эффект замещения импортных (из третьих стран) дорогих товаров более дешевыми товарами, произведенными в Союзе. Данный эффект проявился в 2016-2017 гг. В 2015 г. сразу после девальвации произошел спад взаимной торговли в основном из-за масштабов самой девальвации. Рост спроса на товары, произведенные в рамках Союза, стимулировало также сокращение долларовых цен на товары в 2015-2016 гг. (на 24,5 % суммарно за два года).

Для анализа динамики торговли Российской Федерации со странами-членами ЕАЭС с учетом влияния внешнеторговых цен были рассчитаны агрегатные и индивидуальные индексы физического объема и индексы цен на основе данных ФТС России об экспорте и импорте товаров на 4-значном уровне ТН ВЭД ЕАЭС. Агрегатные индексы – по совокупному экспорту и импорту – представлены в таблице 2.12.

Таблица 2.12 – Индекс физического объема и индекс цен экспорта РФ в страны-члены ЕАЭС и импорта России из государств-членов ЕАЭС, %¹⁵¹

Год	Экспорт		Импорт	
	Физический объем экспорта товаров	Стоимостной объем экспорта товаров	Физический объем импорта товаров	Стоимостной объем импорта товаров
2014	96,0	93,1	105,0	94,2
2015	101,8	73,8	306,6	20,5
2016	90,5	99,0	140,0	76,5
2017	104,2	129,7	98,8	120,2
2018	106,2	118,0	104,3	110,2
2019	99,8	103,5	114,2	109,3
2020	89,4	94,5	79,6	88,7

Если рассматривать открытость экономики России после ее вступления в ЕАЭС, то видно, что данный показатель находится на низком уровне. Значение внешнеторговой квоты в 2018 г. находилось на максимальном уровне 41,4 %, при этом значение открытости экономики в ЕАЭС в целом находится на еще более низком уровне – 45,2 % в 2018 г. (таблица 2.13).

Следует отметить, что в случае Беларуси и Армении большую роль играют санкционные риски, которые частично уже реализовались, поскольку на протяжении последних лет позитивный эффект от прямых иностранных инвестиций неуклонно снижается. При этом для стран, которые не так сильно интегрированы в мировую экономику, например, Кыргызстан значений инвестиционных потоков в рамках ЕАЭС играет ведущую роль.

Таблица 2.13 – Динамика открытости экономики России и ЕАЭС, % ВВП¹⁵²

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Россия					
Экспортная квота	25,1	22,5	22,9	27,0	25,1
Импортная квота	13,4	14,3	14,5	14,4	14,5
Внешнеторговая квота	38,5	36,8	37,4	41,4	39,6

¹⁵¹ Источник: расчеты автора по Внешняя и взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Pages/default.aspx (дата обращения: 11.05.2021)

¹⁵² Источник: рассчитано автором по Внешняя и взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Pages/default.aspx (дата обращения: 11.05.2021)

ЕАЭС					
Экспортная квота	25,8	23,7	24,3	28,5	26,6
Импортная квота	15,4	16,4	16,6	16,7	17,1
Внешнеторговая квота	41,2	40,1	40,9	45,2	43,7

После вступления Кыргызстана в ЕАЭС показатель привлечения прямых иностранных инвестиций резко вырос, что связано с инвестиционной активностью со стороны России. И, наоборот, для крупнейших экономик среди стран-членов ЕАЭС (Россия и Казахстан) прямые иностранные инвестиции в рамках ЕАЭС в общей структуре инвестиций остаются на минимальном уровне и не превышают 1-3%. РФ, являясь ведущей экономикой в ЕАЭС, обеспечивает более 60 % всех прямых инвестиций в Россию из ЕАЭС, далее следует Беларусь – около 25%, на Армению и Кыргызстан приходится 12 % и 3 % соответственно. При этом Россия и Белоруссия в 2020 г. обеспечили 83,5 % всех инвестиций в рамках ЕАЭС (таблица 2.14).

Таблица 2.14 – Структура прямых иностранных инвестиций стран-членов ЕАЭС в 2019 г., %¹⁵³

Страны	Россия	Армения	Казахстан	Беларусь	Кыргызстан
Россия	-	н/д	17,0	83,0	н/д
Армения	0,5	-	0,0	0,0	н/д
Казахстан	1,4	н/д	-	1,4	н/д
Беларусь	1,2	н/д	0,2	-	н/д
Кыргызстан	0,3	н/д	1,1	0,0	-
Итого	3,3	н/д	18,3	84,5	н/д

Такой переко с одной стороны создает предпосылки для значительной дифференциации развития внешнеторговых связей и международной кооперации в рамках ЕАЭС, но с другой создает дополнительные возможности для более тесной интеграции экономик.

Как видно, внешние экзогенные шоки непосредственно влияют на динамику прямых иностранных инвестиций в рамках ЕАЭС. Также следует

¹⁵³ Источник: составлено по Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2020.pdf (дата обращения: 11.04.2021)

учитывать, что снижение притока иностранных инвестиций в российскую экономику после введения не может быть скомпенсировано стимулированием инвестиционной активности в рамках ЕАЭС в силу высокой дифференциации масштабов экономик. И если темпы роста инвестиций замедлятся, то это может стать одним из основополагающих факторов, способствующих дезинтеграции экономического пространства ЕАЭС. В этой связи стимулирование внешнеэкономической активности может косвенно препятствовать этому, так как более тесные связи могут стать основой для реализации крупномасштабных инвестиционных проектов и создания кластерных структур.

Важным моментом является анализ и оценка влияния трансформации таможенно-тарифной политики после вступления России в ЕАЭС на динамику ввозных таможенных пошлин. В 2020 г. за счет импортных операций федеральный бюджет получил около 3,44 трлн. рублей, что на 3 % превышает уровень 2019 г. и на 17 % – 2018 г. Рост дохода федерального бюджета РФ в 2019 г. от импорта связан с ростом объемов ввозимых в страну товаров, т.е. увеличением налогооблагаемой базы и модернизацией в рамках ЕАЭС инструментов и процедур таможенного администрирования. Второй причиной стало снижение курса национальной валюты, которое также компенсировало сокращение ставок ввозных таможенных пошлин для ряда импортируемых товаров.

Таким образом, за 2018-2020 гг. средний уровень ставок таможенных пошлин снизился. За 2020 г. произошли незначительные изменения уровня ставок. Снижение ставок импортных таможенных пошлин в 2019 г. примерно на 10 % товарных позиций привело к росту импорта, так как товары иностранных производителей стали более конкурентоспособными по ценовым параметрам с российскими. Снижение импорта в 2020 г. связано, прежде всего с шоками неэкономического характера.

При этом необходимо отметить, что величины таможенных ставок, установленные в рамках единого таможенного тарифа, остаются

стабильными с момента их введения. По многим товарным позициям их значение лежит в пределах 0-5%, что связано с высоким уровнем импортозависимости вследствие того, что данная продукция не производится в странах-участницах ЕАЭС. С другой стороны, такая стабильность в таможенно-тарифной политике связана со значительным распространением товаров, на рынках, что дает возможность не сокращать ставки импортных таможенных пошлин. При этом необходимо учитывать, что более низкая волатильность динамики таможенных поступлений по сравнению с показателями внешнеторгового оборота также связана с повышением эффективности процедур таможенного администрирования и контроля. Как видно из рисунка 2.17, динамика задолженности по всем видам таможенных платежей имела устойчивую тенденцию к снижению. За анализируемый период совокупная задолженность сократилась более чем в 2,5 раза с 78,9 млрд. руб. в 2006 г. до 29,1 млрд. руб. в 2020 г.

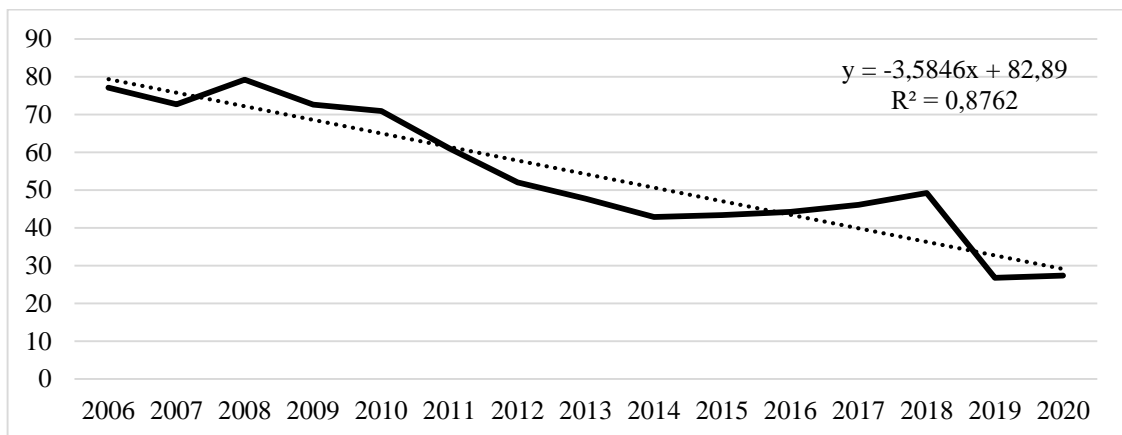

Рисунок 2.17 – Динамика задолженности по таможенным платежам, млрд. руб.¹⁵⁴

Как видно, повышение эффективности процедур таможенного контроля с одной стороны и неувеличение уровня налогового бремени с другой создает дополнительные возможности для сокращения уровня

¹⁵⁴ Источник: расчеты автора по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021)

задолженности по таможенным платежам, в том числе, за счет стимулирования добровольного соблюдения субъектами ВЭД своих обязанностей.

Таким образом, таможенный тариф является весьма эффективным инструментом, использование которого позволяет отечественным производителям быть более конкурентоспособными на локальных рынках, но не оказывает такого эффекта на глобальных рынках. Из этого следует, что использование протекционистских мер в отношении одной товарной группы может косвенно затрагивать и смежные товары или даже целые отрасли. Наличие такого эффекта усложняет оценку уровня защиты отечественных производителей посредством таможенно-тарифной политики.

Таможенно-тарифная политика вследствие наличия множества целей и задач, которые с ее помощью можно решить, предопределяет разноплановость используемых инструментов и часто противоречивость потенциальных последствий. В этой связи необходимо достижение баланса фискальной цели тарифной политики, выраженной в формировании траекторий устойчивого роста доходов бюджетной системы, а также цели укрепления экспортного потенциала и повышения международной конкуренции за счет стимулирования участников ВЭД осуществлять производство технологичной продукции с высокой добавленной стоимостью. Как результат, необходим поиск адаптивных инструментов таможенно-тарифного регулирования, использование которых позволит более оперативно и адекватно реагировать на внешние и внутренние шоки. Это позволит минимизировать негативный ущерб от шоковых воздействий и повысить резистентность бюджетной системы к кризисным явлениям.

ГЛАВА 3. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЙ ПОЛИТИКИ КАК БАЗОВОГО ИМПЕРАТИВА УКРЕПЛЕНИЯ ДОХОДНОЙ ЧАСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

3.1 Моделирование фискальных свойств инструментов таможенно-тарифного регулирования

Хотя фискальные системы почти во всех странах мира являются относительно стабильными институтами, иногда возникает необходимость в переосмыслении и реформировании этих систем. Вне зависимости от масштаба этих реформ они всегда оказывают заметное влияние на всех участников экономической системы. Поэтому необходимо знать направленность и интенсивность их воздействия, что делает крайне важным возможность оценить, как изменения в таможенно-тарифной политике влияют на доходы бюджета и его устойчивое развитие. Как было показано ранее, такое влияние часто бывает трудно оценить не только количественно, но даже на качественном уровне, так как разнонаправленный характер таможенно-тарифной политики и инструментов ее реализации приводит к возникновению мультипликативного эффекта. Например, изменение ставок таможенных пошлин в краткосрочном периоде влияет на доходную часть бюджета, а в долгосрочном – может стимулировать или дестимулировать экономическую активность, т.е. нанести ущерб экономической деятельности или, наоборот, усилить ее.

Поиск решения проблемы устойчивого развития в целом и бюджетной системы в частности требует прогнозирования долгосрочных потенциальных эффектов от определенных действий. Повышенная макроэкономическая устойчивого развития волатильность и возрастающая роль экзогенных шоков с одной стороны осложнили поиск устойчивых трендов, а с другой – стали стимулом поиска новых теоретических подходов и инструментов для

решения проблем, основанных на моделировании, анализе и управлении организационными, финансовыми, технологическими и иными процессами, протекающими в экономических системах¹⁵⁵.

В последнее десятилетие появляется все больше литературы, посвященной использованию сложных сетевых методов для характеристики динамических систем на основе временных рядов. В то время, как и нелинейный анализ временных рядов, и теория сложных сетей широко считаются признанными областями наук о сложных системах, тесно связанными с нелинейной динамикой и статистической физикой, тщательное сочетание обоих подходов стало активной областью нелинейного анализа временных рядов, что позволило решить фундаментальные вопросы, касающиеся структурной организации нелинейной динамики, а также успешной обработки различных приложений из широкого круга дисциплин¹⁵⁶.

Сложность – это многогранное понятие, связанное со степенью организации систем. Закономерности сложной организации и поведения выявляются во всех видах систем в природе и технике. Существенным для характеристики сложности является ее количественная оценка, введение мер сложности или дескрипторов¹⁵⁷.

Сложность представляется очень субъективной и неопределенной вещью. Мы можем говорить о признаках сложности, учитывая:

- количество компонентов, включенных в систему;
- размер нарушений в системе: отсутствие повторяемости, большое количество неорганизованных взаимосвязей приводят к огромной сложности;
- объем информации (количество битов) структуры;

¹⁵⁵ Авдийский В.И., Сенчагов В.К. Методологии определения пороговых значений основных (приоритетных) факторов рисков и угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Эффективное антикризисное управление. 2014. № 4. С. 73-78; Буравлев А.И. Когнитивная модель возникновения финансово-экономического кризиса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 12. С. 36-41.

¹⁵⁶ Siegenfeld A., Bar-Yam Y. An Introduction to Complex Systems Science and Its Applications Complexity. – Routger Press. 2020. 167 p.

¹⁵⁷ Kanwal M., Grochow J.A. Comparing information-theoretic measures of complexity in Boltzmann machines Entropy. – 2017. 310 p.

- объем пространства, необходимый для реконструкции объекта, точной интерпретации;
- алгоритмическая сложность определенной задачи: минимальное время, необходимое для выполнения конкретной задачи на компьютере;
- коммуникационная сложность задачи: количество битов, которые должны быть переданы для решения конкретной задачи¹⁵⁸.

Исторически сложилось так, что первая попытка количественной оценки сложности была основана на информационной теории Шеннона¹⁵⁹ и сложность Колмогорова¹⁶⁰.

В настоящее время наиболее важной величиной, которая позволяет нам параметризовать сложность в детерминированных или случайных процессах, является энтропия. Первоначально он был введен Р. Клаузиусом¹⁶¹ в контексте классической термодинамики, где, согласно его определению, энтропия имеет тенденцию к увеличению в изолированной системе, образуя обобщенный второй закон термодинамики. Затем определение энтропии было расширено Гиббсом¹⁶², связав его с молекулярным беспорядком и хаосом, чтобы сделать его подходящим для статистической механики, где они объединили понятие энтропии и вероятности. После фундаментальной работы Шеннона¹⁶³ в контексте теории информации, где энтропия обозначала средний объем информации, содержащейся в сообщении, ее понятие было значительно пересмотрено. После этого данный подход эволюционировал вместе с различными способами и достаточно успешно использовался для исследования экономических систем¹⁶⁴.

¹⁵⁸ Bonchev D. 2009 Information Theoretic Complexity Measures (Encyclopedia of Complexity and Systems Science vol 1). – New York: Springer. 2009. pp 4820-4838.

¹⁵⁹ Shannon C. A mathematical theory of communication // The Bell System Technical J. – 1948. Vol. 27. pp. 379-423

¹⁶⁰ Kolmogorov A.N. Three approaches to the quantitative definition of information // Int. J. Computer Mathematics. – 1965. Vol. 2. pp. 157-168.

¹⁶¹ Clausius R., Hirst T, The Mechanical Theory of Heat: With Its Applications to the Steam-engine and to the Physical Properties of Bodies (London: John van Voorst). 1867. 376 p.

¹⁶² Gibbs J. Elementary principles in statistical mechanics: developed with especial reference to the rational foundation of thermodynamics. – (Yale University Press). 1914 204 p,

¹⁶³ Shannon C. A mathematical theory of communication // The Bell System Technical J. – 1948. Vol. 27. pp. 379-423

¹⁶⁴ Joshua S, Richman J and Moorman R 2000 Physiological time-series analysis using approximate entropy

В нашем исследовании может быть применено достаточно большое количество различных методов, например, из теории сложности, целью которых является количественная оценка степени сложности систем, полученных из различных природных источников. Такие приложения интенсивно изучались для системы экономического поведения. Йингчао и др.¹⁶⁵ предлагают подход, основанный на вейвлет-энтропии, для модели прогнозирования. Согласно их работе, они используют алгоритм для определения оптимальных семейств вейвлетов и масштаба декомпозиции, чтобы повысить точность прогнозирования. С точки зрения общепринятых критериев оценки эффективности точности прогнозирования предлагаемый алгоритм превосходит традиционные модели.

Наличие закономерностей в ряду является ключевым критерием при оценке случайности, поэтому целесообразно разработать такие методы, которые будут основаны на различных закономерностях и их повторении. В связи с этим Пинкус описал методологию Приближенной энтропии (ApEn)¹⁶⁶, чтобы получить более подробный анализ относительно коротких и шумных временных рядов, в частности, клинических и психологических. Эмпирические результаты доказывают, что финансовые временные ряды в некоторой степени предсказуемы, и ApEn является применимым показателем степени предсказуемости в финансовых временных рядах. Исследователь количественно оценивает существование закономерностей в эволюционирующих рядах данных. В целом, его результаты показывают, что степень предсказуемости возрастает во время кризиса.

Энтропия перестановок (PEn), согласно предыдущему подходу, является мерой сложности, связанной с исходной энтропией Шеннона (ShEn), которая применялась к распределению порядковых шаблонов во

and sample entropy // *Physiol.* – 2009. Vol. 278, pp. 2039-2049; Sole R., Valverde S. Information theory of complex networks: // *Evolution and Architectural constraints.* – 2004. Vol. 650. pp. 189-207.

¹⁶⁵ Yingchao Z, Lean Y and Kaijian H Wavelet Entropy Based Analysis and Forecasting of Crude Oil Price Dynamics Entropy. – 2015. Vol. 17. pp. 7167-7184.

¹⁶⁶ Pincus S.M. Approximate entropy as a measure of system complexity // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA.* – 1991. Vol. 88. pp. 2297-2301

временных рядах. Такой инструмент был предложен Бандтом и Помпе¹⁶⁷, который характеризуется своей простотой, скоростью вычислений, не требующей некоторых предварительных знаний о системе, сильно описывает нелинейные хаотические режимы. Также он характеризуется устойчивостью к шуму¹⁶⁸ и инвариантностью к нелинейным монотонным преобразованиям¹⁶⁹.

Недавно появились первые работы, в которых используются спектральные и топологические характеристики динамических систем, представленных в виде сетей. Так, в работе Ксиан и др.¹⁷⁰ было исследовано универсальное и не универсальное поведение аллометрического масштабирования на графиках видимости 30 индексов мирового фондового рынка. Было установлено, что природа такого поведения обусловлена распределением доходности, которое характеризуется жирными хвостами, нелинейной долгосрочной корреляцией и эффектом связи между набором влияющих факторов. С помощью некоторых топологических параметров (плотность, кластеризация, ассортативность/дисассортативность, центральность и распределение по степеням), которые характерны для сложных сетей, используются для анализа изменяющейся структуры и эволюции мировой торговли углем¹⁷¹. Торговая сеть представлена как сложная (неоднородная) с точки зрения взаимосвязанности в сети.

За последние годы были разработаны интересные алгоритмы преобразования нелинейного временного ряда в сложную сеть с целью выявления его основных характеристик с использованием топологии сети. Такая альтернативная математическая структура может быть выявлена с

¹⁶⁷ Bandt C., Pompe B. Permutation Entropy: A natural complexity measure for time series // *Phys. Rev. Lett.* – 2002. Vol. 88. pp. 174-192.

¹⁶⁸ Amigo J.M. Permutation Complexity in Dynamical Systems. Ordinal Patterns, Permutation Entropy and All That. – Berlin: Springer-Verlag. 2010. 280 p.

¹⁶⁹ Kantz H., Schreiber T. *Nonlinear Time Series Analysis* (2nd ed.). – UK: Cambridge University Press. 2003. 314 p.

¹⁷⁰ Qian M., Jiang Z., Zhou W. Universal and nonuniversal allometric scaling behaviors in the visibility graphs of world stock market indices // *Phys.* – 2010. Vol. 43. pp. 335-364.

¹⁷¹ Soyuyiğit S., Topuz H., Halil Ö. An Alternative View to the Global Coal Trade: Complex Network Approach // *Studies in Business and Economics.* – 2020. Vol. 15. pp. 270-288.

использованием графика видимости¹⁷².

Для изучения таких свойств фискальных инструментов, как стабильность, надежность и адекватность, мы будем использовать сравнительно новую концепцию эффективной фискальной политики, описанную в ряде работ¹⁷³. В основе этой концепции лежит идея о том, что налоговая система может эффективно функционировать, когда реакции налогоплательщиков (производственных предприятий, предприятий) и государственного бюджета практически совпадают. Разница в реакциях двух вышеупомянутых экономических агентов оценивается путем рассмотрения разницы в экстремумах кривой Лаффера первого и второго рода. Соответственно, дисбаланс интересов между государством и налогоплательщиками и неэффективность налоговой системы будет тем выше, чем больше расстояние между этими точками.

Этот принцип применим к проблеме стабильности налоговых поступлений. В этом случае мы уточним наши методологические допущения следующим образом: динамика налоговых поступлений должна быть пропорциональна изменению налогооблагаемой базы. Поэтому представляется разумным, что динамику налогооблагаемой базы на макроуровне можно аппроксимировать динамикой ВВП, что приводит к следующему методологическому предположению: налоговые поступления должны тесно коррелировать ВВП. В этом случае бюджетные показатели и ВВП будут выражены в текущих ценах, а это означает, что инфляционный эффект присутствует в обоих показателях и может быть проигнорирован при их сравнении.

В дальнейшем мы будем называть этот методологический принцип принципом магистрали или гипотезой магистрали. Такая терминология обоснована тем, что траектория ВВП служит магистралью экономического

¹⁷² Donner R., Marwan N., Zou Y. Recurrence-based time series analysis by means of complex network methods // *Int. J. Bifurcation and Chaos*. – 2010. Vol. 21. pp. 1019–1046.

¹⁷³ Andrasic J., Kalas B., Mirovic V., Milenkovic N., Pjanic M. Econometric Modelling of Tax Impact on Economic Growth: Panel Evidence from OECD Countries // *Economic Computation and Economic Cybernetics Studies and Research*. – 2018. Vol. 52(4). pp. 211-226; Myles G. *Economic Growth and the Role of Taxation*. OECD Economic Department Working Papers. 2009. No. 714. 69 p.

развития, в то время как траектории всех налоговых поступлений должны проходить параллельно этой магистрали. Степень отклонения траектории налоговых поступлений от магистрали косвенно отражает, насколько эффективен или неэффективен налог и насколько чувствительна или нечувствительна налоговая система к деятельности хозяйствующих субъектов. Хотя терминология, используемая в этом исследовании, напрямую не связана с теорией оптимальных путей в моделях Джона фон Неймана, все же можно провести некоторую аналогию: например, в то время как модели Неймана рассматривают оптимальные пути, параллельные магистрали, в нашем случае мы рассматриваем финансовые траектории, которые проходят вблизи траектории экономического роста.

Следовательно, согласно принципу магистрали, все налоги должны в определенной степени быть связаны с экономической деятельностью системы. Темпы роста ВВП являются наиболее точным показателем экономической активности. Несмотря на то, что налоговая база напрямую не связана с ВВП, здесь все еще действует принцип магистрали. Единственный вопрос в этом отношении заключается в том, насколько значительным должно быть отклонение от этого принципа, чтобы оставаться приемлемым. Это предположение коррелирует с выводами М. Мишустина¹⁷⁴, который проанализировал факторы роста налоговых поступлений и показал, что независимо от конкретных факторов, повлиявших на налоговые поступления, последние все равно определялись общей геоэкономической ситуацией в стране.

Таким образом, принцип магистрали может стать основой для построения эконометрических моделей и анализа свойств траекторий таможенных поступлений на основе следующих показателей:

$$I = \frac{1}{T} \sum_{t=1}^T (\mu_{it} - \varphi_t) \quad (3.1)$$

$$V = \frac{1}{T} \sum_{t=1}^T |\mu_{it} - \varphi_t| \quad (3.2)$$

¹⁷⁴ Мишустин М. Факторы роста налоговых доходов: макроэкономический подход Экономическая политика. 2016. 11(5). с.8–27.

$$\varphi = \frac{1}{T} \sum_{t=1}^T \varphi_t \quad (3.3)$$

$$RI = I/\varphi \quad (3.4)$$

где $\mu_t \varphi_t$ – темпы роста ВВП и i -й налоговый доход в году t ; T – длина временного интервала данных; I – среднее значение возможного потенциального дохода в абсолютных показателях, возникающего от использования i -го финансового инструмента; RI – среднее значение возможного потенциального дохода в относительных показателях, возникающего от использования i -го финансового инструмента; и V – уровень изменчивости i -го налогового дохода.

В случае, когда $RI > 0$, динамика налоговых поступлений лежит выше траектории экономического роста и имеется избыток налоговых поступлений; если $RI < 0$, то имеет место обратная ситуация и в этом случае мы имеем дело с потерей доходов.

Введенный показатель (3.4) позволяет классифицировать фискальные инструменты по двум основным качествам – бюджетной ориентации и эффективности. Финансовый инструмент считается ориентированным на бюджет, если он дает возможности получения дополнительных доходов, то есть $RI > 0$; . Другими словами, темпы роста бюджетного налога превышают темпы экономического роста. Эффективные финансовые инструменты характеризуются незначительными значениями избыточных доходов, в противном случае мы будем считать их неэффективными. Чтобы указать этот критерий, мы будем считать, что значение незначимо, если $|RI| = 5\%$. Таким образом, налог считается эффективным, если он прямо коррелирует с темпами роста ВВП.

Аналогичным образом можно также сформулировать два критерия серьезной неэффективности. Первый критерий заключается в том, что налог считается крайне неэффективным, если выполняется следующее условие: $|RI| > 20\%$. Второй критерий заключается в том, что налог считается крайне неэффективным, если выполняется следующее сильное или слабое условие:

$|RI| > V$ или $|RI| \sim V$; этот критерий является вспомогательным. Эти критерии являются чисто эмпирическими, но они все равно могут быть полезны для окончательной диагностики финансовых инструментов и их эффективности.

Данная шкала подходит для оценки исследования свойств таможенных платежей в устойчивом развитии бюджетной системы. Она также позволяет выявить существенные недостатки таможенно-тарифной политики в контексте реализации фискальной функции, а также аналитически оценить свойства налоговой системы.

Для проверки описанной выше методики мы использовали годовые данные Росстата и Федеральной таможенной службы за 2006-2020 годы. Для расчета совокупных данных по таможенным пошлинам, НДС по ввозимым товарам и ВВП были использованы текущие цены. Доходы федерального бюджета рассматривались в разрезе нефтегазовых и ненефтегазовых доходов, таможенные поступления – в разрезе ввозных и вывозных таможенных пошлин, НДС на импортируемые товары.

При этом необходимо учитывать, что, несмотря на то, что таможенные пошлины по своей экономической природе относятся к налоговым платежам, они имеют специфические особенности. Данный налоговый инструмент не имеет единой ставки, а вместо этого включает большое количество процентных ставок, применяемых к различным импортируемым и экспортируемым товарам. Поэтому сначала нужно получить агрегированную меру нагрузки таможенных пошлин. Так как налоговой базой является внешнеторговый оборот (экспорт и импорт), то если перевести эту статистическую совокупность в перерасчете на национальную валюту, можно рассчитать среднюю нагрузку на таможенные пошлины как отношение таможенных пошлин к торговому обороту.

Формирование доходов в бюджетную систему от таможенных платежей определяется двумя факторами – налоговой нагрузкой и экономической активностью, измеряемой через ВВП. Следовательно, в такой

интерпретации модели четко различаются эффекты налоговой базы и налогового бремени.

В этом случае не будет принципиальных функциональных различий между НДС на ввозимые товары и таможенными пошлинами. Для обоих типов налогов мы можем различать «высокая волатильность/влияющие на устойчивость» и «низкая волатильность/не влияющие на устойчивость». С учетом рассмотренных особенностей сначала требуется получить какую-то обобщенную меру нагрузки таможенных пошлин. Предположим, что налоговой базой для таможенных пошлин (CD) является внешнеторговый оборот TT (экспорт и импорт). Затем, если мы переведем эту статистическую совокупность в национальную валюту, используя среднегодовой обменный курс k , мы сможем рассчитать среднюю нагрузку на таможенные пошлины q как отношение таможенных пошлин T_{CD} (доходы от внешней торговли) к торговому обороту:

$$q = \frac{T_{CD}}{k*TT} \quad (3.5)$$

Формирование доходов T_{CD} определяется двумя факторами – налоговой нагрузкой q и экономической активностью, измеряемой через ВВП. Мы попытаемся построить желаемую зависимость в аддитивной форме:

$$T_{CD} = \alpha + \beta q + \gamma GDP \quad (3.6)$$

где α , β , γ – параметры модели.

Особенностью модели (3.6) является то, что в ней четко различаются эффекты налоговой базы и налогового бремени.

В результате проведенных вычислений, основанных на данных таблицы 3.1 и приложения Б, мы получили следующую эконометрическую модель таможенных пошлин:

$$Y = -5625,187 + 380,951q + 0,063 GDP \quad (3.7)$$

В данной модели коэффициенты регрессии положительные, т.е. между факторными и результативным признаками наблюдается прямая связь. Как видим уровень экономической активности очевидно способствует

увеличению устойчивости бюджетной системы вследствие увеличения налогового потенциала, аналогичную роль играют и таможенные поступления.

Таблица 3.1 – Исходные данные для моделирования стабильности налоговых поступлений¹⁷⁵

Год	ВВП, млрд. руб.	Поступления таможенных пошлин, млрд. руб.	Экспорт, млрд. долл.	Импорт, млрд. долл.	Обменный курс k	Таможенное бремя q
2006	22942,1	2067,0	301,2	137,8	27,185	0,173
2007	27964	2322,8	352,5	199,7	25,577	0,164
2008	33908,8	3484,6	467,6	267,1	24,855	0,191
2009	32007,2	2509,4	301,6	167,4	31,723	0,169
2010	37687,8	3095,6	373,5	217,2	30,369	0,173
2011	45392,3	4403,2	477,6	284,6	29,387	0,197
2012	49926,1	4832,5	524,7	317,2	31,093	0,185
2013	54103	4741,8	525,9	315,2	31,848	0,177
2014	59188,3	5289,6	497,3	287,0	38,422	0,176
2015	65750,6	3345,6	343,5	182,9	60,958	0,104
2016	74120,2	2618,0	285,7	182,3	67,035	0,083
2017	79745,1	2551,5	356,5	226,6	58,353	0,075
2018	90202,9	3698,7	436,0	120,8	62,708	0,106
2019	94831,1	3008,2	422,7	243,9	64,736	0,070
2020	106606,0	1862,3	331,9	231,3	72,146	0,046

Оценка значимости регрессионных моделей была проведена на основе F-критерия Фишера, t-статистики Стьюдента и критерия Дарбина-Уотсона. Оценка статистической значимости представлена в таблице 3.2.

По аналогии с построением регрессионной модели для таможенного бремени были получены для:

- ввозных таможенных пошлин – $Y = 341,100 + 0,112q + 0,003 GDP$;
- вывозных таможенных пошлин – $Y = -4278,49 + 232,935q + 0,049 GDP$;
- НДС на ввозимые товары – $Y = -1771,65 + 116,107q + 0,026 GDP$.

¹⁷⁵ Источник: расчеты автора по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-grossijskoj-federaczi> (дата обращения: 24.04.2021); Средний номинальный курс доллара // ЕМИСС государственная статистика [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42108> (дата обращения: 06.06.2021).

Оценка статистической значимости полученных регрессионных моделей представлены в приложении В. Все полученные модели, кроме модели, описывающей влияние ввозных таможенных пошлин являются статистически значимыми, что будет учитываться при проведении дальнейших аналитических расчетов.

Таблица 3.2 – Оценка качества регрессионной модели¹⁷⁶

Показатель	Модель	Свободный член	Таможенное бремя	ВВП
R	0,9052			
R ²	0,8194			
Нормированный R ²	0,7893			
Стандартная ошибка	492,3410			
Наблюдения	15			
Значимость F	3,46E-0,5			
В-коэффициенты		-5625,187	380,951	0,063
P-Значение по t-статистике		0,0008	8,8441E-06	5,4219E-0,5

На ее основе были определены показатели, характеризующие синхронности таможенных поступлений в бюджетную систему (таблица 3.3).

Таблица 3.3 – Результаты моделирования синхронности таможенных поступлений в доходы федерального бюджета с темпами роста ВВП, %¹⁷⁷

Поступления в бюджетную систему	Критерии	
	RI	V
Нефтегазовые доходы	29,03	8,92
Ненефтегазовые доходы	46,91	22,35
НДС на ввозимые товары	5,46	7,42
Ввозные таможенные пошлины	-12,31	9,28
Вывозные таможенные пошлины	74,01	10,68

По показателю изменчивости видно, что ненефтегазовые доходы тесно коррелируют с динамикой ВВП, а нефтегазовые в большей степени зависят от ценовой конъюнктуры на глобальных рынках сырья. Низкое значение относительных избыточных доходов по данной категории доходов связано с

¹⁷⁶ Источник: расчеты автора

¹⁷⁷ Источник: расчеты автора

аккумуляцией части экспортной выручки в резервном фонде, что подтверждает максимальное значение по вывозным таможенным пошлинам (74,01 %).

Расчет эластичности таможенных пошлин, исходя из формы уравнения регрессии (3.6), будет выглядеть следующим образом:

$$E_{CD} = \frac{E_{CD} - \beta q / T_{CD}}{\gamma GDP / T_{CD}} \quad (3.8)$$

Результаты расчетов по формуле (3.8) приведены в таблице 3.4.

Таблица 3.4 – Реакция федерального бюджета на изменения в таможенно-тарифной политике¹⁷⁸

Экономические агенты	Параметр эластичности	Значение эластичности
Вывозные таможенные пошлины	E_{ExCD}	1,23
Ввозные пошлины	E_{ImCD}	0,33
НДС на ввозимые товары	E_{NDS}	0,18

Как видно, все значения эластичности для таможенных пошлин положительны, при этом максимальный эффект по коэффициенту наблюдается для вывозных таможенных пошлин, что подтверждает их высокий фискальный эффект и демонстрирует высокую корреляцию с уровнем ВВП. Это еще раз подтверждает, что устойчивость бюджетной системы России во многом определяется динамикой нефтегазовых доходов. Низкий уровень влияния таможенных поступлений от импортных пошлин на бюджетную систему и на динамику ВВП можно объяснить следующими причинами. С одной стороны, фискальная роль ввозных таможенных пошлин значительно уступает как вывозным пошлинам, так и НДС на ввозимые товары, что объясняется вступлением России в ВТО и ЕАЭС. С другой стороны, регулирующая функция тарифной политики в отношении импорта, связанная с реализацией политики импортозамещения и решением других стратегических задач должна положительно влиять на динамику ВВП, но этот эффект будет проявляться в среднесрочном и долгосрочном периодах,

¹⁷⁸ Источник: расчеты автора

то есть в моделях необходимо учитывать лаговый эффект.

Для оценки синхронности динамики доходов консолидированного бюджета построим уравнение регрессии зависимости доходов бюджетной системы от ввозных и вывозных таможенных пошлин, а также НДС на ввозимые товары:

$$D_{kb} = \alpha + \beta T_{ip} + \gamma T_{ep} + \eta T_{NDS} \quad (3.9)$$

где

D_{kb} – доходы консолидированного бюджета РФ;

T_{ip} – поступления в бюджетную систему импортных таможенных пошлин;

T_{ep} – поступления в бюджетную систему экспортных таможенных пошлин;

T_{NDS} – поступления в бюджетную систему НДС на ввозимые товары;

$\alpha, \beta, \gamma, \eta$ – параметры уравнения регрессии.

Исходные данные в стандартизированном виде представлены на рисунке 3.1, оценка качества построенной модели в приложении Г.

В результате было получено следующее уравнение регрессии:

$$D_{kb} = -0,0471 - 0,2772T_{ip} + 0,2635T_{ep} + 1,2484T_{NDS} \quad (3.10)$$

Как видно, максимальный уровень синхронности с доходами бюджетной системы демонстрируют поступления от НДС на ввозимые товары. Это связано с тем, что уровень налогового бремени за анализируемый период оставался практически неизменным, так как ставка НДС была изменена только один раз в 2019 г. с 18 % до 20 %. Ввозные и вывозные таможенные пошлины, оставаясь основными инструментами таможенно-тарифного регулирования и подверженные влиянию институциональных факторов, рассмотренных во второй главе диссертационной работы слабо синхронизированы с доходами консолидированного бюджета, что видно, как из рисунка 3.1, так и значений β -коэффициентов уравнения регрессии.

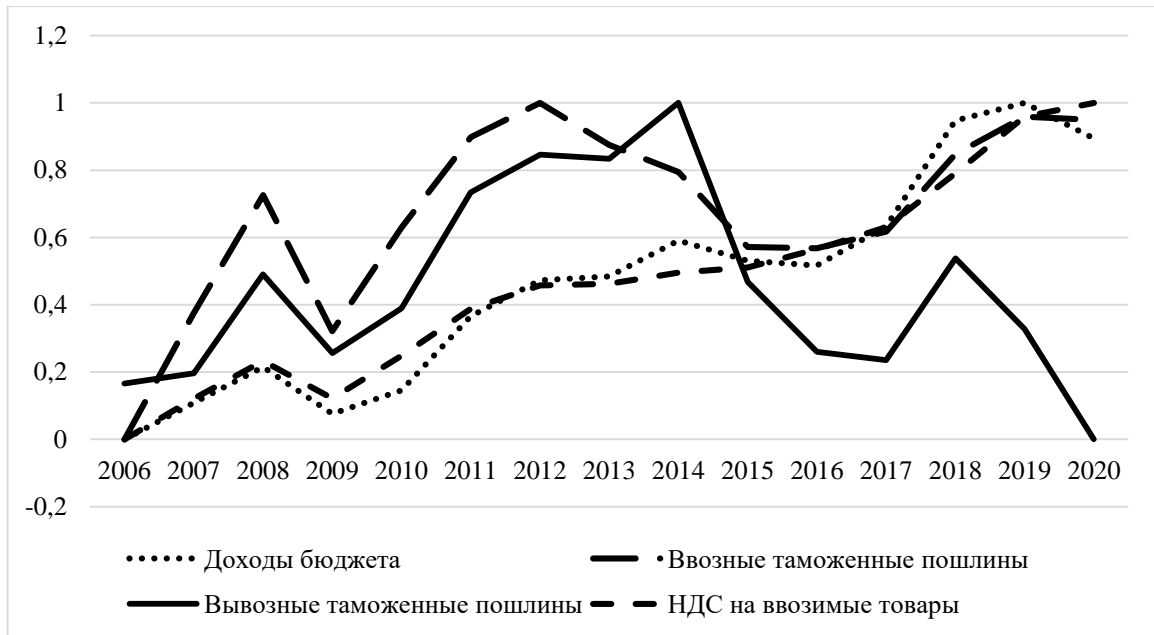

Рисунок 3.1 – Динамика синхронности доходов федерального бюджета в разрезе таможенных поступлений (стандартизированные значения), ед.¹⁷⁹

Полученная количественная оценка позволяет нам построить следующую матрицу для классификации фискальных поступлений в бюджетную систему по показателю его устойчивого развития (таблица 3.5).

Предложенная модель оценки влияния таможенных платежей на устойчивое функционирование бюджетной системы показала, что в национальной бюджетно-налоговой системе экспортные таможенные пошлины обладают высокой волатильностью и практически не оказывают влияния на экономический рост и поэтому практически не влияют на устойчивое функционирование бюджетной системы в долгосрочной перспективе. Экспортные таможенные пошлины негативно влияют на устойчивость бюджетной системы, и их доля в налоговой системе должна быть сведена к минимуму.

¹⁷⁹ Источник: расчеты автора по Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL:<https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczi> (дата обращения: 24.04.2021); Министерство Финансов РФ. Ежегодная информация об исполнении федерального бюджета [Электронный ресурс]. - URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_yanvarya_2006_g. (дата обращения: 20.04.2021)

Таблица 3.5 – Классификация таможенных поступлений¹⁸⁰

Устойчивость	Волатильность	
	Низкая волатильность	Высокая волатильность
Влияющие на устойчивость	НДС на ввозимые товары	Вывозные таможенные пошлины
Не влияющие на устойчивость	Ввозные пошлины	–

Результаты проведенных расчетов также показали, что увеличение таможенной пошлины не сдерживает экономическую активность, как можно было ожидать, а, наоборот, усиливает ее как для производителей и потребителей. Этот, на первый взгляд, нелогичный вывод согласуется с тем, что рост экономики приводит к увеличению инвестиционной активности в российской экономике, поэтому вследствие высокого уровня зависимости от импортных машин и оборудования, растут объемы импорта, т.е. увеличивается налогооблагаемая база. С другой стороны, когда бремя таможенных пошлин возрастает, производители и потребители пытаются компенсировать свои потери, проявляя большую активность.

Импортные таможенные пошлины не выполняют чисто фискальную функцию и зависят, в первую очередь, от политических императивов, поэтому их влияние на устойчивое развитие в бюджетной системе возможно в долгосрочном периоде, что требует более детального анализа, который будет проведен в следующем разделе диссертационного исследования. Также следует учитывать, что таможенные платежи оказывают неоднозначное воздействие на устойчивое развитие бюджетной системы, что связано с необходимостью решения с помощью таможенно-тарифных инструментов широкого спектра проблем экономического характера с долгосрочным эффектом. Это также требует более детального исследования данной проблемы, особенно в направлении поиска новых инструментов, позволяющих оценить нелинейное влияние шоковых воздействий на устойчивое развитие бюджетной системы.

¹⁸⁰ Источник: разработано автором

Таким образом, количественная оценка влияния фискальных поступлений на устойчивость бюджетной системы может быть использована в качестве подготовительного шага для подготовки изменений в таможенной политике государства с учетом существующих стратегических приоритетов. Для разработки более детальных рекомендаций необходимо повысить точность оценки влияния таможенно-тарифной политики на уровень экономической активности в разрезе отраслей и субъектов РФ, приняв во внимание последствия компенсации и замещения. Например, повышение таможенных пошлин на импортные товары может стимулировать процессы импортозамещения в российской экономике или высокие ставки таможенных пошлин для определенных групп товаров могут привести к снижению объемов их потребления за счет увеличения оборота других товаров. При этом оба варианта предполагают сокращение поступлений от импортных пошлин, но это падение может компенсировано за счет роста налоговых поступлений за счет увеличения экономической активности.

3.2 Оптимизация регулирующей функции таможенных пошлин в условиях внешнеэкономических интеграционных процессов

В работах международных организаций по изучению оценки влияния таможенных пошлин на экономику зачастую рассматривается такой показатель как фискальный импульс. Фискальный импульс должен отражать дискреционные изменения в налогово-бюджетной политике. Как следствие, данный показатель должен быть очищен от тех изменений баланса бюджета, которые происходят в силу перегрева в экономике или ее спада. Например, если экономика временно находится выше своего тренда и наблюдается рост налоговых поступлений, то важно понимать, является ли это следствием увеличения налоговой базы или же параллельно с данным эффектом растет налоговая нагрузка на экономику за счет соответствующих решений

правительства.

В таком случае расчет фискального импульса позволяет ответить на вопрос о том, является ли политика в данный момент контрциклической, проциклической или ациклической. При этом отметим, что на уровень экономической активности в экономике влияют именно дискреционные решения правительства (отраженные в величине фискального импульса), а не изменение фактического баланса в силу ускорения или замедления темпов экономического роста.

Далее будет рассмотрено понятие фискальный импульс и связанные с ним способы его расчета, описанные в документах МВФ. В работах МВФ показатель фискального импульса тесно связан с понятием курса налогово-бюджетной политики или термином «fiscal stance». Экспертами МВФ такой курс определяется следующим образом¹⁸¹:

$$FS_t = -CAB_t \quad (3.11)$$

где FS_t – курс налогово-бюджетной политики в периоде t , CAB_t – очищенный от цикличности баланс бюджета в периоде t .

Как видно, в случае отрицательности очищенного от цикличности баланса направление налогово-бюджетной политики положительно и ее курс определяется как стимулирующий. При положительном очищенном от цикличности балансе и, соответственно, отрицательном направлении фискальной политике ее курс определяется как сдерживающий. В случае нулевых значений политика считается нейтральной. Дополнительно отметим, что если скорректированный на цикл бюджетный баланс является отрицательным, но неизменным, то экономика не получает какого-либо дополнительного импульса со стороны бюджета. При этом формально в МВФ она определяется как стимулирующая (относительно ситуации сбалансированного бюджета, когда $CAB_t = 0$).

Как видно из таблицы 3.6 в Российской Федерации направленность бюджетной политики периодически менялась, однако на большей части

¹⁸¹ IMF. - Singapore Regional Training. Assessing Fiscal Policy and Debt Sustainability. 2018. 94 p.

анализируемого периода она была проциклической.

Таблица 3.6 – Направленность бюджетной политики по данным МВФ и ЕЭК¹⁸²

Год	Направленность (данные МВФ)	Направленность (данные ЕЭК)
2011	Ациклическая	Ациклическая
2012	Проциклическая	Проциклическая
2013	Проциклическая	Проциклическая
2014	Проциклическая	Ациклическая
2015	Проциклическая	Проциклическая
2016	Проциклическая	Контрциклическая
2017	Контрциклическая	Проциклическая
2018	Ациклическая	Ациклическая

В частности, проциклическость политики наблюдалась в 2012-2016 годах. Проциклическость была вызвана множеством факторов. Так, в 2012-2014 годах проциклическость политики была вызвана ростом расходов на фоне высоких цен на нефть, а в 2015-2016 годах стала результатом бюджетной консолидации. В последние годы анализируемого периода наблюдалось усиление контрциклическости бюджетной политики.

Стоит также отметить, что текущие выводы относительно направленности бюджетной политики достаточно сильно зависят от источника используемых данных. Например, по данным ЕЭК выводы относительно направленности бюджетной политики для Российской Федерации не совпадают с выводами по данным МВФ в следующие периоды: 2014 и 2016-2017 гг. Основной причиной расхождений выводов является отличие данных по доходным и расходным статьям между МВФ и ЕЭК.

В 2015-2016 гг. государственные расходы, которые частично

¹⁸² Источник: составлено автором по IMF Fiscal Monitor [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/FM> (дата обращения: 13.06.2021); Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. – Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2018 г. - 154 с.

финансировались государственными резервами от продажи нефти (например, в этот период сальдо поступлений в ФНБ было отрицательным) также сокращались. Однако в рамках самой структуры расходов (с учетом инвестиций в нефинансовые активы) сильных изменений за указанный период не произошло.

Для более точного описания фискальной политики страны предпочтительно использование понятия фискального импульса.

Фискальный импульс определяется как изменение в направлении фискальной политики, а именно как

$$FI_t = FS_t - FS_{t-1} \quad (3.12)$$

При отрицательном значении фискального импульса наблюдается бюджетная консолидация (*fiscal consolidation*). В случае положительного фискального импульса считается, что курс фискальной политики стал более стимулирующий.

Таким образом, определение фискальных импульсов напрямую зависит от очищенного от цикличности баланса бюджета.

Расчет структурного баланса предполагает корректировку фактического баланса по следующим компонентам: отклонение ВВП от своего тренда, отклонения ресурсных цен от своего тренда и значимых неперiodических операций. В общем виде фискальный импульс рассчитывается как:

$$FI_t = -(SB_t - SB_{t-1}) \quad (3.13)$$

где SB_t – это величина структурного баланса в момент времени t в процентах от трендового ВВП.

Так как при расчете величины структурного баланса корректировка происходит не только на колебания ВВП, но и на ресурсные цены, а также значимые неперiodические операции, то определение величины фискального баланса как изменения скорректированного на цикл баланса бюджета можно не проводить. Если структурный баланс увеличивается, то величина фискального импульса отрицательна и политика считается сдерживающей.

В то же время на этапе проведения корректировки на значимые непериодические операции из структурного баланса могут быть исключены в том числе и дискреционные меры фискальной политики. Поэтому на втором этапе рассчитанная ранее величина фискального импульса должна быть скорректирована на исключенные ранее дискреционные меры фискальной политики. Для этого необходимо проанализировать список значимых непериодических операций, и добавить к величине фискального импульса те, которые представляют собой дискреционные меры экономической политики:

$$FId_t = -(SB_t - SB_{t-1}) + Cor_t \quad (3.14)$$

где Cor_t – это корректировка на значимую непериодическую операцию в периоде t , которая содержала в себе последствие дискреционной меры экономической политики.

Так, например, если в качестве значимой непериодической операции ранее были исключены дополнительные доходы, связанные с продажей государственной собственности, то они не должны включаться в фискальный импульс. Если же в период t значимой непериодической операцией была признана некоторая дискреционная мера экономической политики, то она содержит в себе фискальный импульс и должна быть включена в соответствующий аналитический индикатор.

Так как для российского бюджета нефтегазовые доходы составляют существенную долю доходов бюджета целесообразно в дополнение к стандартному показателю фискального импульса рассчитать динамику его изменения без включения экспортных таможенных пошлин. Так, основными причинами роста структурных ресурсных доходов являются рост добычи, рост структурной цены и рост налоговой нагрузки из-за дискреционных изменений налоговой политики. Как следствие, рост структурной цены фактически может приводить к увеличению структурного баланса, хотя в данном случае отрицательного фискального импульса со стороны государства не происходит. Более того, связанный с добычей природных ресурсов сектор экономики во многом отличается от других секторов

экономики, что обуславливает необходимость анализировать, в том числе величину фискального импульса без учета ресурсных доходов бюджета.

Соответствующая оценка фискального импульса будет рассчитываться как:

$$FI_t^{wr} = -(SB_t^{wr} - SB_{t-1}^{wr}) \quad (3.15)$$

где SB_t^{wr} – это величина структурного баланса без учета ресурсных доходов бюджета.

Импульсы доходов и расходов могут быть рассчитаны аналогично суммарному фискальному импульсу как разница между структурными доходами или расходами относительно трендового ВВП текущего и прошлого периодов.

Максимальные значения фискальных импульсов, соответствующие проциклической политике были в 2008-2009 гг., что связано с преодолениями мирового финансового кризиса, следует отметить, что в 2015 г. и 2018 г. значения фискальных импульсов отрицательны, т.е. использование налоговых инструментов носило антициклический характер и это несмотря на то, что начиная с 2014 г. в российской экономике наблюдается стагнация и падение доходов населения (рисунок 3.2). Также следует отметить, что создание ЕАЭС в 2015 г. практически не оказало влияния на характер бюджетно-налоговой политики. На наш взгляд, это связано с тем, что национальная нормативно-правовая база, регулирующая фискальные отношения практически не изменилась, также остался неизменным перечень инструментов экономического и административного характера в системе бюджетно-налоговых отношений.

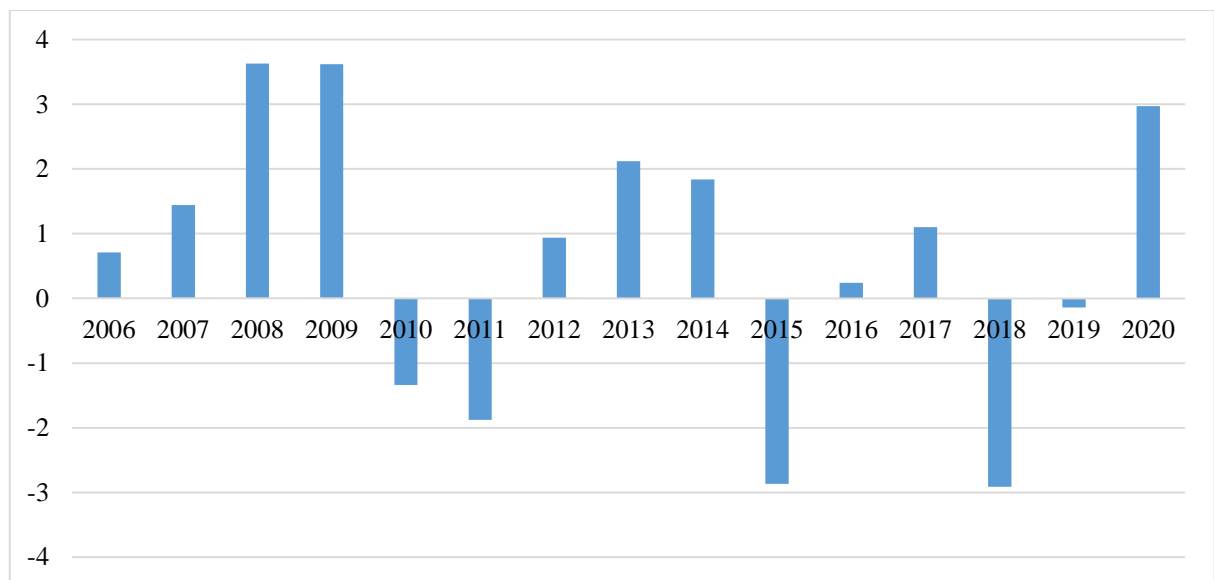

Рисунок 3.2 – Динамика значений фискального импульса, ед.¹⁸³

Для того, чтобы более точно оценить влияние фискальных инструментов на форсирование устойчивых темпов экономического роста и доходы бюджетной системы проанализируем показатель бюджетного мультипликатора.

В общем случае бюджетный мультипликатор представляет собой изменение ВВП в ответ на изменение величины государственных расходов или доходов на 1 денежную единицу¹⁸⁴. При этом МВФ отмечает, что чаще всего рассчитывает мультипликатор государственных расходов, а не доходов, так как последний имеет меньшее содержательное значение для макроэкономического прогнозирования. В то же время мультипликатор государственных расходов позволяет оценить эффекты стимулирующей бюджетно-налоговой политики или бюджетной консолидации для совокупного выпуска.

При этом исследования указывают на необходимость разграничения мультипликаторов государственных расходов разного типа. В частности, на основе метаанализа исследований бюджетных мультипликаторов выделили шесть показателей бюджета, для которых может быть оценен

¹⁸³ Источник: расчеты автора

¹⁸⁴ Batini N. et al. A simple method to compute fiscal multipliers. International Monetary Fund. 2014. 77 p.

мультипликатор¹⁸⁵: государственное потребление, государственные инвестиции, военные расходы, расходы на обеспечение занятости в государственном секторе, трансферты населению, а также снижение налогов.

Наиболее часто исследования разграничивают мультипликаторы государственного потребления и государственных инвестиций, при этом значение первого, как правило, выше. В статье¹⁸⁶ представлены несколько причин, объясняющих более высокое значение мультипликатора государственного потребления. Во-первых, капитальные блага имеют более длительный срок потребления, период их амортизации редко ограничивается одним периодом, в отличие от государственного потребления. Во-вторых, теневая стоимость капитала (*shadow value of capital*) слабо реагирует на дискреционные шоки государственных инвестиций, а инвестиционный спрос отличается высокой межвременной эластичностью замещения.

Соответственно, увеличение государственных инвестиций не приводит к увеличению домохозяйствами предложения труда, при этом происходит вытеснение частных инвестиций (*crowding out*). Проанализировав выборку из стран ОЭСР за период с 2003 по 2016 гг., Боэм получил оценку мультипликатора государственных инвестиций близкую к 0, а государственного потребления – на уровне 0,8¹⁸⁷.

Для любого показателя бюджета (расходов или их определенной категории, доходов) выделяют несколько видов мультипликаторов в зависимости от охватываемого временного горизонта¹⁸⁸.

Первый – мгновенный мультипликатор (*impact multiplier, IM*), который оценивает реакцию совокупного выпуска в период (как правило, квартал или год) дискреционного изменения государственных расходов:

$$IM = \frac{\Delta Y(t)}{\Delta G(t)} \quad (3.16)$$

где Y и G – величина ВВП и государственных расходов/доходов

¹⁸⁵ Gechert S., Will H. Fiscal multipliers: A meta regression analysis. IMK Working Paper. 2012. 114 p.

¹⁸⁶ Boehm C. Government consumption and investment: Does the composition of purchases affect the multiplier? // Journal of Monetary Economics. – 2019. pp. 24-38.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Spilimbergo M. A. et al. Fiscal multipliers. International Monetary Fund. 2009. 94 p.

соответственно.

Второй вид мультипликаторов (*SM*) оценивает реакцию совокупного выпуска на горизонте нескольких периодов после повышения/снижения государственных расходов или доходов:

$$SM = \frac{\Delta Y(t+N)}{\Delta G(t)} \quad (3.17)$$

где $Y(t + N)$ – величина ВВП через N периодов после дискреционного изменения государственных расходов или доходов.

Соответственно, расчет данного мультипликатора необходим при построении кратко- и среднесрочных макроэкономических прогнозов после текущего изменения бюджетно-налоговой политики.

Третий вид бюджетных мультипликаторов – пиковый (*peak multiplier*, *PM*) нацелен на выбор наибольшего значения мультипликатора в течение N периодов:

$$PM = \max_n \frac{\Delta Y(t+N)}{\Delta G(t)} \quad (3.18)$$

Соответственно, данный вид мультипликаторов позволяет оценить предельный максимальный эффект бюджетно-налоговой политики.

Четвертый выделяемый вид мультипликаторов – кумулятивный (*cumulative multiplier*, *CM*), который оценивает кумулятивную реакцию совокупного выпуска на изменение государственных расходов на более длинном горизонте анализа:

$$CM = \frac{\sum_{j=0}^T \Delta Y(t+j)}{\sum_{j=0}^T \Delta G(t+j)} \quad (3.19)$$

Именно кумулятивный бюджетный мультипликатор наиболее полезен для макроэкономического прогнозирования, однако МВФ отмечает, что его значение, как правило, более высокое в сравнении с перечисленными выше видами мультипликаторов.

В статье¹⁸⁹ представлен следующий подход для расчета кумулятивного мультипликатора:

¹⁸⁹ Pletzki E. et al. How big (small?) are fiscal multipliers? // Journal of Monetary Economics. – 2013. Vol. 60(2). pp. 239-254.

$$CM = \frac{\sum_{j=0}^T (1+i)^{-j} \Delta Y(t+j)}{\sum_{j=0}^T (1+i)^{-j} \Delta G(t+j)} \quad (3.20)$$

где i – медианное или среднее значение процентной ставки в выборке. Таким образом, такой подход позволяет определить чистую приведенную стоимость кумулятивного изменения ВВП в ответ на дискреционное изменение бюджетно-налоговой политики.

Для оценок структурного баланса Российской Федерации использовались данные МВФ на периоде 2006-2020 гг. При построении оценок структурного баланса (рисунок 3.3) учитывались следующие особенности бюджетной системы страны: высокая зависимость между ВВП и ценами на энергоресурсы (в частности нефти) и соответствующая зависимость фактического бюджета от цикла цен на нефть (например, в 2015 г. наметилась увеличивающаяся разница между структурным и фактическим балансом за счет падения цен на нефть), высокая доля ресурсных доходов в бюджете.

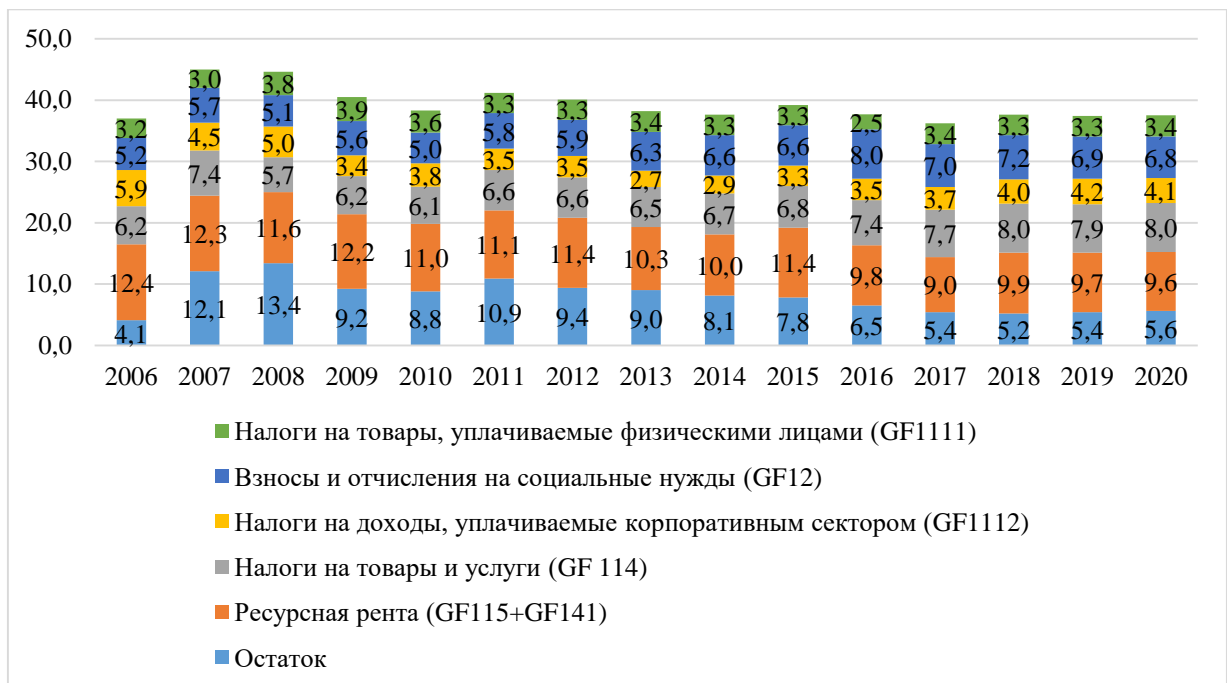

Рисунок 3.3 – Декомпозиция структуры доходов бюджета, % ВВП¹⁹⁰

¹⁹⁰ Источник: составлено по Министерству Финансов РФ. Ежегодная информация об исполнении федерального бюджета [Электронный ресурс]. - URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzhetadannye_s_1_yanvarya_2006_g. (дата обращения: 20.04.2021)

Анализируя отдельные доходные статьи бюджета в этот период, стоит сказать, что доля ресурсной ренты в трендовом ВВП сократилась с 11,4 % в 2015 г. до 9,8 % в 2016 г. (в том числе за счет снижения среднесрочной структурной цены на нефть – в целом можно отметить, что за весь анализируемый период видно, что отношение ресурсной ренты к трендовому ВВП начало снижаться с 2009 г.). При этом, начиная с 2015 г., в рамках структуры ресурсной ренты начала увеличиваться доля доходов от собственности (GF141 – прокси для поступлений по НДС). Это вероятно вызвано началом налогового маневра в нефтяной отрасли (снижение экспортных пошлин на нефть и рост НДС) в указанный период.

Также необходимо отметить, что создание ЕАЭС не оказало влияния на структуру доходов бюджетной системы. На наш взгляд, это связано с тем, что единое экономическое пространство подразумевает, прежде всего, унификацию инструментов внешнеэкономического таможенного регулирования и таможенно-тарифной политики стран-участниц ЕАЭС. Ряд вопросов, касающихся внутренних характеристик бюджетно-налоговой системы, например согласование косвенного налогообложения в части НДС и акцизов, остается нерешенными. В этой связи мы считаем, что рост влияния ЕАЭС на характеристики бюджетов стран-участниц ЕАЭС будет проявляться в долгосрочном периоде, по мере более тесной интеграции их экономических пространств.

Отдельно стоит остановиться на изменениях структурного баланса в 2011 г. и 2018 г. Так, в 2011 г. структурный баланс демонстрировал рост, в то время как разрыв выпуска находился на нулевом уровне. А в 2018 г. разрыв выпуска составил 0,5% при изменении структурного баланса на 3,12 %. В данной работе эти ситуации интерпретируются как ацикличность бюджетной политики в связи с тем, что нельзя точно предположить в какой период состояния экономики (перегрев или рецессия) были сделаны импульсы.

Другим достаточно интересным аспектом анализа направленности

бюджетной политики является то, что соотношение разрыва выпуска и фактического баланса, а также соотношение разрыва выпуска и структурного баланса могут приводить к разным результатам. Так, в случае с Российской Федерацией в 2015 г. изменение фактического баланса было отрицательным, а изменение структурного – положительным. В результате, с точки зрения фактического баланса бюджетная политика была контрциклической, а с точки зрения структурного – проциклической. Так как на показатель фактического баланса влияют краткосрочные ситуационные факторы, он может искажать реальную картину устойчивости государственного бюджета. Устранение циклической компоненты и анализ динамики структурного баланса позволяет выявить долгосрочные тренды развития государственных финансов.

Резкое снижение нефтяных цен с 98,9 долларов за баррель в 2014 г. до 52,4 долларов за баррель в 2015 г., а также введение санкций в отношении российской экономики привели к снижению фактического баланса (и его нахождению в отрицательном диапазоне в 2015-2017 гг.). Бюджетная политика в период 2015-2016 гг. также характеризовалась своей проциклическостью, как и в период 2012-2014 гг. Фактические доходы государства в указанный период снижались и были ниже, чем структурные доходы, то есть были ниже доходов, скорректированных на цикл развития экономики и цикл цен на нефть. В связи с этим возникла разница между положительными значениями структурного баланса и отрицательными значениями фактического баланса в период 2015-2016 гг.

В связи с достаточно высокой ролью нефтяного сектора в рамках доходов бюджета можно предположить, что структурная компонента цены на нефть может оказывать влияние на выводы относительно направленности бюджетной политике в стране. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть изменения оценок структурного баланса без учета ресурсных доходов. Так, обновленные оценки с корректировкой на структурную цену на нефть в целом приводят к тем же выводам относительно направленности

бюджетной политики в стране, за исключением 2017 г., когда по обновленным оценкам направленность бюджетной политики трактуется как ациклическая (изменение оценок структурного баланса составляет – 0,1 %).

В этой связи мы будем использовать подход, схожий с рассмотренной ранее работой¹⁹¹. Иными словами, для оценки бюджетных мультипликаторов мы применяем методологию¹⁹². При этом вместо стандартной предпосылки о том, что эластичность налогов по ВВП равна единице, а расходов – нулю, мы используем оцененные бюджетные эластичности государств-членов.

Использование структурных векторных авторегрессионных моделей SVAR-моделей при двух альтернативных предпосылках, используемых для идентификации дискреционных шоков, позволяет нам понять степень влияния данных предпосылок на получаемые оценки фискальных мультипликаторов. Это возможно за счет того, что в данных моделях текущие значения в рядах динамики зависят от своих ретроспективных значений. Также их использование позволяет обойти ограничения теоретического характера, которые возникают при использовании систем одновременных уравнений.

Отметим только, что оценки бюджетных мультипликаторов проводятся с использованием квартальных данных за 2006-2020 гг. Под доходами нами понимается сумма поступлений по статьям GF11 «Налоги», GF12, GF1415 «Рента». Другие статьи доходов не используются, так как не относятся к налоговой нагрузке на экономику и не влияют на ВВП или влияют в соответствии с совершенно иным (по сравнению с налогами) механизмом. Расходы определяются как сумма по статьям GF2 «Расходы» и GF31 «Чистые инвестиции в нефинансовые активы»¹⁹³.

Оценки бюджетных мультипликаторов по Российской Федерации

¹⁹¹ Hamer-Adams A. E.A. Quantifying fiscal multipliers in New Zealand: The evidence from SVAR models. // Reserve Bank of New Zealand. – 2018. 66 p.

¹⁹² Blanchard O., Perotti R. An empirical characterization of the dynamic effects of changes in government spending and taxes on output // The Quarterly Journal of Economics. – 2002. Vol. 117(4). – pp. 1329-1368.

¹⁹³ Маркировка статей включает аббревиатуру GF (government finance) и соответствующие коды классификации доходов и статей, установленным министерством финансов РФ (<https://bazanra.ru/minfin-rossii-informatsiia-ot01062020-h4775050/>).

представлены в таблице 3.7. Так как для расчетов брались квартальные данные, то в качестве лага в моделях были взяты 1 и 4 периода.

Таблица 3.7 – Результаты оценки бюджетных мультипликаторов с помощью SVAR-модели¹⁹⁴

Мультипликатор	Формула	Значение	Коэффициент модели	Стандартная ошибка
Мгновенный	$IM = \frac{\Delta Y(t)}{\Delta G(t)}$	0,987	–	–
Пиковый	$PM = \max_n \frac{\Delta Y(t+N)}{\Delta G(t)}$	0,115	–	–
Кумулятивный	$CM = \frac{\sum_{j=0}^T \Delta Y(t+j)}{\sum_{j=0}^T \Delta G(t+j)}$	0,488	–	–
Влияние доходов на ВВП	–	–	0,018	0,020
Влияние расходов на ВВП	–	–	0,033	0,012
Влияние доходов на расходы	–	–	0,009	0,007

Согласно результатам, оценки коэффициентов реакции ВВП на изменение государственных доходов и расходов характеризуются высокими стандартными ошибками относительно своих точечных оценок. Мультипликаторы доходов имеют неправильный знак. Мультипликаторы расходов максимальны в момент шока и являются положительными, однако сами значения мультипликаторов достаточно низкие. Таким образом, полученные в рамках SVAR-модели с использованием данных ЕЭК мультипликаторы не являются надежными и для Российской Федерации.

Полученные оценки бюджетных мультипликаторов свидетельствуют о том, что бюджетно-налоговая политика практически не оказывает влияния на экономический рост, как в краткосрочном, так и долгосрочном периодах. При этом для всех случаев стандартные ошибки оценок коэффициентов достаточно велики. Создание ЕАЭС также не оказало воздействия на

¹⁹⁴ Источник: рассчитано автором на основе Министерство Финансов РФ. Ежегодная информация об исполнении федерального бюджета [Электронный ресурс]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzhetadannye_s_1_yanvarya_2006_g. (дата обращения: 10.05.2021)

характер бюджетно-налоговой политики, структуру доходов и их динамику.

Полученные оценки пиковых и кумулятивных импульсов по расходам, также свидетельствуют, что государственные расходы оказывают незначительный эффект на формирование устойчивых темпов роста в кризисы только в краткосрочном периоде. Очевидно, что фискальные импульсы в российской экономике не оказывают того эффекта, на который рассчитывает правительство, что связано с рядом причин как объективного, так и субъективного характера. В любом случае проблема поиска эффективных фискальных инструментов противодействия негативным шокowym воздействиям посредством таможенно-тарифного регулирования требует поиска адаптивных инструментов, которые позволят не только минимизировать последствия кризисов в краткосрочном периоде, но и будут способствовать формированию траекторий устойчивого экономического роста и устойчивому развитию бюджетной системы.

3.3 Перспективные направления повышения резистентности федерального бюджета посредством формирования адаптивной таможенно-тарифной политики

Таможенная составляющая экономического пространства в разные исторические периоды играет ведущую роль во внешнеторговой политике стран, и особенно в рамках развития международных интеграционных процессов. Система таможенно-тарифного регулирования в условиях глобализации мировой экономики является открытой и диссипативной, поэтому и к инструментам ее реализации предъявляются дополнительные требования к их унификации и универсализации, а также высокого уровня транспарентности. Механизм таможенно-тарифного регулирования также должен соответствовать действующим стандартам в части гармонизации процедур таможенного администрирования и снижения уровня

административного давления на субъекты ВЭД. Одновременно с этим внедрение клиентоориентированных процедур таможенного контроля не должно снизить эффективность инструментов таможенного контроля.

Таможенные и тарифные ограничения являются основными сдерживающими факторами, оказывающими дестимулирующий эффект на международную торговлю. Одновременно с этим таможенно-тарифная политика и инструменты ее реализации играют важную роль в регулировании товарных потоков, стимулировании прямых иностранных инвестиций, решении долгосрочных задач экономического развития и т.д. Такая многовекторность целей и задач таможенно-тарифной политики характерна не только для России, но и большинства стран вне зависимости от уровня их экономического потенциала и располагаемого инструментария. Например, в США таможенно-тарифная политика представляет собой унифицированную на федеральном уровне совокупность форм и методов, способствующих решению задач долгосрочного устойчивого развития¹⁹⁵. В Бразилии таможенная политика – это совокупность инструментов, которые имеются в распоряжении государства, эффективное использование которых позволяет достичь оптимального налогообложения субъектов ВЭД, а также минимизировать издержки, связанные с таможенным оформлением товаров, ввозимых на территорию страны¹⁹⁶.

Таможенно-тарифная политика является центральным местом не только внешнеторговой политики государства, но и важным звеном функционирования бюджетно-налоговой системы. В этой связи возникает вопрос, каким образом ее трансформация повлияет на показатели бюджетной эффективности. Являясь по своим семантическим характеристикам комплексным понятием, целесообразно рассмотреть возможные положительные эффекты, связанные с возможностью формирования устойчивых и предсказуемых траекторий налоговых поступлений в

¹⁹⁵ Киреев, А.П. Международная макроэкономика: Учебник / А.П. Киреев. - М.: Международные отношения, 2014. - 592 с.

¹⁹⁶ Dorrucchi E. et al. The link between institutional and economic integration: Insights for Latin America from the European experience // Open economies review. - 2004. Vol. 15(3). pp. 239-260.

бюджетную систему, так как это позволит проводить долгосрочную экономическую политику и оптимизировать расходы государства. Таким образом, эффективность бюджетной системы рассматривается нами как ее возможность адекватно, своевременно и с минимальными потерями реагировать на экзогенные шоковые воздействия.

В этой связи оценка бюджетной эффективности предполагает анализ трансформации ставок таможенных пошлин, а также динамики и структуры экспортно-импортных операций. Также требуется детерминирование возможностей получения отечественными производителями дополнительных преимуществ на местных рынках, что позволит в долгосрочном периоде повысить уровень налогового потенциала. С этих позиций представляется справедливой позиция, что таможенно-тарифная политика оказывает важное воздействие и на развитие внутренних рынков¹⁹⁷. При этом появление новых дисбалансов в мировой торговле, рост влияния шоковых воздействий, усложнение системы взаимоотношений между субъектами привело к коренной трансформации методов таможенного администрирования: трансформировались формы таможенного контроля по отношению к импортерам и экспортерам; дополнена нормативно-правовая база в отношении защиты имущественных прав.

Для бюджетной системы РФ, важнейшим условием обеспечения стабильного развития является отслеживание, анализ и учет мировых экономических тенденций, как при формировании программных документов стратегического характера, так и при утверждении проекта федерального бюджета на очередной финансовый год.

Анализируя множественность изменений, происходящих в мире, оказывающих влияние на функционирование экономики отдельных стран и их совокупности представляется целесообразным использовать ряд классификационных признаков, позволяющих группировать мировые вызовы

¹⁹⁷ Bacchetta M. et al. A practical guide to trade policy analysis. - Geneva, CH: World Trade Organization, 2012. 232 p.

(тенденции) по содержанию, направлению и значимости для экономического развития РФ.

Исходя из результатов проведенного исследования выделено четыре классификационных признака, на основе которых все рассмотренные экзогенные шоки будут разделены по соответствующим группам:

1) по потенциалу влияния:

– актуальные – оказывающие влияние на экономику России в настоящее время;

– потенциально актуальные – способные оказывать влияние на экономику России в будущем;

– не актуальные – не оказывающие и не способные оказывать влияние на экономику России в будущем;

2) по масштабу (уровню):

– глобальные – оказывающие влияние на все или на большинство стран мира;

– региональные – оказывающие влияние на группу стран, характеризующихся территориальной близостью;

3) по предметно-содержательной составляющей:

– технико-технологические – инновационные преобразования, основанные на синтезе науки, технологий и управления, повышающие эффективность производства и уровень благосостояния экономики;

– социальные – перемены, происходящие внутри социальных систем и во взаимоотношениях между ними, или в обществе в целом;

– геополитические – развитие политических отношений в их пространственном взаимоотношении, а также в их влиянии на экономическую и иные составляющие общества;

– внешнеторговые – связанные с изменением совокупности внешнеторговых операций между странами и правил их осуществления;

– финансовые – обусловленные изменением объема, качества и направлений движения финансовых ресурсов между государствами;

- бюджетно-фискальные – перемены, связанные с деятельностью правительств крупнейших стран мира, либо их объединений, по изменению государственных расходов, налогообложения и состояния бюджета, оказывающие влияние на основные макроэкономические показатели;
 - структурные – изменения, связанные с изменением соотношения отдельных отраслей и видов деятельности в рамках мировой экономик;
- 4) по направлению влияния на экономику стран-членов ЕАЭС:
- положительные;
 - нейтральные;
 - отрицательные.

Проведенный в диссертационном исследовании анализ ключевых вызовов развития внешней торговли позволил определить основные тренды, влияние которых на динамику таможенных поступлений в бюджетную систему РФ будет основополагающим:

- опережающий рост развивающихся стран по сравнению с развитыми, что позволяет рассматривать их как новые центры экономического влияния;
- наличие противоречивых тенденций, выраженных усиление международной экономической интеграции с одной стороны и ростом «нового протекционизма» с другой;
- преобладание длинных цепочек добавленной стоимости на глобальных рынках высокотехнологичной продукции;
- использование информационно-консультационных систем в деятельности ТНК.

Масштаб внешнеторговых операций, выраженный через совокупный мировой экспорт, за последние двадцать лет вырос более чем в три раза с 6,5 млрд долл. в 2000 г. до 19,9 млрд. долл. в 2020 г.¹⁹⁸ Необходимо отметить, что еще более быстрыми темпами увеличивался экспорт услуг – 1,6 млрд

¹⁹⁸ UN Comtrade Database [Электронный ресурс]. – URL: <https://comtrade.un.org/> (дата обращения: 26.03.2021)

долл. и 5,8 млрд долл. соответственно. Несмотря на то, что в структуре экспорта удельный вес услуг растет, тем не менее, он все еще ниже экспорта товаров по состоянию на 2020 г. в 3,5 раза. Еще одной тенденцией мировой торговли стал резкий рост доли развивающихся стран, которые обеспечили более 50 % общемировых темпов роста. Это подтверждается и данными ВТО, в соответствии с которыми в 2017 г. импорт товаров из таких стран вырос на 13% и составил 7,14 трлн. долл.¹⁹⁹ Темпы роста экспорта товаров развивающихся стран превысили темпы роста развитых экономик практически в два раза. При этом сфера услуг росла более высокими темпами, чем экспорт товаров (таблица 3.8).

Таблица 3.8 – Динамика экспорта по группам стран (в соответствии с классификацией ЮНКТАД), млрд. долл.²⁰⁰

Наименование показателя	2000 г.	2018 г.	2018 / 2000, раз
Экспорт товаров			
Развивающиеся экономики	2043	8685	4,25
Экономики переходного периода	147	677	4,60
Итого	4190	10113	2,41
Экспорт услуг	-	-	-
Развивающиеся экономики	361	1738	4,80
Экономики переходного периода	20	137	6,85
Итого	1564	5845	3,73

С учетом проведенного в первой главе диссертационной работы анализа экономико-математических методов, используемых для оценки влияния экономических шоков на устойчивое развитие бюджетной системы, нами разработана концептуальная модель повышения уровня устойчивого развития бюджетной системы на основе трансформации инструментов таможенно-тарифного регулирования, направленных на реализацию фискальной и регулирующей функции таможенных пошлин.

При разработке данной модели особое внимание необходимо уделить специфике внешнеторговой деятельности РФ, а также глобальным трендам

¹⁹⁹ WTO. Data [Электронный ресурс]. - URL: <https://timeseries.wto.org/> (дата обращения: 24.03.2021)

²⁰⁰ Источник: составлено по База данных ЮНКТАД [Электронный ресурс]. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/About.html> (дата обращения: 16.05.2021).

развития мировой экономики (рисунок 3.4).

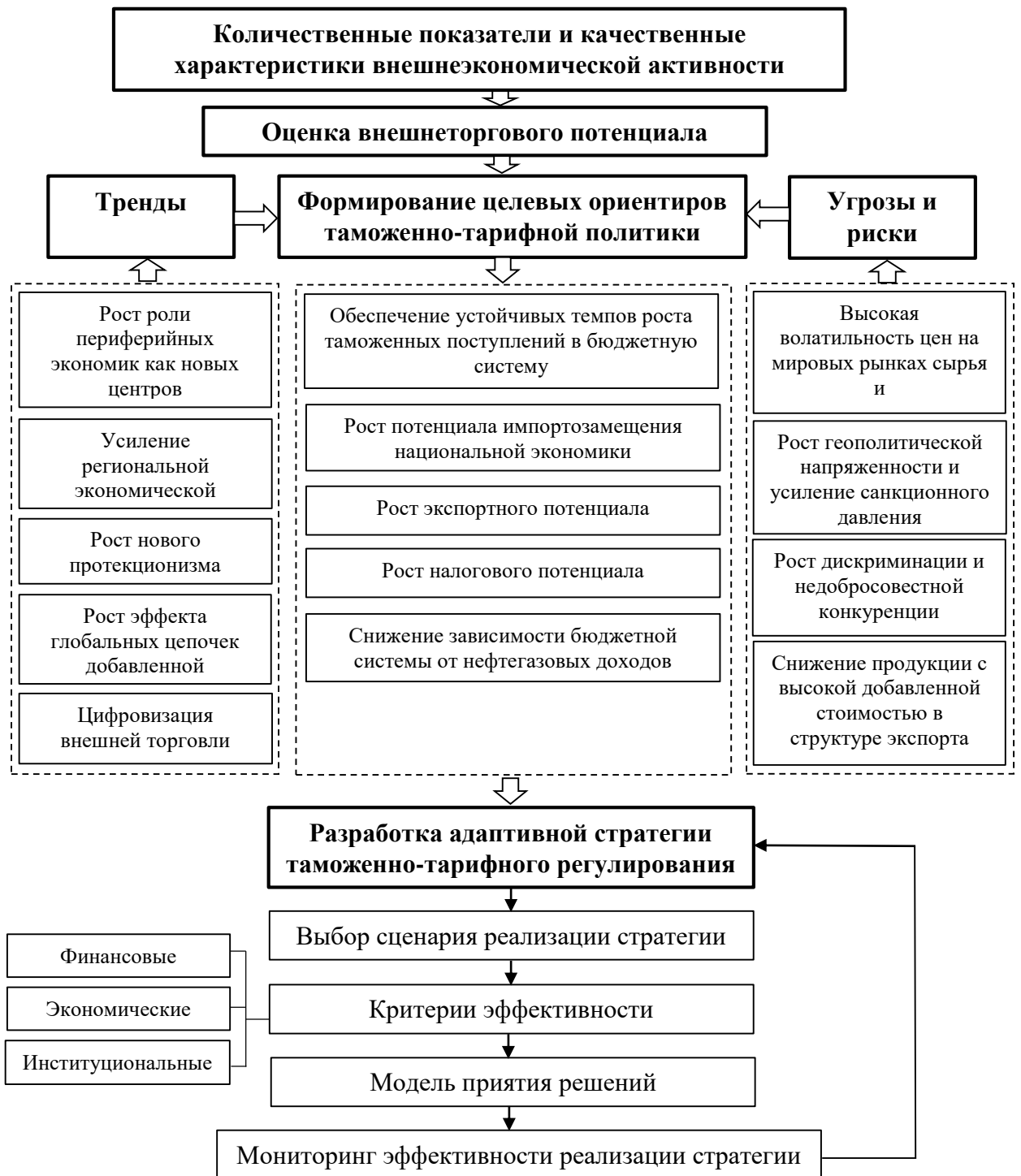

Рисунок 3.4 – Механизм реализации таможенно-тарифной политики обеспечения роста доходов федерального бюджета²⁰¹

Поэтому сценарные условия достижения запланированных значений

²⁰¹ Источник: разработано автором по результатам исследования

показателей, характеризующих устойчивое развитие бюджетной системы должны учитывать влияние внутренних и внешних шоков, которые могут оказывать воздействие на таможенно-тарифную политику в целом и динамику таможенных поступлений в частности. Адаптивная таможенно-тарифная политика должна оперативно реагировать на экзогенные и эндогенные шоки и являться одним из основополагающих инструментов устойчивого развития бюджетной системы России.

В основе любой стратегии лежат целевые ориентиры, обеспечивающие количественную и качественную оценку как самого процесса достижения траектории устойчивого развития бюджетной системы, так и трансформации таможенно-тарифной политики в направлении реализации фискальной и регулирующей функций таможенных пошлин. При этом следует учитывать уже принятые документы стратегического характера, где ряд ключевых индикаторов определен.

В этой связи концептуальная модель повышения уровня устойчивого развития бюджетной системы на основе трансформации инструментов таможенно-тарифного регулирования должна учитывать глобальные тренды, сформировавшиеся в мировой экономике: опережающий рост развивающихся стран по сравнению с развитыми, что позволяет рассматривать их как новые центры экономического влияния; наличие противоречивых тенденций, выраженных усиление международной экономической интеграции с одной стороны и ростом «нового протекционизма» с другой; преобладание длинных цепочек добавленной стоимости на глобальных рынках высокотехнологичной продукции; цифровизация внешней торговли.

Для формализации предлагаемой концепции введем понятие «индикативный план», под которым понимается совокупность ключевых показателей количественного и качественного характера, достижение которых имеет заданный горизонт прогнозирования в интервале $[0, t]$. В этом случае индикативные показатели будут лежать в следующем интервале:

$$q_i^{\min}(t) \leq q_i(t) \leq q_i^{\max}(t), \quad i = 1, 2, \dots, n. \quad (3.21)$$

где q_i – целевые значения индикативных показателей;

$[q^{\min}, q^{\max}]$ – заранее определенные нижняя и верхняя границы интервала.

Для определения границ, в пределах которых должны лежать значения целевых ориентиров возможно использование моделей поливариантного прогнозирования или в случае отсутствия достаточного массива статистических данных целесообразно воспользоваться методом экспертных оценок²⁰². Главное, чтобы соблюдалось условие отражения сбалансированного развития внешней торговли РФ на основе реализации таможенно-тарифной политики, результатом чего станет повышение прогнозируемости динамики таможенных платежей, так как снизится влияние внешних и внутренних шоковых воздействий. В итоге уровень устойчивого развития бюджетной системы повысится и будет соответствовать заданным целевым ориентирам.

Наличие интервальных значений индикативных показателей, лежащих в заданных границах превращает задачу построения прогнозной модели в задачу ситуационного анализа с поливариантными трендами. Для этого требуется определить наиболее вероятные варианты развития ситуации $B(t)$ и траектории изменения целевых характеристик:

$$Q(t) = M(B(t)), \quad B(t) \subset B_0, \quad t \in [0, T], \quad (3.22)$$

где M – модель, описывающая основные параметры и процессы функционирования бюджетной системы;

B – наиболее вероятный вариант развития бюджетной системы;

Q – совокупность траекторий развития и значений целевых характеристик;

t – горизонт планирования.

В этом случае детерминирование вероятности достижения

²⁰² Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования (Часть 2) / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских, Н.А. Рычкова, И.Ю. Сластихина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 352 с.

запланированных значений индикативных показателей является задачей поливариантного прогнозирования, где поиск оптимального варианта развития $U^*(t)$ осуществляется с учетом отобранных показателей и их значений, лежащих в заданном диапазоне.

Особенность такого оценивания и прогнозирования траекторий устойчивого развития бюджетной системы состоит в том, что показатели, характеризующие, таможенно-тарифную политику не имеют однозначной трактовки, что, приводит к проблеме их идентификации с учетом заданных границ. Например, повышение импортных пошлин или введение иных протекционистских мер в рамках реализации политики импортозамещения снизят уровень конкурентоспособности импорта по ценовым параметрам и в среднесрочной перспективе приведет к снижению уровня зависимости от иностранных товаров, но с другой стороны рост цен приведет к снижению платежеспособного спроса, что отрицательно повлияет на уровень жизни населения. Такой же неоднозначной ситуация будет и с поступлениями таможенных пошлин в бюджетную систему. В краткосрочном периоде возможен рост таможенных поступлений, но в дальнейшем за счет сокращения объемов импорта платежи в бюджет упадут. Однако, если процесс импортозамещения будет запущен, то рост отраслевого налогового потенциала компенсирует выпадающие доходы от ввозных таможенных пошлин и на устойчивость функционирования бюджетной системы влияния не окажет. Но если политика такого селективного протекционизма не сработает, то доходы бюджетной системы сократятся.

Это требует детерминирования количественных и качественных характеристик реализации стратегии S на основе оценки волатильности целевых ориентиров. Для этого необходимо оценить уровень отклонений фактических значений индикативных показателей от их оптимальных траекторий, рассматривая эти отклонения как функции возможных к реализации сценариев развития:

$$S = \sum_{i=1}^n S_i, \quad (3.23)$$

где

$$S_i = \begin{cases} 0, \text{ если } q_{minj} \leq q_{maxj} \\ (q_{minj} - \frac{q_i(T)^p g_{1i}}{m_i}), \text{ если } q_{minj} > q_i(T) \\ (q_i(T) - \frac{q_{maxj(T)}^p g_{2i}}{m_i}), \text{ если } q_i(T) > q_{maxj} \end{cases} \quad (3.24)$$

где S_i – возможные потери, связанные с потенциальными отклонениями значений целевых ориентиров от запланированных траекторий на заданном горизонте;

g_{1i} , g_{2i} – средневзвешенные значения для коэффициентов i -го показателя.

Когда значение целевого показателя не принадлежит заданным границам интервала, то коэффициент $g_i = 0$.

При разработке таможенно-тарифной политики на долгосрочную перспективу необходимо особый акцент делать на использовании инструментов превентивного и проактивного характера, т.е. не только реагировать и адаптироваться под происходящие изменения, но и предупреждать их. Результатом этого станет рост устойчивости функционирования бюджетной системы и позволит в долгосрочной перспективе повысить ее резистентность к воздействию экзогенных шоков.

Учитывая то, что таможенно-тарифная политика должна учитывать долгосрочные приоритеты развития ЕАЭС до 2030 г., утвержденные соответствующим решением от 16 октября 2015 г. № 28, мы предлагаем следующие меры, которые будут способствовать усилению экспортного потенциала и росту конкурентоспособности отечественных товаров на глобальных рынках.

Следует отметить, что предлагаемые меры являются универсальными и будут способствовать устойчивому развитию не только бюджетной системы, но национальной экономике, а их актуальность и необходимость реализации возросла вследствие обострения геополитической обстановки и структурных преобразований в мировой экономике. Если данные меры применять в

комплексе, то это позволит не только минимизировать ущерб от торговых войн, дискриминации и нечестной конкуренции, усиления санкционного давления, но и создаст предпосылки для дальнейшей интеграции государств-членов ЕАЭС, а также возможности использования стратегии проактивного развития при формировании внешнеторговых отношений с другими странами.

В качестве примера можно проанализировать возможные варианты действий России в рамках ЕАЭС в ответ на рост тенденций в использовании разными странами мер «нового протекционизма». В качестве наиболее перспективных направлений следует выделить:

- формирование сети зон свободной торговли;
- более активное налаживание отношений с незападными институтами развития;
- модернизация институциональной базы ЕАЭС;
- реализация крупномасштабных инвестиционных проектов с зарубежными партнерами.

Торговая война, которая развернулась между США и Китаем и создает для Российской Федерации и других стран, активно участвующих в международной торговле и разделении труда новые шансы для получения дополнительных преимуществ. В этом случае государства-члены ЕАЭС не исключение, но следует учитывать несопоставимость масштабов экономик по сравнению с ведущими странами, что требует поиска отдельных ниш и сегментов на глобальных рынках. Помимо влияния экзогенных и эндогенных шоков, последствия которых были детально описаны во второй главе диссертационной работы данное, усугубляет ситуацию несовершенство инструментов стимулирования внешнеэкономической активности, что также усложняет доступ российских экспортеров на глобальные рынки с высоким уровнем конкурентной борьбы и высокой добавленной стоимостью.

С учетом этого мы предлагаем следующие меры, которые будут способствовать качественному улучшению взаимосвязей на глобальных

рынках, максимальный эффект от которых будет достигнут в случае их комплексного применения с учетом стратегических приоритетов развития ЕАЭС.

В настоящее время действующие региональные центры, содействующие и стимулирующие экспорт, хотя и занимаются мониторингом глобальных рынков, но их возможности весьма ограничены, поэтому основной акцент они делают на анализе административных барьеров, которые мешают отечественным экспортерам осуществлять внешнеэкономическую деятельность. Предлагаемый подход является универсальным и может использоваться всеми государствами-членами ЕАЭС и преимущественно направлены на поиск новых ниш, которые отечественные экспортеры могут занять в результате последствий торговых войн. Рассматривая эти возможности и способы достижения поставленных целей, на наш взгляд, наиболее эффективно оценивать потенциальные выгоды от торговых войн на тех рынках, где отечественные производители уже присутствуют в той или иной мере.

Рассмотрим возможность получения российскими экспортерами дополнительных преимуществ в рамках торговой войны между Китаем и США. В работе С.П. Глинкиной и др.²⁰³ было продемонстрировано, что критерию масштаба и возможности замещения отдельных товаров с учетом динамики внешнеторговых потоков Китая, только Россия и Казахстан могут в определенной мере заместить США на отдельных рынках, преимущественно сырьевых и сельскохозяйственной продукции (таблица 3.9).

В отношении сырьевых ресурсов и мороженой рыбе Россия и Казахстан могут не только заместить экспорт из США, но и увеличить поставки превысив прежний уровень, тогда как по сельскохозяйственной продукции (соевым бобам, пшенице и меслину) увеличить поставки удастся

²⁰³ Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. М.: Институт экономики РАН, 2018. С. 14-20.

только до уровня, не превышающего поставки из США.

Таблица 3.9 – Ранжирование товаров по темпам роста экспорта в КНР в случае сокращения экспорта из США более чем на 100 млн. долл.²⁰⁴

Категории товаров	Уменьшение импорта из США	Увеличение экспорта из ЕАЭС	Доля ЕАЭС в китайском импорте	Основной поставщик среди стран Союза
Газы нефтяные и углеводороды газообразные	-466 878 848	1 244 789 484	3,3%	Казахстан
Рыба мороженая	-154 236 034	456 904 720	38,2%	РФ
Руды и концентраты медные	-238 548 510	328 432 095	5,1%	Казахстан
Соевые бобы	-6 880 295 056	98 094 481	0,7%	РФ
Пшеница и меслин	-278 107 506	54 825 629	2,1%	Казахстан

Ключевой проблемой, которую необходимо будет решить, является преодоление фитосанитарных барьеров, мешающих наращиванию внешнеторговых потоков сельскохозяйственной продукции между Россией и Китаем. Если та проблема не будет решена, то транзакционные издержки российских экспортеров вырастут и в итоге более конкурентоспособной будет продукция из стран, которые уже занимают определенную долю китайского рынка и к моменту введения дополнительных ограничительных мер смогут занять освободившиеся ниши без значительных затрат. Например, Бразилия уже смогла увеличить поставки соевых бобов в Китай на 40 %, что позволило бразильским экспортерам занять около 70 % всего китайского рынка, а в стоимостном выражении выручка компаний выросла более чем на 8 млрд долл.

Таким образом, можно сделать вывод, что производители сельскохозяйственной продукции из стран-членов ЕАЭС не смогли воспользоваться в полной мере последствиями торговой войны. В основном это связано низким уровнем консультационной поддержки отечественных экспортеров, отсутствием специализированных торговых соглашений между Россией и Китаем, а также отсутствием зоны свободной торговли между

²⁰⁴ Источник: составлено по Глинкина С.П. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России / С.П. Глинкина и др. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – С. 14-20.

странами. Также необходимо учитывать, что в структуре внешнеторговых потоков удельный вес сельскохозяйственной продукции занимает низкую долю, поэтому заместить освободившиеся рыночные сегменты в краткосрочном периоде российские производители не могут.

В этой связи перспективным направлением стимулирования внешнеэкономической активности может стать создание системы превентивного мониторинга глобальных рынков на предмет поиска потенциальных рыночных ниш для российских экспортеров в случае обострения политической ситуации и введение нетарифных барьеров для отдельных стран.

Как отмечают отдельные авторы, в настоящее время анализ нетарифных ограничений преимущественно осуществляется в отношении товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, а не в разрезе отдельных стран²⁰⁵. Переместив акцент на поиск новых конкурентных преимуществ, именно в разрезе стран в среднесрочной перспективе может стать эффективным инструментом поддержки отечественных экспортеров. Данная система мониторинга должна будет включать следующие составляющие:

– комплексный анализ политических и экономических решений государств в отношении других стран: если нетарифные или паратарифные барьеры будут касаться всех стран, то, очевидно, российские экспортеры не смогут получить дополнительных преимуществ, а если введенные ограничения будут касаться отдельных государств или группы стран, то в этом случае требуется проведение детального анализа для оценки потенциальных преимуществ, которые могут получить отечественные экспортеры и что необходимо сделать органам государственной власти для стимулирования внешнеэкономической активности;

– мониторинг отраслевых комплексов в третьих странах в контексте

²⁰⁵ Apergis N., Lyroudi K., Vamvakidis A. The relationship between foreign direct investment and economic growth: evidence from transition countries // Transition Studies Review. 2008. Т. 15. №. 1. С. 37-51.

влияния введенных внешнеторговых ограничений на деятельность компаний и выявление максимально пострадавших секторов от торговых войн;

– оказание консультационной поддержки российским экспортерам для принятия решений о расширении экспорта в случае появления новых рыночных ниш в отраслевом разрезе или по отдельным категориям товаров. Для российских экспортеров, которые уже присутствуют на этих рынках, целесообразно оказывать поддержку в решении задачи по увеличению их рыночной доли. В этом случае уровень консультационной поддержки будет минимальным, так как компании уже знакомы со спецификой рынков и внешнеэкономической деятельности. Если же открываются возможности по входу на новые рынки, то в этом случае консультационные услуги должны оказываться в максимально возможном объеме с целью минимизации издержек входа, нивелирования возможных рисков и особенностей ведения внешнеэкономической деятельности.

В качестве примера эффективного применения практически аналогичного подхода можно рассмотреть систему мониторинга, действующую в ЕС. В рамках действующих соглашений и инструментов взаимодействия в сфере внешней торговли в европейских странах существует единая база данных, позволяющая проанализировать специфику доступа европейских компаний экспортеров на зарубежные рынки, а также есть возможность по кооперации между компаниями для осуществления ВЭД в рамках системы Market Access Partnership.

Основными целями и задачами стимулирования ВЭД в ЕС в рамках данного подхода являются следующие:

- создание единой консультационной системы поддержки европейских экспортеров, облегчающих их доступ на глобальные рынки;
- поиск приоритетных направлений расширения масштабов ВЭД;
- анализ тарифных и паратарифных барьеров, действующих на зарубежных рынках и путей их преодоления;
- анализ практики использования действующих преференциальных

соглашений и возможности их использования для дальнейшего стимулирования ВЭД.

Таким образом, рост геополитической напряженности, введение протекционистских мер поддержки отечественных производителей с одной стороны создает новые риски для участников ВЭД и усложняет процедуры прохождения таможенных процедур, но с другой приводит к возникновению потенциальных выгод и новых преимуществ. Для того, чтобы российские экспортеры смогли воспользоваться этими возможностями со стороны органов государственной власти необходимо создание единого унифицированного органа консультационной поддержки отечественных экспортеров и системы мониторинга глобальных рынков не только в разрезе ТН ВЭД или отраслевых комплексов, но и отдельных стран.

В данном контексте можно рассмотреть и влияние последствий коронавирусной эпидемии на мировую экономику и внешнеторговые связи и потенциальные возможности, которые открываются для Российской Федерации:

– большинство стран, как развитых, так и развивающихся уже усилили меры по защите внутренних рынков с целью минимизации негативного ущерба, связанных с коронавирусной эпидемией. Можно говорить о том, что наряду с «новым протекционизмом» стали активно использоваться классические инструменты по защите производителей;

– основным последствием пандемии стало обвальное сокращение спроса и предложения, нарушению логистических цепей поставок и возникновению дефицита по отдельным товарным категориям не только медицинского назначения. Преодоление этих негативных последствий для России возможно за счет роста надежности глобальных цепей поставок на основе стимулирования создания новых и развития существующих цепочек добавленной стоимости в рамках ЕАЭС.

Таким образом, адаптивная таможенно-тарифная политика, учитывающая существующие глобальные тренды и способная оперативно

реагировать на экзогенные и эндогенные является одним из основополагающих инструментов устойчивого развития бюджетной системы России. Даже такие негативные явления как санкции или торговые войны возможно использовать как дополнительные стимулы для роста конкурентоспособности отечественной продукции на глобальных рынках, диверсификации экспорта и увеличения объемов внешнеторговых операций.

Таможенно-тарифная политика с учетом сложившихся обстоятельств объективного и субъективного характера должна способствовать трансформации шоковых воздействий в поиске новых преимуществ и стимулировании использования инструментов экономического и административного характера для усиления интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и других наднациональных объединений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бюджет, являясь базовым институтом функционирования государства, в силу специфики выполняемых задач должен рассматриваться как открытая диссипативная система, эффективность функционирования которой проявляется в сохранении траекторий устойчивого развития в условиях повышенной макроэкономической волатильности и негативных шоковых воздействий. В этой связи особую важность приобретает анализ «устойчивости» как важной характеристики бюджетной системы, определяющей конкретную реакцию финансовой подсистемы государства на повышенную макроэкономическую волатильность. Устойчивое развитие бюджетной системы основано на учете неопределенности, непредсказуемости и хаотичном характере прогнозных сценариев, а также разработке и поиске таких инструментов дискреционного характера, которые будут эффективны в краткосрочном периоде для нейтрализации негативных шоковых воздействий в краткосрочном периоде и способствовать формированию траекторий устойчивого развития бюджетной системы в долгосрочном. С учетом этого были выделены пять критериев, определяющих поведенческие характеристики бюджетной системы и которые в совокупности позволяют детерминировать ее структуру и реакции на шоковые воздействия:

- наличие детерминированной границы между экзогенными факторами и эндогенной средой, формирующей реакции федерального бюджета на внешние изменения;
- возможность однозначно определить компоненты бюджетной системы, что позволяет оценить ее эмерджентность;
- сопоставимость элементов бюджета, связанных с реализацией фискальной функции, по отношению к регулирующей функции;
- возможность формализации подсистемы федерального бюджета с помощью унифицированных параметров, что позволит учитывать

динамические характеристики бюджетной системы;

– стремление бюджетной системы в долгосрочном периоде к состоянию стационарного равновесия, что позволяет определить фиксированные соотношения системных переменных.

Эффективная таможенно-тарифная политика должна адекватно реагировать на новые вызовы, обеспечивать возможность своевременного и непрерывного прогнозирования возможностей, рисков, траекторий и условий достижения устойчивого развития бюджетной системы. В данном контексте цели таможенно-тарифной политики целесообразно объединить в три группы: экономические, регулятивные и цели правоприменения. Это позволило нам рассмотреть таможенно-тарифную политику как одну из ключевых составляющих устойчивого развития бюджетной системы в комплексе с учетом специфики процессов и более точно определить роль фискальной и регулирующих функций.

Фискальная функция таможенно-тарифного регулирования прямо воздействует на устойчивое развитие бюджетной системы в краткосрочном периоде, так как сбалансированный бюджет способствует минимизации бюджетных рисков. В долгосрочной перспективе ключевую роль играет укрепление налогового потенциала, основанного на регулирующих функциях. При этом необходимо учитывать, что инструменты таможенно-тарифного регулирования активно используются для формирования экономической и социальной безопасности страны, вариативность которых связана с формированием глобальных трендов в мировой экономике: обострением глобальной конкуренции с одной стороны и появлением «нового протекционизма» с другой.

Проведенный анализ позволил детерминировать экзогенные и эндогенные шоки, влияющие на устойчивое развитие бюджетной системы:

- внешние экономические (высокая волатильность нефтяных котировок на мировых рынках и мировой финансовый кризис);
- внешние неэкономические (геополитические факторы, санкционное

давление и антисанкции);

- внутренние экономические (реформа налогообложения ТЭК и девальвация национальной валюты);

- внутренние неэкономические (вступление России в ВТО, создание ЕАЭС).

Разнонаправленный характер влияния шоков связан с причинами и особенностями их возникновения. При этом необходимо учитывать, что они часто накладываются друг на друга, что приводит к мультиплицирующему эффекту. Например, введение в 2014 г. экономических санкций в отношении РФ и обвал нефтяных котировок стали основными причинами девальвации рубля. Как результат, к 2016 г. поступления экспортных таможенных пошлин по отношению к пиковому 2014 г. сократились более чем в два раза с 4,64 трлн. руб. до 2,05 трлн. руб. Следует отметить, что влияние шоков не всегда бывает негативным, как в случае с ростом мировых цен на энергоресурсы в 2011-2013 гг. Воздействие других шоков на устойчивое развитие бюджетной системы не так однозначно. Начало реформирования налогообложения нефтяной отрасли в 2015 г., одной из причин которой стало создание ЕАЭС, привело к перераспределению фискальной роли экспортных таможенных пошлин в пользу налога на добычу полезных ископаемых, налога на прибыль и введенного в 2019 г. налога на дополнительный доход. Таким образом, на устойчивость бюджетной системы оказывают влияние множество шоков различного характера, что предопределяет необходимость поиска комплексных и универсальных инструментов таможенно-тарифного регулирования способных повысить уровень резистентности бюджета страны.

Изучение фискальных свойств инструментов таможенно-тарифного регулирования, влияющих на устойчивое развитие бюджетной системы к которым относятся стабильность, надежность и адекватность целесообразно проводить в рамках теории оптимальных путей модели Дж. фон Неймана. Применительно к бюджетно-налоговой системе уровень ее устойчивости

зависит от степени синхронности реакций экономических агентов на изменения в таможенно-тарифной политике. Результаты моделирования показали, что ненефтегазовые доходы тесно коррелируют с динамикой ВВП, а нефтегазовые в большей степени зависят от ценовой конъюнктуры на глобальных рынках сырья. Низкое значение относительных избыточных доходов по данной категории доходов связано с аккумулярованием части экспортной выручки в резервном фонде, что подтверждает максимальное значение по вывозным таможенным пошлинам.

С учетом полученных результатов таможенные поступления были классифицированы на основе двух критериев: влияние на устойчивое развитие бюджетной системы и волатильность поступлений. Ввозные таможенные пошлины оказались нечувствительными к экономическому росту, что подтверждает наши выводы о важности данного инструмента в реализации политики протекционизма и стимулировании развития импортозамещающих производств. С этим связана их низкая волатильность и низкий уровень влияния на устойчивое развитие бюджетной системы. Высокая волатильность мировых нефтяных котировок оказали прямое воздействие на динамику поступлений экспортных таможенных пошлин, а их фискальная роль обусловили негативное влияние на устойчивое функционирование бюджетной системы.

Расчет фискального импульса позволяет определить характер бюджетно-налоговой политики и эффективность дискреционных решений, способствующих ускорению темпов экономического роста. Его расчет основан на оценке отклонений бюджета по следующим компонентам: ВВП от своего тренда, ресурсных цен от своего тренда и значимых неперiodических операций. Результаты расчетов показали, что, максимальные значения фискальных импульсов, соответствующие проциклической политике, были в 2008-2009 гг., что связано с преодолениями последствий мирового финансового кризиса, тогда как в 2015 г. и 2018 г. значения показателей отрицательны, т.е. использование

налоговых инструментов носило антициклический характер и это несмотря на то, что, начиная с 2014 г. в российской экономике наблюдается стагнация и падение доходов населения.

Полученные оценки бюджетных мультипликаторов свидетельствуют о том, что дискреционные решения государства практически не оказывают влияния на экономический рост как в краткосрочном, так и долгосрочном периодах. При этом значение мгновенного мультипликатора превышает значение кумулятивного, что свидетельствует о влиянии бюджетно-налоговой политики на формирование устойчивых темпов роста только в краткосрочном периоде при преодолении негативных последствий шоковых воздействий и постепенном затухании эффекта от дискреционных решений в долгосрочном. Фискальные импульсы в национальной экономике не оказывают того эффекта, на который рассчитывает правительство, что связано с рядом причин как объективного, так и субъективного характера. В этой связи проблема эффективных фискальных инструментов противодействия негативным шоковым воздействиям посредством таможенно-тарифного регулирования требует поиска адаптивных инструментов, которые позволят не только минимизировать последствия кризисов в краткосрочном периоде, но и будут способствовать формированию траекторий устойчивого экономического роста и развития бюджетной системы.

Адаптивная таможенно-тарифная политика должна оперативно реагировать на экзогенные и эндогенные шоки и являться одним из основополагающих инструментов устойчивого развития бюджетной системы России. В этой связи концептуальная модель повышения уровня устойчивого развития бюджетной системы на основе трансформации инструментов таможенно-тарифного регулирования должна учитывать глобальные тренды, сформировавшиеся в мировой экономике: опережающий рост развивающихся стран по сравнению с развитыми, что позволяет рассматривать их как новые центры экономического влияния; наличие

противоречивых тенденций, выраженных усилением международной экономической интеграции с одной стороны и ростом «нового протекционизма» с другой; преобладание длинных цепочек добавленной стоимости на глобальных рынках высокотехнологичной продукции; цифровизация внешней торговли. Также необходимо учитывать существующие угрозы и потенциальные и риски, влияние которых является разнонаправленным по периоду, характеру и силе воздействия. В результате стратегические приоритеты таможенно-тарифной политики в контексте устойчивого развития бюджетной системы должны обеспечить реализацию фискальной и регулирующей функций, что позволит активизировать эндогенные механизмы резистентности бюджетной системы к экзогенным шокам за счет роста налогового и экспортного потенциала экономики страны и снижению зависимости бюджетной системы от нефтегазовых доходов.

Процесс разработки адаптивной стратегии таможенно-тарифного регулирования должен учитывать возможные варианты развития, а отбор оптимальных инструментов основываться на финансовых, экономических и институциональных критериях, что позволит учесть разноплановый характер бюджетно-налоговых отношений. Итоговая модель должна обеспечивать количественную и качественную оценку как самого процесса достижения траектории устойчивого развития бюджетной системы, так и трансформации таможенно-тарифной политики в направлении реализации фискальной и регулирующей функций таможенных пошлин.

Таможенно-тарифная политика, имеющая в своей основе адаптивный механизм, адекватно реагирующий на шоковые воздействия любого характера, обеспечивает не только устойчивость бюджетной системы, но и позволяет достичь необходимого уровня экономической безопасности России, а также максимально эффективно реализовать накопленный социально-экономический потенциал страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдийский В.И. Методологии определения пороговых значений основных (приоритетных) факторов рисков и угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов / В.И. Авдийский, В.К. Сенчагов // Эффективное антикризисное управление. – 2014. – № 4. – С. 73-78.
2. Агапов Ю.А. Меры таможенно-тарифного регулирования в Евразийском экономическом союзе: развитие и перспективы / Ю.А. Агапов // Экономика и социум. – 2019. – № 3 (58). – С. 97-100.
3. Агапова А.В. Анализ систем таможенно-тарифного регулирования США и стран-членов ЕАЭС / А.В. Агапова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2020. Т. 6(72). № 1. – С. 3-9.
4. Ажогина Н.Н. Эконометрическая модель: нефтяные шоки и экономическое развитие государства / Н.Н. Ажогина, Д.Е. Иванова // Финансовая экономика. – 2018. – № 8. – С. 549-552.
5. Айвазов А.А. Бюджетные риски и их влияние на финансовую устойчивость региона / А.А. Айвазов // Аудит и финансовый анализ. – 2010. – № 1. – С. 325-327.
6. Аксенов В.Ю. Алгоритмы фрактального анализа временных рядов в системах мониторинга сенсорных сетей / В.Ю. Аксенов, В.Н. Дмитриев // Вестник астраханского государственного технического университета. Серия: управление, вычислительная техника и информатика. – 2012. – № 1. – С. 91-96.
7. Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования (Часть 2) / под ред. А.В. Клименко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2016. – 352 с.
8. Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (Моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира [Электронный ресурс] // Евразийская

экономическая комиссия: [сайт]. [2014]. URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/investigations/Documents/Анализ интеграционных объединений.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/investigations/Documents/Анализ_интеграционных_объединений.pdf) (дата обращения: 03.декабря.2018).

9. Антоновская Е.А. Планирование доходной части федерального бюджета РФ / Е.А. Антоновская // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 3. – С. 109-114.

10. Ариф, М. Управление внешними шоками и внутренней устойчивостью: опыт Малайзии / М. Ариф // Пространственная Экономика. – 2006. – № 1. – С. 5-28.

11. Атлас экономической сложности [Электронный ресурс]. URL:<https://atlas.cid.harvard.edu/> (дата обращения: 18.06.2021).

12. Аюпова С.Г. Методологические аспекты прогнозирования бюджетных доходов с учетом оценки степени риска поступлений / С.Г. Аюпова // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 6(187). – С. 81-85.

13. База данных ЮНКТАД [Электронный ресурс]. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/About.html> (дата обращения: 16.05.2021).

14. Базуева С.А. Анализ задачи идентификации закона распределения случайных процессов / С.А. Базуева, А.А. Михайлов // Инженерный вестник Дона. – 2015. – №3. – С. 64-68.

15. Беликов А.Ю. К вопросу о прогнозировании наступления экономических кризисов / А.Ю. Беликов, З.С. Кузьмина, И.А. Беликов // Управление финансовыми рисками. – 2019. – № 4. – С. 274-288.

16. Беляев А.С. Совершенствование инструментов таможенного администрирования в контексте повышения доходов федерального бюджета А.С. Беляев // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2021. – № 2 (83). – С. 36-43.

17. Беляев А.С. Перспективы упрощения процедур внешней торговли с учетом реализации фискальной функции таможенных пошлин / А.С. Беляев, Савцова А.В. // Вестник Северо-Кавказского федерального

университета. – 2021. – № 3 (84). – С. 18-25.

18. Беляев А.С. Моделирование влияния таможенных платежей на устойчивое развитие бюджетной системы / А.С. Беляев, А.В. Савцова, Т.А. Кулаговская, С.В. Зенченко // Финансовая экономика. – 2021. – № 7. – С. 5-9.

19. Беляев А.С. Налоговое регулирование внешнеторговых операций в системе международных таможенных отношений / А.С. Беляев // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2022. – № 1 (88). – С. 23-30.

20. Беляев, А. С. Некоторые аспекты механизма таможенно-тарифного регулирования в современных условиях в РФ и мире / А.С. Беляев // Russian journal of management. – 2022. – № 2. – С. 11-15.

21. Беляев, А. С. Устойчивость бюджетной системы как вектор развития экономики / А.С. Беляев, А.В. Савцова // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 5. – С.272-277.

22. Беляев, А. С. Оценка рисков, влияющих на устойчивость бюджетной системы / А. С. Беляев, Т. А. Кулаговская // Финансовая экономика. – 2022. – № 7. – С. 245-247.

23. Беляев, А. С. Приоритеты трансформации таможенно-тарифной политики в условиях санкционного давления / А. С. Беляев, В. А. Молодых // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2022. – № 4 (91). – С. 14-20.

24. Беляев А. С. К вопросу о роли таможенных платежей в формировании федерального бюджета / А.С. Беляев // Материалы V-й ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета преподавателей, студентов и молодых ученых «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2017. – С. 695-698.

25. Беляев А. С. Нетарифное регулирование как ограничительная мера во внешней торговле / А.С. Беляев // Материалы VI-й ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального

университета преподавателей, студентов и молодых ученых «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2018. – С. 395-398.

26. Беляев А. С. К вопросу о проблемах организации внешнеэкономической деятельности в России и их влиянии на доходы федерального бюджета / А.С. Беляев // Материалы VII-й ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета преподавателей, студентов и молодых ученых «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2019. –С. 645-647.

27. Беляев А. С. Использование современных цифровых и информационных технологий таможенными органами России / А.С. Беляев // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Современные вызовы и реалии экономического развития России». – Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2020. – С. 231-233.

28. Беляев А. С. Оценка структуры экспорта Ставропольского края и ее воздействия на доходы бюджетной системы / А.С. Беляев // Материалы VIII-й ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета преподавателей, студентов и молодых ученых «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2020. – С. 349-352.

29. Беляев А.С. Таможенно-тарифная политика как фактор повышения конкурентоспособности российского экспорта / А.С. Беляев // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального экономического равновесия». – Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2021. – С. 21-26.

30. Беляев А.С. Устойчивое развитие бюджетной системы в условиях повышенной волатильности нефтяных котировок / А.С. Беляев // Материалы

IV Международной научно-практической конференции «Modern science and technology». – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2021. – С. 105-109.

31. Беляев А.С. Минимизация рисков и негативного влияния торговых войн на устойчивое развитие бюджетной системы / А.С. Беляев // Материалы II Международной научно-практической конференции «Advanced research: problems and new approaches». – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. – С. 43-48.

32. Беляев А.С. Адаптивная таможенно-тарифная политика устойчивого развития бюджетной системы / А.С. Беляев // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Современные вызовы и реалии экономического развития России». – Ставрополь: СКФУ, 2022. – С. 28-34.

33. Боков А.Н. Нефтяные шоки в XXI веке и роль ОПЕК по стабилизации ситуации на мировом нефтяном рынке / А.Н. Боков // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 2. – С. 39-41.

34. Боброва В.В. Государственное регулирование внешнеторговой деятельности: учебное пособие / В.В. Боброва, Ю.В. Рожкова, В.В. Попов. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ. 2017. – 156 с.

35. Бойченко П.А. Проблемы и приоритетные направления совершенствования системы таможенно-тарифного регулирования Российской Федерации / П.А. Бойченко // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 3(73). – С. 67-72 с.

36. Булгакова С.И. Бюджетный риск: сущность, классификация, факторы риска / С.И. Булгакова, И.А. Микитюк // Вестник КНТЭУ. – 2010. – № 1. – С. 59-68.

37. Буравлев А.И. Когнитивная модель возникновения финансово-экономического кризиса / А.И. Буравлев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 12. – С. 36-41.

38. Васильева Е.А. Анализ стабилизационной функции и

устойчивости государственных финансов Российской Федерации / Е.А. Васильева, С.А. Власов, А.А. Пономаренко // Экономический журнал ГУ ВШЭ. – 2009. – №3. Т.13. – С. 383-402.

39. Власов В.А. Оценки, решения, риски / В.А. Власов. – М.: Изд-во БИНОМ. 2012. – С. 256.

40. Внешняя и взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Pages/default.aspx (дата обращения: 11.05.2021).

41. Волчкова Н.А. Сколько стоят контрсанкции: анализ благосостояния / Н.А. Волчкова, П.А. Кузнецова // Журнал НЭА. – 2019. – №3(43). – С. 173–183.

42. Воронцовский А.В. Проблемы прогнозирования экономического роста в условиях воздействия внешних шоков / А.В. Воронцовский, Е.В. Гиленко, Е.В. Петрова. [Электронный ресурс]. – URL: http://finbiz.spb.ru/download/1_2013/voronz.pdf

43. Гаврилов Д.Д. Таможенно-тарифное регулирование: теоретические положения и реализация в практике внешнеторговых отношений / Д.Д. Гаврилов, А.А. Мигел // Russian Economic Bulletin. – 2021. – Т. 4. № 2. – С. 142-146.

44. Гамукин В.В. Бюджетные риски: среда, система, случай / В.В. Гамукин. – Тюмень.: Изд во ТюмГУ, 2015. – С. 328.

45. Глинкина С.П. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России / С.П. Глинкина и др. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – С. 14-20.

46. Глобализация и деглобализация: роль стран с формирующимися рынками и выводы для России. – М.: Банк России, 2019. – 112 с.

47. Гомон И.В. Исследование таможенно-тарифного регулирования в международных экономических отношениях / И.В. Гомон, Н.В. Белопухова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2019. – № 26 (4). – С. 66-70.

48. Гомон И.В. Анализ поступлений таможенных платежей в федеральный бюджет от экспорта нефти и нефтепродуктов / И.В. Гомон, К.В. Скаблова // Colloquium-journal. – 2019. – № 8(32). – С. 65-66.

49. Гребенникова В.А. Управление бюджетными рисками: миф или реальность? / В.А. Гребенникова, Е.А. Степанова // TERRA ECONOMICUS. – 2010. – № 3: Т.8. – С. 119-125.

50. Гринберг Р.С. Контуры новой экономической политики в условиях глобальных трансформаций / Р.С. Гринберг // Научные труды ВЭО России: Пленарное заседание МАЭФ. – 2019. – с. 133-139.

51. Гринкевич Л.С. Налоговый маневр в нефтегазовом секторе: как система налогообложения добычи полезных ископаемых нужна России? / Л.С. Гринкевич // Сибирская финансовая школа. – 2017. – № 4 (123). – С. 60–66.

52. Громова А.С. Источники опасностей и основные угрозы экономической безопасности бюджетной политики / А.С. Громова, И.П. Воробьева // Известия Томского гос. унта. – 2010. – № 6:Т.317. – С. 29-33.

53. Данилова И.В. Влияние внешних институциональных шоков на дифференциацию экономического пространства РФ / И.В. Данилова, О.А. Богданова, А.Ж. Телюбаева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2019. – Т. 13. № 3. – С. 23-32.

54. Данильцев А.В. Международная торговля: инструменты регулирования: учебно-практическое пособие / А.В. Данильцев. – Москва: Деловая литература, 2004. – 320 с.

55. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. – Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2018 г. – 154 с.

56. Долгова Е.В. Системный риск в современном мире: понятие, оценка, управление / Е.В. Долгова, Е.Е. Васильева // Известия Уральского государственного горного университета. – 2016. – № 1 (41). – С. 112-117.

57. Дюмулен И. Международная торговля. Тарифное и нетарифное регулирование: 4 изд. – М.: ВАВТ, 2015. – 548 с.

58. ЕЭК. Аналитический доклад «О Макроэкономической ситуации в государствах-членах ЕАЭС и предложения по обеспечению устойчивого экономического развития». М.: ЕЭК (2019). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economyViews/Documents/analytical_report_2019.pdf (дата обращения: 02.05.2020)

59. Загоруйко В.А. Роль таможенных платежей в формировании доходной части государственного бюджета Российской Федерации / В.А. Загоруйко // Инновационная наука. – 2018. – № 1. – С. 28-31.

60. Закона Кыргызской Республике «О таможенном регулировании в Кыргызской Республике» от 24.04.2019 № 5.

61. Закона Республики Армения от 30.12.2014 года №ЗР-241 «О таможенном регулировании».

62. Закона Республики Беларусь от 10.01.2014 года № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь».

63. Иванова С.А. Анализ внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в условиях неопределенности / С.А. Иванова // Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. – 2016. – № 2 (23). – URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2894>.

64. Иванов О.Б. Глобальные риски современного мира. Кризис глобализации / О.Б. Иванов // Вопросы геополитики. – 2018. – с. 7-29.

65. Иорданова В.Г. Таможенно-тарифное регулирование импорта в условиях транснационализации мировой торговли / В.Г. Иорданова, А.Р. Бойко // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 4. – С. 23-39.

66. Истомина Н.А. Результатный подход в бюджетной сфере в контексте бюджетных рисков / Н.А. Истомина // Финансовая аналитика: проблем и решения. – 2014. – № 42(228). – С. 56-67.

67. Калинкова И.Ю. Экономические шоки в макроэкономической теории: методологический детерминизм / И.Ю. Калинкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/-ep12-07/578>

68. Каратаев С.М. К вопросу о понятии устойчивости бюджета / С.М. Каратаев // Дайджест Финансы. – 2003. – № 5. – С. 39-46.

69. Киреев, А.П. Международная макроэкономика: Учебник / А.П. Киреев. – М.: Международные отношения, 2014. – 592 с.

70. Кириллов В.Н. Траектория устойчивого роста или очередная разбалансировка механизмов мировой экономики / В.Н. Кириллов, Е.Н. Смирнов // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – №12(5). – С. 64-90.

71. Князева Е.Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: Наука, 1994. –238 с.

72. Ковалев В.Ю. Математические основы теории риска / В.Ю. Ковалев, В.Е. Бенинг, С.Я. Шоргин. – М.: ФИЗМАТЛИТ. – 2011. – 620 с.

73. Кодекс Республики Казахстан от 26.12.2017 года № 123-VI «О таможенном регулировании в Республике Казахстан».

74. Кожевникова А.В. Анализ структурного изменения динамики ВВП в России и шока цен на нефть / А.В. Кожевникова // E-Scio. – 2018. – № 4 (19). – С. 70-76.

75. Колесник А.А. Применение таможенно-тарифного регулирования как инструмента обеспечения экономической безопасности Российской Федерации /А.А. Колесник, Ю.Е. Гупанова // Проблемы науки. – 2017. – № 9 (22). – С. 36-41.

76. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ. – 2008. – 24 ноября. – № 47 . – ст. 5489.

77. Кравченко А.В. Таможенно-тарифное регулирование в системе государственного регулирования внешнеэкономической деятельности / А.В. Кравченко // Актуальные проблемы науки и практики современного общества. – 2016. – № 2 (2). – С. 45-50.

78. Круи М. Основы риск менеджмента / М. Круи, Д. Галай, Р. Марк – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 390 с.

79. Кузнецов С.Ф. Таможенно-тарифная политика в системе государственного регулирования экономики и внешней торговли / С.Ф. Кузнецов // Вестник Академии. – 2008. – № 2. – С. 26-29.

80. Кумец Е.А. Модель интеграции Европейского союза / Е.А. Кумец, А.А. Семак // Журнал международного права и международных отношений. – 2015. – №5. – С. 89-93.

81. Лапкин В.В. В преддверии сингулярности: перспективы трансформации мирового порядка / В.В. Лапкин // История и современность. – 2017. – №1. – с. 52-78.

82. Лапыгин Ю.Н. Экономическое прогнозирование / Ю.Н. Лапыгин, В.Е. Крылов, А.П. Чернявский. – М.: Эксмо, 2009. – 256 с.

83. Либман А.М. Модели экономической интеграции: мировой и постсоветский опыт [Электронный ресурс] / А.М. Либман // Munich Personal RePEc Archive: [сайт]. [2009]. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/19434/1/MPRA_paper_19434.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

84. Лойтер Е.А. Риски на различных стадиях бюджетного процесса в Российской Федерации / Е.А. Лойтер // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2011. – № 1. – С. 19-28.

85. Ломоносов Д.А. Влияние шоков мировой деловой активности, предложения нефти и спекулятивных нефтяных шоков на экономику РФ / Д.А. Ломоносов, А.В. Полбин, Н.Д. Фокин // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 25. № 2. – С. 227-262.

86. Любимов И.Л. Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах / И.Л. Любимов, М.А.

Гвоздева, М.В. Казакова, К.В. Нестерова // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. № 2 (34). – С. 94-122.

87. Марку К.Ю. Проведение политики импортозамещения, как эффективного метода таможенно-тарифного регулирования в России / К.Ю. Марку, Ю.А. Маркарьян, Е.И. Шевченко // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – Т.1. № 12(29). – С. 377-380.

88. Маркина Е.Ю. Таможенно-тарифное регулирование: современные проблемы и тренды развития / Е.Ю. Маркина // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 62-9. – С. 60-65.

89. Масгрейв Р. Государственные финансы: теория и практика / Р. Масгрейв, Б. Масгрейв. – М.: Бизнес Атлас, 2009. – 716 с.

90. Мельник Е.Д. Управление бюджетными рисками / Е.Д. Мельник // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2013. – № 5(53). – С. 78-82.

91. Министерство Финансов РФ. Ежегодная информация об исполнении федерального бюджета [Электронный ресурс]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_ya_nvaryu_2006_g. (дата обращения: 20.04.2021).

92. Мишустин М.В. Факторы роста налоговых доходов: макроэкономический подход / М.В. Мишустин // Экономическая политика. – 2016. – № 11(5). – С.8–27.

93. Налоговый кодекс Российской Федерации: [федер. закон : принят Гос. Думой : часть I [16.07.98 г.] // Собрание законодательства РФ. - 1998. - 3 авг. – № 31, ст. 3824.

94. Никитин М.В. Экономические и политические шоки: классификация и механизм воздействия на макроэкономическую конъюнктуру / М.В. Никитин, А.А. Каминов // Экономика: теория и практика. – 2019. – № 2 (54). – С. 103-108.

95. Новиков А.И. Теория принятия решений и управление рисками в финансовой и налоговой сферах / А.И. Новиков, Т.И. Солодка. – М.: Дашков и К, 2013. – 285 с.

96. Новиков В.Е. Концептуальные основы реформирования таможенно-тарифного регулирования в условиях кризиса всемирной торговой организации / В.Е. Новиков // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. № 1(50). – С. 126-132.

97. Новиков В.Е. Таможенная пошлина как инструмент государственного регулирования экономики / В.Е. Новиков. – Москва: РИО РТА, 2006. – 248 с.

98. Новиков В.Е. Взаимодействие цен и таможенных пошлин в государственном регулировании экономики / В.Е. Новиков // Вестник Российской таможенной академии. – 2014. – № 3. – С. 16–24.

99. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов https://minfin.gov.ru/ru/statistics/docs/budpol_taxpol/

100. Очкин Р.О. Внешние шоки как детерминирующий фактор национально-государственных экономических интересов страны / Р.О. Очкин // Теоретическая экономика. – 2018. – № 4 (46). – С. 144-150.

101. Пелипась И.А. Международные связи и внешние шоки: использование глобальной VAR-модели для Беларуси / И.А. Пелипась, Г.Ю. Шиманович // Банковский вестник. – 2017. – № 4 (645). – С. 24-32.

102. Переход С.А. Моделирование рисков макроэкономических шоков для внешнедолговой устойчивости российских компаний / С.А. Переход // Вопросы экономики. – 2021. – № 5. – С. 57-73.

103. Пестова А.С. Оценка влияния различных шоков на динамику макроэкономических показателей в России и разработка условных прогнозов на основе BVAR-модели российской экономики / А.С. Пестова, М.М. Мамонов // Экономическая политика. – 2016. – Т.11. №4. – С. 56-92.

104. Перская В.В. Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации / В.В. Перская, М.А. Эскиндаров. – М.: Экономика, – 2016. – 383 с.

105. Песоцкий А.А. Экономический шок: определение, укрупненные подходы к классификации / А.А. Песоцкий // Kant. – 2021. – №2(39). – С. 85-90.

106. Песоцкий А.А. Экономический шок и шокоустойчивость (сопротивляемость): взаимосвязь понятий / А.А. Песоцкий // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 8(162). – С. 55-60.

107. Пилипенко З.А. Глобальные финансовые шоки как реализация кумулятивного эффекта синхронизации многоуровневых дисбалансов в мировой экономике / З.А. Пилипенко // Экономические науки. – 2014. – №11. – С. 75-79.

108. Плотников А.В. Механизм влияния неэкономического шока на национальную экономику / А.В. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 2 (128). – С. 163-169.

109. Полбин А.В. Оценка влияния шоков нефтяных цен на российскую экономику в векторной модели коррекции ошибок / А.В. Полбин // Вопросы экономики. – 2017. – № 10. – С. 27-49.

110. Попова П.А. Таможенно-тарифное регулирование в зарубежных странах на примере Европейского союза / П.А. Попова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 1-2 (59). – С. 80-87.

111. Пугачев А.А. Налоговая политика и таможенно-тарифное регулирование в условиях цифровой трансформации экономики / А.А. Пугачев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 3. – С. 141-150.

112. Ребрина Т.Г. Таможенно-тарифное регулирование внешнеэкономической деятельности как инструмент экономической

безопасности страны / Т.Г. Ребрина, В.В. Силаева // Экономика и предпринимательство. – 2020. – №7 (120). – С. 48-50.

113. Руднева А.О. Международная торговля: специфика и перспективы участия развитых, развивающихся стран и стран с переходной экономикой / А.О. Руднева // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8. № 3. – С. 430-438.

114. Рустамова Н.Р. Сравнение и оценка моделей, используемых для измерения влияния глобальных экономических шоков на экономику / Н.Р. Рустамова // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 7(120). – С. 541-546.

115. Саркисян Ж.М. Шоки в экономике: сущность, происхождение и глобальная динамика / Ж.М. Саркисян // Страхование право. – 2021. – № 1. – С. 5-15.

116. Старикова Е.М. Таможенно-тарифное регулирование ЕАЭС / Е.М. Старикова // Валютное регулирование. Валютный контроль. – 2015. – № 9. – С. 31-37.

117. Старостин Е.А. Воздействие мер таможенно-тарифного регулирования на национальную экономику в современных условиях / Е.А. Старостин // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. – 2015. – № 8. – С. 171-173.

118. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2020.pdf (дата обращения: 11.04.2021).

119. Сергиенко А.И. Проблемы таможенно-тарифного регулирования / А.И. Сергиенко // Интернаука. – 2018. – № 39(73). – С. 68-69.

120. Серeda А.А. Эволюционное развитие таможенно-тарифного регулирования торговли в России / А.А. Серeda, А.А. Штоколов // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2019. – № 10-4

(54).

С. 143-146.

121. Средний номинальный курс доллара // ЕМИСС государственная статистика [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42108> (дата обращения: 06.06.2021).

122. Страны ЕАЭС достигли полной самообеспеченности по зерну, растительным маслам, яйцам и сахару [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/default.aspx?d=bgiasrucci&p=161>

123. Седалищев В.В. Оценка эффектов интеграции ЕАЭС / В.В. Седалищев, Б.В. Чокаев, А.Ю. Кнобель. – 2017. – 33 с.

124. Серков Л.А. Влияние внешних и внутренних шоков на макроэкономические показатели региона / Л.А. Серков // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2018. – Т.19. № 4. – С. 45-63.

125. Серков Л.А. Взаимодействие экзогенных и эндогенных шоков на примере модели Самуэльсона-Хикса / Л.А. Серков, Д.Б. Елизаров, О.В. Быстрых // Приволжский научный вестник. – 2015. – №1(41). – С. 58-62.

126. Смородинская Н.В. Глобальные стоимостные цепочки: как поднять резильентность перед внезапными шоками? / Н.В. Смородинская, Д.Д. Катуков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – т.13, № 6. – С. 30-50.

127. Сорокин М.А. Таможенное регулирование в системе инструментов государственного обеспечения конкурентоспособности предпринимательских структур / М.А. Сорокин // УЭКС. – 2013. – №10 (58) [Электронный ресурс]. Режим доступа URL:<http://www.uecs.ru/uecs58-582013/item/2481-2013-10-30-11-52-20>.

128. Сорокин М.А. Международная таможенная конкуренция в системе инструментов регулирования межстранового факторного обмена / М.А. Сорокин // Микроэкономика. – 2012. – № 6. – С. 22-26.

129. Таможенная служба Российской Федерации. Ежегодный сборник [Электронный ресурс]. - URL:<https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 24.04.2021).

130. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. – URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 12.02.2021).

131. Турдыева Н.А. Воздействие шоков условий торговли на российскую экономику / Н.А. Турдыева // Деньги и кредит. – 2020. – № 2. – С. 43-69.

132. Федеральный закон «О бюджетной классификации Российской Федерации» от 15.08.1996 N 115-ФЗ.

133. Федеральный закон «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений» № 120-ФЗ от 20.08.2004.

134. Френкель А.С. Анализ рисков бюджетной системы России в долгосрочной перспективе / А.С. Френкель, И.И. Мальцева // Экономическая политика. – 2012. – № 5. – С. 139-153.

135. Цветков В.А. Динамика развития экономических систем / В.А. Цветков, И.М. Степнов, Ю.А. Ковальчук. – М.: Институт проблем рынка РАН, 2016. – 380 с.

136. Циркунов П.И. Особенности таможенно-тарифного регулирования российской федерации в современных условиях / П.И. Циркунов // Транспортная инфраструктура Сибирского региона. – 2016. – №.2. – С. 332-337.

137. Amigo J.M. Permutation Complexity in Dynamical Systems. Ordinal Patterns, Permutation Entropy and All That. – Berlin: Springer-Verlag, 2010. – 280 p.

138. Andrasic J., Kalas B., Mirovic V., Milenkovic N., Pjanic M. Econometric Modelling of Tax Impact on Economic Growth: Panel Evidence from OECD Countries // *Economic Computation and Economic Cybernetics Studies and Research*. – 2018. – Vol. 52(4). – pp. 211-226.

139. Apergis N., Lyroudi K., Vamvakidis A. The relationship between foreign direct investment and economic growth: evidence from transition countries // *Transition Studies Review*. – 2008. – Vol. 15(1). – pp. 37-51.

140. ASEAN External Relations Coordinatorship [Электронный ресурс]. - URL <https://asean.org/storage/2019/09/ASEAN-Country-Coordinatorship-2015-2024rev.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).

141. Bacchetta M. et al. A practical guide to trade policy analysis. – Geneva, CH: World Trade Organization, 2012. – 232 p.

142. Baldwin R., Evenett S. The collapse of global trade, murky protectionism and the crisis: Recommendations for the G20. – London: Centre for Economic Policy Research (CERP), 2009. – 115 p.

143. Bandt C., Pompe B. Permutation Entropy: A natural complexity measure for time series // *Phys. Rev. Lett.* – 2002. – Vol. 88. – pp. 174-192.

144. Bassanini, A., Scarpetta, S. Does human capital matter for growth in OECD countries? A pooled mean-group approach // *Economics letters*. – 2002. – Vol. 74(3). – pp. 399-405.

145. Batini N. et al. A simple method to compute fiscal multipliers. – International Monetary Fund, 2014. – 107 p.

146. Behsudi A. U.S., China near deal to roll back some tariffs // *Politico*. URL: https://www.politico.com/story/2019/05/01/us_china_deal_tariffs_1400007 (дата доступа: 01.06.2021).

147. Bernard A.B., Jensen. J.B. Exceptional exporter performance: cause, effect, or both? // *Journal of international economics*. – 1999. – Vol. 47(1). – pp. 1-25.

148. Blewitt, John, *Understanding sustainable development*. – London. Sterling, 2008. – 65 p.

149. Blanchard O., Perotti R. An empirical characterization of the dynamic effects of changes in government spending and taxes on output // *The Quarterly Journal of Economics*. – 2002. – Vol. 117(4). – pp. 1329-1368.

150. Bockermann, A., Meyer, B., Omann, I., Spangenberg, J.H. Modelling sustainability. Comparing an econometric (PANTA RHEI) and a systems dynamics model (SuE) // *Journal of Policy Modelling*. – 2002. – Vol. 27. – pp. 189-210.

151. Boehm C. Government consumption and investment: Does the composition of purchases affect the multiplier? // *Journal of Monetary Economics*. – 2019. – Vol. 11(3). – pp. 66-84.

152. Bonchev D. Information Theoretic Complexity Measures in *Encyclopedia of Complexity and Systems Science*. – New York: Springer, 2009. – pp. 4820-4838.

153. Broman G., Robert K-H. A framework for strategic sustainable development // *Journal of Cleaner Production*. – 2017. – Vol. 140(1). – pp. 17-31.

154. Carley M., Christie I. *An Managing Sustainable Development*. – London: Routledge, 2000. – 336 p.

155. Chauffour J.P., Maur J.C. editors. *Preferential Trade Agreement Policies for Development: A Handbook*. – The World Bank, 2011. – 329 p.

156. Cho D. et al. Characterizing international competitiveness in international business research: A MASI approach to national competitiveness // *Research in International Business and Finance*. – 2008. – Vol. 22. – pp. 175-219.

157. Clausius R and Hirst T *The Mechanical Theory of Heat: With Its Applications to the Steam-engine and to the Physical Properties of Bodies*. – London: John van Voorst, 1967. – 376 p.

158. *Country & Product Complexity Rankings [Электронный ресурс]*. – URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (дата обращения: 19.04.2021).

159. Delgado M., Ketels C., Porter M., Stern S. *The Determinants of National Competitiveness*. – NBER Working Paper 18249, National Bureau of Economic Research, Cambridge, 2012. – 144 p.

160. Donner R., Small M., Donges J., Marwan N., Zou Y., Recurrence-based time series analysis by means of complex network methods // *Int. J. Bifurcation and Chaos*. – 2010. – Vol. 21. – pp. 1019–1046.

161. Dorrucchi E. et al. The link between institutional and economic integration: Insights for Latin America from the European experience // *Open economies review*. – 2004. – Vol. 15(3). – pp. 239-260.

162. Elliott J. *An Introduction to Sustainable Development* – London: Routledge, 2012. – 384 p.

163. Gechert S., Will H. Fiscal multipliers: A meta regression analysis. – IMK Working Paper, 2012. – 89 p.

164. Gemmell N., Kneller R., Sanz I. The timing and persistence of fiscal policy impacts on growth: evidence from OECD countries // *The Economic Journal*. – 2011. – Vol. 121(550). – pp. 33-58.

165. Kee H., Nicita A., Olarreaga M. Estimating Trade Restrictiveness Indices // *The Economic Journal*. – 2009. – Vol. 119. – pp. 172-199.

166. Gibbs J. *Elementary principles in statistical mechanics: developed with especial reference to the rational foundation of thermodynamics*. – Yale University Press, 1984. – 122 p.

167. Global Financial Stability Report // International Monetary Fund [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR> (дата обращения: 11.05.2021).

168. Global Value Chain Development Report 2019 (ВТО, ОЭСР, Всемирный Банк) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/trade/publication/global-value-chain-development-report-2019> (дата обращения: 10.06.2021).

169. Hamer-Adams A. Quantifying fiscal multipliers in New Zealand: The evidence from SVAR models. – Reserve Bank of New Zealand, 2018. – 65 p.

170. Helpman E., Krugman P. *Market Structure and Foreign Trade*. – MIT Press, 1985. – 325 p.

171. Hidalgo C.A., Hausmann R. The building blocks of economic

complexity // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2009. – Vol. 106(26). – pp. 10570-10575.

172. Ilzetzki E. et al. How big (small?) are fiscal multipliers? // Journal of Monetary Economics. – 2013. – Vol. 60. – No. 2. – pp. 239-254.

173. IMF Fiscal Monitor [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/FM> (дата обращения: 13.06.2021).

174. IMF. Singapore Regional Training. Assessing Fiscal Policy and Debt Sustainability. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.imf.org/en/Capacity-Development/Training/ICDTC> (дата обращения: 13.06.2021).

175. Joshua S., Richman J., Moorman R. Physiological time-series analysis using approximate entropy and sample entropy // Am. J Physiol. Heart Circ. Physiol. – 2000. – Vol. 278. – pp. 2039-2049.

176. Kantz H., Schreiber T. Nonlinear Time Series Analysis (2nd ed.). – UK: Cambridge University Press, 2003. – 160 p.

177. Kanwal M., Grochow J., Ay N. Comparing information-theoretic measures of complexity in Boltzmann machines // Entropy. – 2017. – Vol. 19. – pp. 310-332.

178. Kim D. H., Lin S. C., Suen Y. B. Are financial development and trade openness complements or substitutes? // Southern Economic Journal. – 2010. – Vol. 76(3) – pp. 827-845.

179. Kolmogorov A.N. Three approaches to the quantitative definition of information // Int. J. Computer Mathematics. – 1965. – Vol. 2. – pp. 157-168.

180. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // American Economic Review. – 1980. – Vol. 70(5). – pp. 950–959.

181. Limão N. Uncertainty and trade agreements // American Economic Journal: Microeconomics. – 2015. – Vol. 7(4). – pp. 1-42.

182. Mattoo A., Mulabdic A. Trade creation and trade diversion in deep agreements. – The World Bank, 2017. – 112 p.

183. Myles G. Economic Growth and the Role of Taxation. – OECD

Economic Department Working Papers No. 714, 2009. – 182 p.

184. Onatski A. Testing Hypotheses about the Number of Factors in Large Factor Models // *Econometrica*. – 2009. – Vol. 77 – pp. 1447-1479.

185. Peres S., Fidelis T., Ramos T. Measuring and comparing local sustainable development through common indicators: Constraints and achievements in practice // *Cities*. – 2014. – Vol. 39. – pp. 1-9.

186. Pesaran M. H., Shin Y., Smith R. P. Pooled mean group estimation of dynamic heterogeneous panels // *Journal of the American Statistical Association*. – 1999. – Vol. 94(446). – pp. 621-634.

187. Pincus S.M. Approximate entropy as a measure of system complexity // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. – 1991. – Vol. 88. – pp. 2297-2301.

188. Qian M.C., Jiang Z.Q., Zhou W.X. Universal and nonuniversal allometric scaling behaviors in the visibility graphs of world stock market indices // *Phys. A*. – 2010. – Vol. 43. – pp. 335-384.

189. Rammel C., Staudinger M. Evolution, variability and sustainable development // *Int. J. of Sustainable Development and World Ecology*. – 2002. – Vol. 9(4). – pp. 301-313.

190. Schroeder A. *The Snowball: Warren Buffett and the Business of Life*. – Random House Inc., 2008. – 77 p.

191. Shannon C. A mathematical theory of communication // *The Bell System Technical J*. – 1948. – Vol. 27. – pp. 379-423.

192. Siegenfeld A.F., Bar-Yam Y. *An Introduction to Complex Systems Science and Its Applications* // *Complexity*. – 2020. – Vol. 16. – pp. 75-90.

193. Slaughter M. Trade liberalization and per capita income convergence: a difference-in-differences analysis // *Journal of International Economics*. – 2001. – Vol. 55. – pp. 203-228.

194. Sole R., Valverde S. Information theory of complex networks: on Evolution and Architectural constraints // *Lecture Notes in Phys*. – 2004. – Vol. 650. – pp. 189-207.

195. Soyçiğit S., Topuz H., Halil Ö. An Alternative View to the Global Coal Trade: Complex Network Approach Studies // Business and Economics. – 2020. – Vol. 15. – pp. 270-288.

196. Spilimbergo M.A. et al. Fiscal multipliers. – International Monetary Fund, 2009. – 102 p.

197. Stock J., Watson M., Dynamic Factor Models. In Oxford Handbook on Economic Forecasting, eds. Michael P. Clements and David F. Hendry. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 266 p.

198. Tarasova E.M. Impact of the COVID-19 economic shock on the national economy // Economy and Business: Theory and Practice. – 2021. – Vol. 1-2 (71). – pp. 153-159.

199. Trade statistics for international business development [Электронный ресурс]. –

URL:https://www.trademap.org/Product_SelProductCountry_Graph.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c2 (дата обращения: 21.04.2021).

200. UN Comtrade Database [Электронный ресурс]. – URL: <https://comtrade.un.org/> (дата обращения: 26.02.2021).

201. Viner J. The economics of customs unions // The customs union issue. – 1950. – pp. 41-81.

202. Vygon consulting Основные направления налоговой реформы нефтяной отрасли [Электронный ресурс]. – URL: https://vygon.consulting/upload/iblock/0b6/vygon_consulting_tax_reform_2020.pdf (дата обращения: 11.03.2021).

203. WTO. Data [Электронный ресурс]. – URL: <https://timeseries.wto.org/> (дата обращения: 24.03.2021).

204. Yingchao Z., Lean Y., Kaijian H Wavelet Entropy Based Analysis and Forecasting of Crude Oil Price // Dynamics Entropy. – 2015. – Vol. 17. – pp. 7167-7184.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. ИНДЕКС СЛОЖНОСТИ ЭКСПОРТА СТРАН ЕАЭС

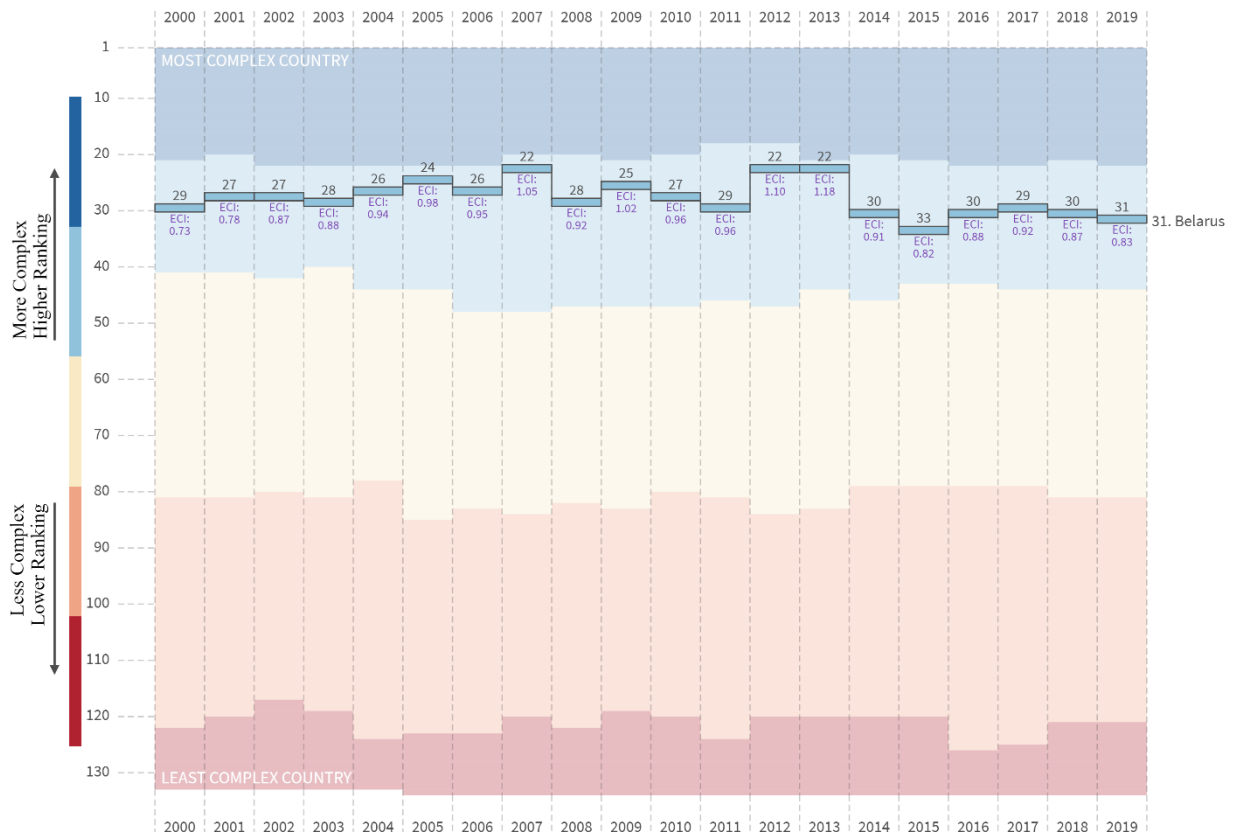

Рисунок А1 – Динамика индекса сложности экспорта (Белоруссия)

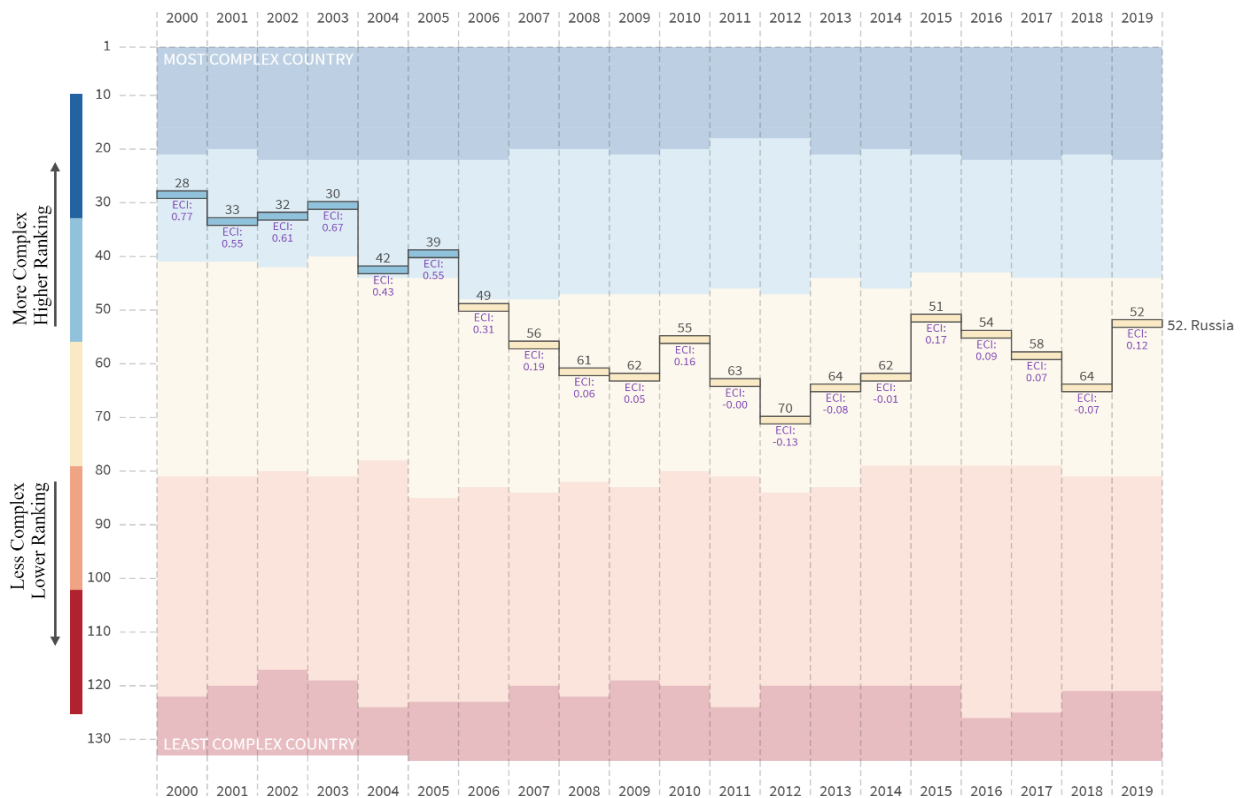

Рисунок А2 – Динамика индекса сложности экспорта (Россия)

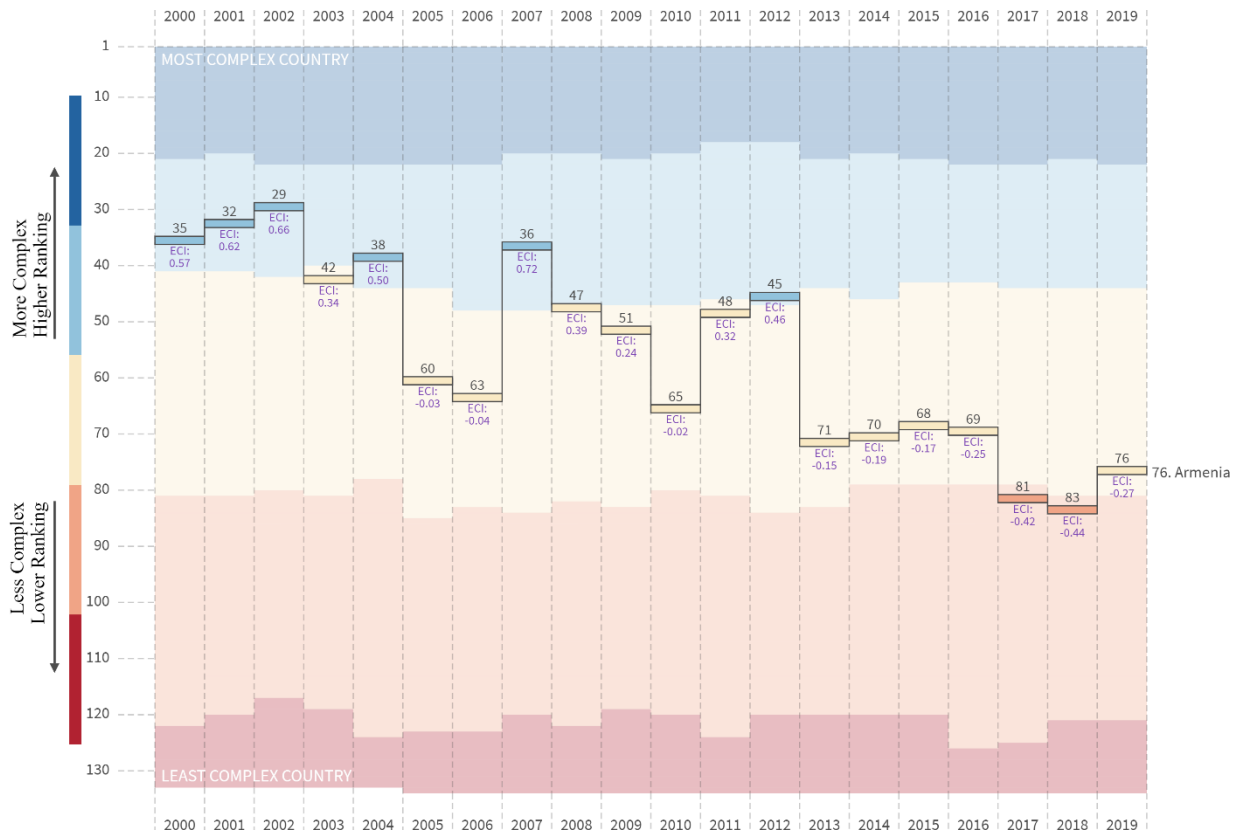

Рисунок А3 – Динамика индекса сложности экспорта (Армения)

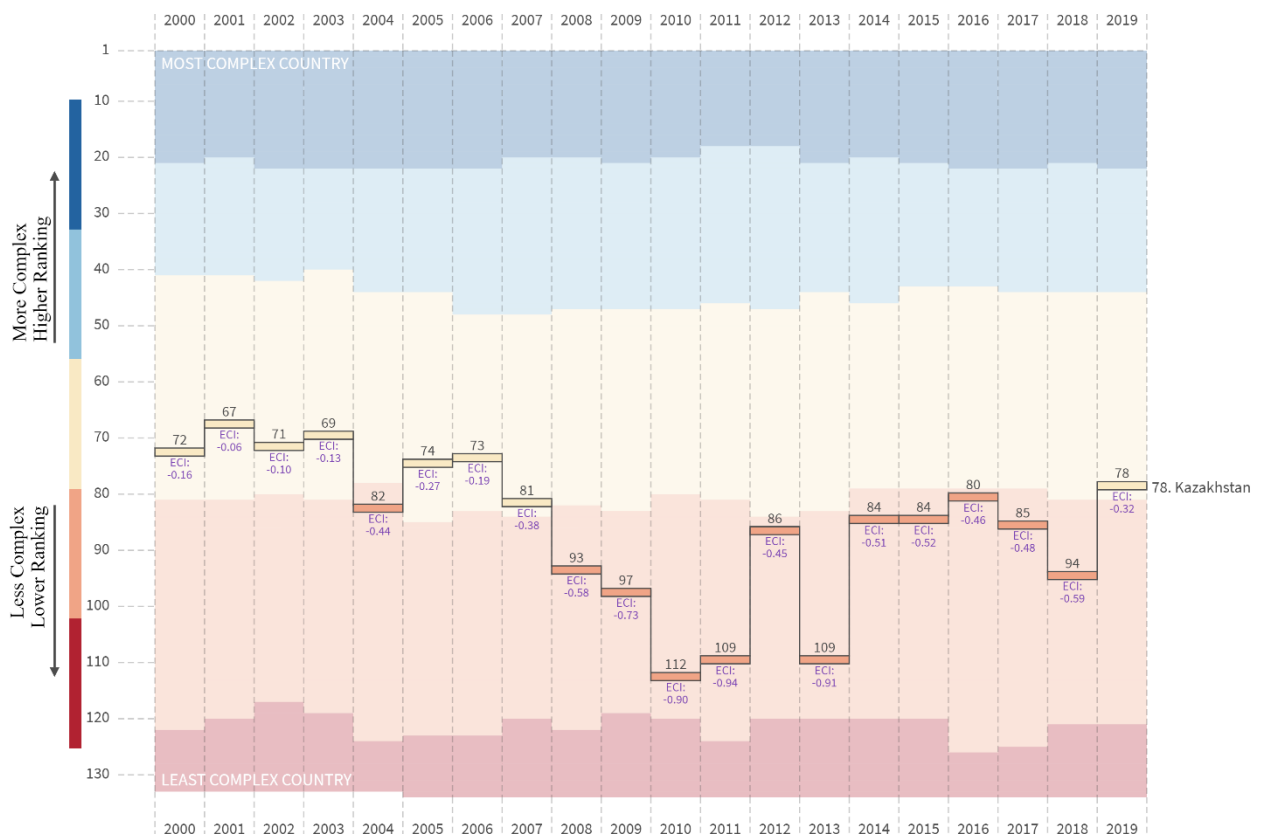

Рисунок А4 – Динамика индекса сложности экспорта (Казakhstan)

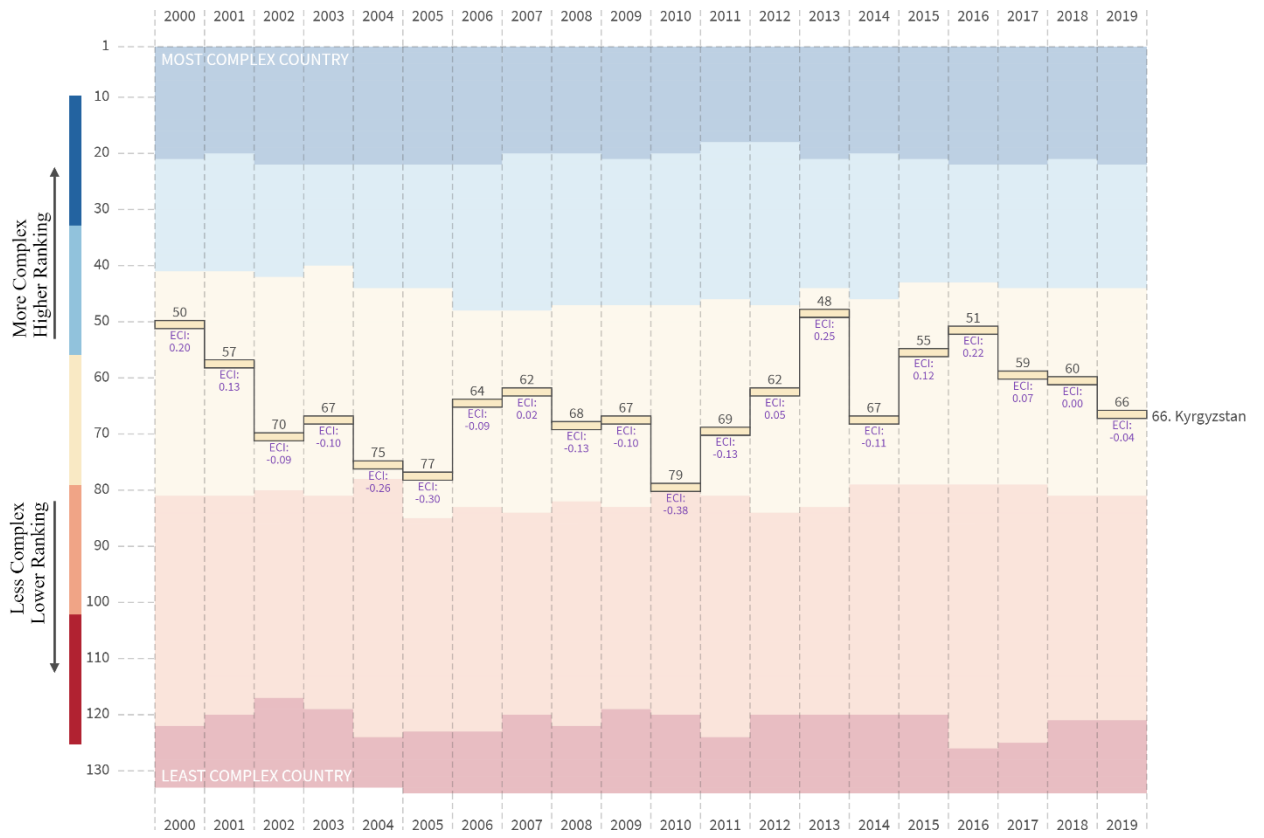

Рисунок А5 – Динамика индекса сложности экспорта (Кыргызстан)

**ПРИЛОЖЕНИЕ Б. ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ОЦЕНКИ
ФИСКАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ИНСТРУМЕНТОВ
ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Таблица Б1 – Исходные данные для расчетов

Год	ВВП, млрд. руб.	Нефтега зовые доходы, млрд. руб.	Ненфте газовые доходы, млрд. руб.	Поступления таможенных пошлин, млрд. руб.	Экспорт, млрд. долл.	Импорт, млрд. Долл.	Средневзв ешенный обменный курс рубля
2006	22942,1	2943,54	3335,35	2067	301,2	137,8	27,185
2007	27964	2897,37	4883,75	2322,8	352,5	199,7	25,577
2008	33908,8	4389,43	4886,5	3484,6	467,6	267,1	24,855
2009	32007,2	2983,96	4353,79	2509,4	301,6	167,4	31,723
2010	37687,8	3830,67	4474,74	3095,6	373,5	217,2	30,369
2011	45392,3	5641,77	5725,88	4403,2	477,6	284,6	29,387
2012	49926,1	6453,18	6402,36	4832,5	524,7	317,2	31,093
2013	54103	6534,04	6485,9	4741,8	525,9	315,2	31,848
2014	59188,3	7433,81	7063,07	5289,6	497,3	287	38,422
2015	65750,6	5862,65	7796,59	3345,6	343,5	182,9	60,958
2016	74120,2	4844,03	8616,01	2618	285,7	182,3	67,035
2017	79745,1	5971,9	9117,01	2551,5	356,5	226,6	58,353
2018	90202,9	9017,77	10436,6	3698,7	436	120,8	62,708
2019	94831,1	7924,25	12264,5	3008,2	422,7	243,9	64,736
2020	106606	5235,25	13483,8	1862,3	331,9	231,3	72,146

Таблица Б2 – Исходные данные для расчетов

Год	Ввозные пошлины, млрд. руб.	Вывозные таможенные пошлины, млрд. руб.	НДС на ввозимые товары, млрд. руб.	Величина налогового бремени (q), ед.			
				Общее	Импорт	Экспорт	НДС
2006	341,588	1725,4	586,714	0,1732	0,09119	0,21072	0,15662
2007	488,046	1834,8	871,087	0,16446	0,09555	0,20351	0,17054
2008	625,574	2859	1133,82	0,19082	0,09423	0,24599	0,17079
2009	467,207	2042,2	873,356	0,16866	0,08798	0,21345	0,16446
2010	587,503	2508,1	1169,51	0,17256	0,08907	0,22112	0,1773
2011	692,929	3710,3	1497,17	0,19658	0,08285	0,26436	0,17901
2012	732,759	4099,7	1659,66	0,18461	0,0743	0,25129	0,16828
2013	683,826	4058	1670,8	0,17702	0,06812	0,24229	0,16644
2014	652,524	4637,1	1750,24	0,17553	0,05917	0,24269	0,15872
2015	565,167	2780,4	1785,22	0,10426	0,05069	0,13279	0,16012
2016	563,946	2054,1	1913,57	0,08345	0,04615	0,10725	0,15659
2017	583,181	1968,3	2067,22	0,07499	0,0441	0,09462	0,15634
2018	673,049	3025,7	2442,09	0,10593	0,08885	0,11067	0,16292
2019	716,89	2291,3	2837,38	0,06971	0,0454	0,08373	0,17971
2020	713,181	1148,1	2933,55	0,04583	0,04274	0,04795	0,17579

ПРИЛОЖЕНИЕ В. РЕГРЕССИОННЫЕ МОДЕЛИ И ОЦЕНКА ИХ КАЧЕСТВА

Таблица В1 – Результаты моделирования таможенное бремя

<i>Регрессионная статистика</i>	
Множественный R	0,905231757
R-квадрат	0,819444535
Нормированный R-квадрат	0,789351957
Стандартная ошибка	492,3410582
Наблюдения	15

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	2	13201470	6600735	27,23079	3,46E-05
Остаток	12	2908797	242399,7		
Итого	14	16110266			

	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>
У-пересечение	-5625,187451	1283,626	-4,38226	0,000893	-8421,97	-2828,41
Таможенное бремя q	380,951683	51,82442	7,350814	8,84E-06	268,036	493,867
ВВП	0,062536307	0,01027	6,089512	5,42E-05	0,040161	0,08491

Таблица В2 – Результаты моделирования импорт

<i>Регрессионная статистика</i>	
Множественный R	0,61099
R-квадрат	0,373308
Нормированный R-квадрат	0,26886
Стандартная ошибка	93,63936
Наблюдения	15

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	2	62677,49	31338,75	3,574084	0,060579
Остаток	12	105220	8768,331		
Итого	14	167897,5			

	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>
Y-пересечение	341,1002	212,7353	1,603402	0,134826	-122,41	804,6105
ВВП	0,003182	0,001514	2,101317	0,057411	-0,00012	0,006481
бремя импорт	0,112113	19,15919	0,585171	0,569274	-30,5329	52,95568

Таблица В3 – Результаты моделирования экспорт

<i>Регрессионная статистика</i>	
Множественный R	0,928281019
R-квадрат	0,86170565
Нормированный R-квадрат	0,838656591
Стандартная ошибка	407,4617543
Наблюдения	15

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	2	12413934,5	6206967,249	37,3857203	7E-06
Остаток	12	1992300,975	166025,0812		
Итого	14	14406235,47			

	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>
Y-пересечение	-4278,497069	898,8555716	-4,759938308	0,000464173	-6236,94	-2320,06
ВВП	0,048800606	0,007630454	6,395505221	3,42517E-05	0,032175	0,065426
время экспорт	232,9352692	2729,327941	8,534528433	1,92743E-06	17346,83	29240,22

Таблица В4 – Результаты моделирования таможенные платежи НДС на ввозимые товары

<i>Регрессионная статистика</i>	
Множественный R	0,991743
R-квадрат	0,983554
Нормированный R-квадрат	0,980813
Стандартная ошибка	96,57416
Наблюдения	15

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	2	6693392	3346696	358,8347	1,98E-11
Остаток	12	111918,8	9326,569		
Итого	14	6805311			

	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>
Y-пересечение	-1771,65	514,6356	-3,44254	0,004872	-2892,95	-650,359
ВВП	0,025958	0,000988	26,28202	5,63E-12	0,023806	0,02811
Время НДС	116,1065	3078,904	3,771034	0,002667	4902,296	18319,01

**ПРИЛОЖЕНИЕ Г. РЕЗУЛЬТАТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ
ВЛИЯНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ НА ДОХОДЫ
БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ**

Таблица Г1 – Результаты моделирования доходы бюджета в разрезе таможенных платежей

<i>Регрессионная статистика</i>	
Множественный R	0,991243911
R-квадрат	0,98256449
Нормированный R-квадрат	0,977809351
Стандартная ошибка	0,04750211
Наблюдения	15

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	3	1,398765471	0,466255	206,6321	5,9599E-10
Остаток	11	0,024820955	0,002256		
Итого	14	1,423586426			

	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>
Y-пересечение	-0,047128393	0,033395066	-1,41124	0,185827	-0,1206304	0,0263736
Ввозные пошлины	-0,277218924	0,099514959	-2,7857	0,017722	-0,4962498	0,0581879
Вывозные таможенные пошлины	0,263520794	0,066495984	3,962958	0,002223	0,1171641	0,4098774
НДС на ввозимые товары	1,248361293	0,081545022	15,30886	9,19E-09	1,0688819	1,4278406